

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЬ 1(62)
2024
XXI
ВЕК

- Малая проза
- Душа с душою говорит
- Голоса молодых
- Это было, было, было...
- Портрет современника
- Проза XXI век
- Образование через искусство

Журнал приглашает
к сотрудничеству организации
и всех заинтересованных лиц

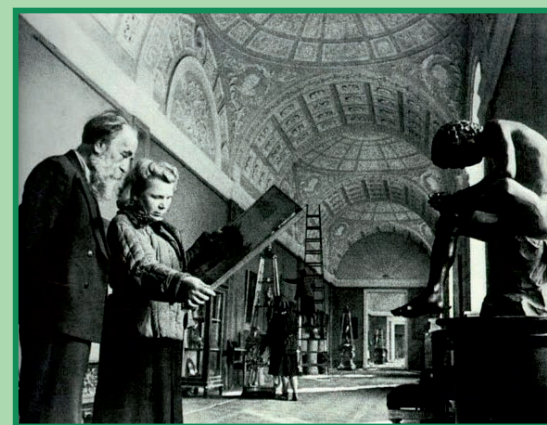
ПИСАТЕЛЬ. XXI ВЕК

2024

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЬ 1(62)
2024

XXI
ВЕК

- Упрямые пятна
- И смех, и грех
- Подарок
- Алюминиевый бидон
- Одноглазый
- Думы
- Старая дура
- О силах магнетических
и человеческих
- Потратить на себя
- Что же ждёт
- Гранатовый браслет
- Страна Вечной Осени
- Выставка картин «Блокада»

*«Лучше скажи мало, но хорошо»
К. Прутков*

Учрежден в 2008 г. Российским Межрегиональным союзом писателей
(секция «Литературно-дискуссионные чтения»),
Академией русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина.
С 25.11.09 г. журнал выходит в свет в качестве межсоюзного писательского издания.

Редакционная коллегия:
Е. С. Роговер, Н. Ф. Ульянова, Н. В. Харитонов

Контактные телефоны (в Санкт-Петербурге): 552-13-82.
e-mail: ulyanovanf@mail.ru

Верстка — О. А. Карманова
Макет обложки — О. А. Карманова
Корректор — С. М. Ионова

При перепечатке ссылка на журнал «Писатель. XXI век» обязательна.
Фотографии предоставлены участниками выпуска.

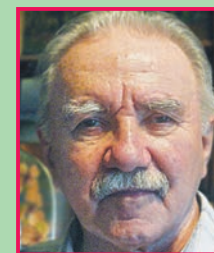
СПб: Негосударственное учреждение культуры "Серебряный век", 2024

ISBN 978-5-605-1100-6-4

© Автор-составитель Н. Ф. Ульянова, 2024
© Коллектив авторов, 2024
© Журнал «Писатель. XXI век», 2024

Предлагаемое издание продолжает намеченную в предшествующих выпусках работу по восстановлению в русском сознании понятия писатель. Начиная с 1991 года в нашей стране возникла новая реальность — реальность преобладания частных или сугубо обывательских (корыстных) интересов. Ее неудержимая поступь вызвала к жизни разгул упоения от мертвого в своей сути успеха. В результате большие смыслы, или непреходящие смыслы общей жизни, стали стремительно исчезать, уступая место интересам вполне местечковым, натужно выдаваемым при этом за нечто непреходящее. Параллельно в литературном творчестве резко возобладали активно поощряемые российскими властями процессы торговли постыдным как вполне даже приличным делом. В частности, внутриредакционные установки центральных телевизионных каналов строго указывают на непреложную необходимость радикального упрощения ключевых смыслов любого художественного произведения, на создание в стране атмосферы не вдумчивого, а значит, превратного (искаженного) восприятия жизни. В итоге подобной политики само понятие писатель стало мельчать и превращаться в нечто суетное и даже оскорбительное. На сегодняшний день в России вместо писателей развелись во множестве так называемые авторы. Но что они такое? Это своего рода специалисты по развлечению и соблазнению всякого русского читателя, превращению его в потребителя «желтой» или снобистской и во многом сфальсифицированной (намеренно «склеенной» из правды и лжи) литературы. Иначе говоря, деятельность этих «умельцев» имеет ныне исключительно антинародный характер. Или, всячески искушая своего читателя (зрителя), они вводят его сознание в состояние утраты им смысла собственной жизни. Хорошо ли это? Вряд ли. Другими словами, только большие смыслы дают каждому человеку человеческое достоинство, предоставляют ему же подлинную надежду и удовлетворение жизнью. Поэтому лишь писатель как подлинный мастер художественного разговора о больших и непреходящих для человека смыслах и способен будет переломить уже сложившуюся очевидно вредную тенденцию отчуждения человека от человеческого же содержания. А настоящий выпуск журнала как раз и продолжает это сложное, но воистину насущное дело.

АВТОРЫ ЭТОГО ВЫПУСКА ЖУРНАЛА

Е. С. Роговер

Н. Ф. Ульянова

Н. В. Харитонов

Андрей-Viktoria-Андреев

Оксана Нарейко

В. А. Орлов

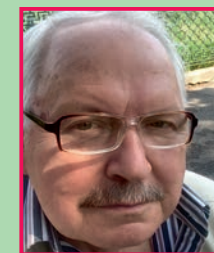
Михаил Лекс

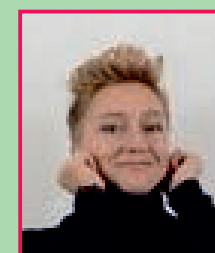
Наташа Майская

Гектор Шульц

Е. Б. Мюллер

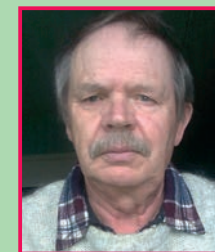
Жозе Дале

Александр Железов

Александр Райн

Д. Г. Горошнев

А. А. Беляков

СОДЕРЖАНИЕ

МАЛАЯ ПРОЗА

<i>Михаил Лекс.</i> Упрямые пятна	2
И смех, и грех	7
<i>Жозе Дале.</i> Подарок	13
<i>Евгений Мюллер.</i> Алюминиевый бидон	16
<i>Гектор Шульц.</i> Одноглазый	29
Василий Шукшин «Думы»	31

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРИТ

<i>Андрей-Viktoria-Андреев, Дмитрий Горошнев, Наташа Майская</i>	36
--	----

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

<i>Алексей Беяков.</i> Старая дура	46
О силах магнетических и человеческих	50
<i>Александр Райн.</i> Потратить на себя	54

ЭТО БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО...

<i>Александр Железов.</i> Что же ждёт	59
---	----

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО

<i>Наталия Ульянова.</i> Иосиф Орбели — человек, который спас коллекции Эрмитажа	61
---	----

ПРОЗА XXI ВЕК

<i>Оксана Нарейко.</i> Гранатовый браслет	64
<i>Жозе Дале.</i> Страна Вечной Осени. Книга 1 - Когда нет короля	76

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

<i>Валерий Орлов.</i> Выставка картин «Блокада»	154
---	-----

Михаил Лекс
(Россия, Краснодарский край, г. Геленджик)

УПРЯМЫЕ ПЯТНА

С сегодняшнего дня Дмитрий в отпуске. Дети уже ушли в школу, а Дмитрий выспался, позавтракал, но с кухни не ушёл. Решил поговорить с женой.

Он сидит за столом и внимательно смотрит за тем, как Ангелина чистит плиту.

— Я уверен, любимая, что жизнь каждого мужчины — это подвиг, — сказал Дмитрий. — Подвиг нравственный, трудовой, интеллектуальный, благородный и так далее. А вот особо упрямые пятна, дорогая, можно легко убрать, если сначала полить их немного маслицем. Пять минут подождать, и всё.

Ангелина и Дмитрий вместе уже пятнадцать лет.

И впервые так получилось, что в отпуск Дмитрий пошёл не летом, как обычно, а в конце октября.

«Блин, — подумала Ангелина, — он что, теперь весь отпуск меня изводить будет? Спокойно, Ангелина, спокойно. Главное, не нервничать. Надо пройти и это испытание».

— Я так и хотела сделать, — спокойно ответила Ангелина.

«Какая же ты упрямая, Ангелина, — подумал Дмитрий, — просто сил никаких нет. Другая бы на твоём месте признала, что не права, и всё. А ты спорить начинаешь. Зачем?»

— Нет, любимая, не хотела, — тоже спокойно настаивал на своём Дмитрий, — не хотела. Я уверен, что ты вообще этого не знала. Потому что ты всё трёшь и трёшь. Жёсткой губкой! А так легко испортить рабочую поверхность плиты. Поцарапать можно. А плита — почти новая.

До этого все летние отпуска Дмитрий проводил с женой и детьми или у её родителей — на даче, или у своих родителей — в деревне. И там всё было спокойно. А теперь на даче и в деревне холодно. Приходится отпуск проводить в городе, в квартире, где только он, она и их дети.

— Тогда сам и чисти свою плиту, — не выдержала и рассердилась Ангелина. — Бери масло, поливай свои упрямые пятна и будь счастлив.

«Ага, как же, — подумал Дмитрий, — разбежался».

— Я бы с удовольствием, — сказал Дмитрий. — Но... Увы... Не имею права. Не мужское занятие. Как после этого я смогу смотреть в глаза другим мужчинам?

— Ну, тогда и не учи меня, — сказала Ангелина и усмехнулась. — Упрямые пятна. Слова-то какие нашёл! Где ты этого нахватался только, не понимаю. Учитель! Только найди себе другую ученицу. Меня учить не надо.

«Ты ж, моя лапочка, — подумал Дмитрий, — учить её не надо. Надо тебя учить, любимая. Ещё как надо. И кто это будет делать, если не твой родной муж? А?»

— Да как тебя не учить, Ангелина, если ты ничего не умеешь? — спросил Дмитрий. — Или ты думаешь, мне это радость доставляет?

— Думаю — да, — ответила Ангелина.

«Правильно думаешь», — радостно подумал Дмитрий.

— Глупая, — ответил, вздыхая, Дмитрий. — Я ведь люблю тебя.

«Надо что-то придумать, — думала Ангелина. — Иначе за 28 дней он меня просто с ума сведёт. А ещё и у детей с завтрашнего дня каникулы. Кошмар. Я точно свихнусь с ними со всеми. Летом в деревне или на даче можно было их всех на родителей оставить, на моих или его. А сейчас? В деревню не поедешь. На дачу тоже. Холодно. Да и нечего там делать. Нет. Надо что-то придумать. Но что?»

— Ты что-то о жизни мужчины говорил? — напомнила Ангелина. — Говоришь, подвиг?

— Подвиг непрерывный! — горячо ответил Дмитрий. — И каждый мужчина поэтому — герой. А если мужчина, ко всему прочему, ещё и женат, и у него есть дети, то значительность подвига и героизм мужчины возрастают многократно.

Ангелина высыпала картошку в раковину, включила воду и стала её чистить. Рядом на столе лежал кочан свежей капусты. Ангелина собиралась варить щи.

— А жизнь женщины в таком случае, что? — спросила Ангелина.

«Да что же ты творишь-то, Ангелина! — подумал Дмитрий. — Да кто же так щи варит?»

— Жизнь каждой женщины, — сказал Дмитрий, поднимаясь со стула и подходя к Ангелине, — это праздник. Вечный и непрекращающийся ни на мгновение! Выключи воду, дорогая, и послушай меня. Только внимательно! Прежде чем картошку начинать чистить, лучше её вымыть. Металлической губкой. Поняла? Но прежде лучше порезать капусту и начать её варить.

— На, — сказала Ангелина и протянула Дмитрию металлическую губку, — мой, режь, ставь варить.

— Мне нельзя, — сказал Дмитрий. — Я после этого сам не отмоюсь. Виданное ли дело! Мужика капусту резать и картошку мыть. Что люди скажут?

— Тогда отвяжись, — сказала Ангелина и продолжила чистить картошку.

«Зануда, — подумала Ангелина. — Да нет, так-то он мужик не плохой. Но вот когда без работы сидит, то на него тогда что-то находит. В деревне или на даче он бы нашёл чем заняться. А здесь? Конечно, ему скучно. Вот он и нудит».

Дмитрий с обиженным лицом подошёл к окну.

«Ну вот, — подумала Ангелина, — уже и обиделся. А ведь это только первый день отпуска. Что дальше будет? Как жить? Не понимаю».

— Говоришь, жизнь женщины — это праздник? — весело спросила Ангелина. — Вечный и бесконечный?

— Как сама жизнь, — грустно ответил Дмитрий, глядя в окно. — И каждая женщина требует, чтобы её признали на этом празднике главной.

— От кого требует? — спросила Ангелина.

— От мужчины, разумеется, — ответил Дмитрий. — От кого же ещё женщина может что-то требовать.

— Ну да, — согласилась Ангелина. — Это ведь его жизнь — подвиг.

Она уже почистила картошку.

— Ты всё правильно понимаешь, любимая, — сказал Дмитрий, жадно глядя в раковину, где лежала картофельная кожура. — А если женщина к тому же замужем, и у неё есть дети, то праздники, как и подвиги, становятся всё более и более грандиозными. А картошечку всё же лучше скоблить. Ты слишком много срезаешь кожуры, любимая.

«Да какой же ты настырный-то, — подумала Ангелина. — Как тебя только на работе терпят, не понимаю. Спокойно, Ангелина, спокойно. Его отпуск пролетит — не заметишь. И всё у нас будет по-прежнему».

— Трудно скоблить, — сказала Ангелина. — Это ведь не молодая картошка.

— Ну и что, что не молодая? — вспыхнул Дмитрий. — Не молодая, значит, можно половину срезать? Не молодая, значит, можно деньги на ветер выкидывать?

— Почему на ветер? Почему половину? Где ты видишь половину? По-моему, нормальная кожура.

— Моя задача, Ангелина, — сказал Дмитрий, — сделать так, чтобы и ты, и наши дети ни в чём не нуждались. Но при таком твоём отношении к жизни, Ангелина, мне будет трудно это сделать. Где? Покажи? Где ты видишь нормальную кожуру? Вот, смотри, я тебе сейчас покажу.

Дмитрий вытащил из кармана штангенциркуль и измерил толщину счищенной кожуры, а результат показал Ангелине.

— По-твоему, это нормальная кожура? — спросил Дмитрий.

«Нет, — уверенно подумала Ангелина, — его отпуск незаметно не пролетит. Свихнусь раньше, чем он закончится».

А Дмитрий в это время убрал штангенциркуль и вытащил из шкафа весы для продуктов, переложил картофельную кожуру из раковины в пакет полиэтиленовый и положил на весы.

— Видишь? — спросил он. — Представляешь, сколько денег ты сейчас выкинешь в ведро мусорное? Я, конечно, понимаю, что у тебя вся жизнь — это праздник, и моя задача обеспечить тебя на этом празднике всем необходимым. Но всему должен быть предел, Ангелина. Твоё расточительство выходит уже за грани разумного. Ты ведь знаешь, что я — не жадный человек, и мне для тебя ничего не жалко. Но пожалей и ты меня. Неужели так трудно было поскоблить?

— Вот сам и скобли, — ответила Ангелина.

— Мне нельзя, — ответил Дмитрий. — Не мужское занятие. Я после сам себя не прощу за это. Уважать себя перестану. Ты этого добиваешься?

Ангелина смотрела на мужа и не понимала, как жить дальше. Готова была уже смириться. Но, вспомнив про упрямые пятна на рабочей поверхности плиты, поняла, что мириться с этим никак нельзя, и сразу решила эту задачу.

— Надоело, — сказала Ангелина. — Завтра утром иду на работу устраиваться.

— Как на работу? — не понял Дмитрий. — Зачем это?

— Затем, — ответила Ангелина.

Утро следующего дня.

Ангелина — в прихожей. Собирается идти устраиваться на работу. В прихожей появляется Дмитрий. Он только что поднялся с постели, ещё не одет и с интересом смотрит на жену.

— Уже уходишь? — спросил Дмитрий.

— Убегаю, — ответила Ангелина, посмотрела на часы и покачала головой. — Опаздываю на собеседование.

— А я ведь ещё не завтракал, — сказал Дмитрий. — Проснулся, смотрю, тебя нет. Выхожу, а ты уже уходишь.

— Извини, что не разбудила, — сказала Ангелина. — Но мне сейчас не до тебя и не до твоего завтрака. На часы смотрел? Я проспала. Теперь вот опаздываю. Ты сам сделай себе что-нибудь.

— Что сделать? Я не понял.

— Яичницу, например, — ответила Ангелина, — или бутерброды. Можешь кашу сварить или картошку. Только прежде поскобли её, поскобли. Плитку после не забудь помыть. А упрямые пятна на её рабочей поверхности маслом полей.

— Ты это сейчас серьёзно насчёт пятен? Ангелина? Какую картошку? Какую кашу?

— Любую кашу, — нервно ответила Ангелина. — Гречневую, например. Наливаешь воду в ковшик. Когда вода закипит, положишь туда пакетик с кашей. И через 15 минут всё готово. Что? В тридцать пять лет не способен себе завтрак приготовить? Заодно и детей накормишь. Кстати. У них с сегодняшнего дня каникулы.

— Я должен будить твоих детей, Ангелина? И завтрак им варить? Может, ещё чего повеселее придумаешь?

— Они — такие же мои, Дима, как и твои, — ответила Ангелина. — Сходи с ними в кино. Или ещё куда-нибудь. У тебя — отпуск, а у них — каникулы. Вот и отдыхайте. Развлекайтесь. А мне некогда. Я убежала.

— Я тебя никуда не отпускаю, Ангелина, — сказал Дмитрий. — Давай поговорим. Я не могу, когда ты так. Я должен разобраться. Что в нашей семье, в конце концов, происходит? Я не для того в отпуск ушёл, чтобы детям кашу варить.

— Вечером, всё вечером, — сказала Ангелина.

— Как вечером? — воскликнул Дмитрий. — Ты что до вечера на собеседование пошла?

— Так у меня их несколько, — ответила Ангелина. — В разных местах. Так что всё — вечером. И поговорим, и разберёмся во всём. Сейчас, честное слово, некогда. Поверь. Столько всего надо успеть. В стольких местах побывать. Поэтому буду поздно. Раньше девяти вечера и не ждите. Ужинайте без меня.

«Развод? — думал Дмитрий. — Развод! И пусть идёт, куда хочет. Если она так, то и я молчать не буду».

— А ты, Ангелина, можешь вообще сегодня домой не возвращаться, — воскликнул Дмитрий.

— Как скажешь, любимый, — ответила Ангелина, выскочила из квартиры и сильно захлопнула за собой дверь.

— И дверью здесь стучать не надо! — заорал Дмитрий.

В это время проснулись дети, и Дмитрий пошёл на кухню готовить им завтрак. После завтрака Дмитрий с детьми пошёл гулять. Домой вернулись только к девяти вечера. И за всё это время Дмитрий ни разу не позвонил Ангелине и не поинтересовался, как у неё дела. Ангелина тоже не звонила Дмитрию.

«Мать, называется, — ворчал Дмитрий, укладывая детей спать. — Ну, ладно, Ангелина. Вот только вернись домой. Я тебе всё скажу».

В 23-00 Дмитрий решил позвонить Ангелине.

— Я не понял, — сказал он. — Это как называется? Собеседование? Ночь на дворе! А ты где-то шляешься!

— Ты же сам сказал, Дима, что я могу сегодня домой не возвращаться, — спокойно ответила Ангелина.

Дмитрий на какое-то время даже дара речи лишился.

— Почему ты молчишь, Дима? — не понимала Ангелина. — Ты меня слышишь? Алё! Ты где там?

— Я сказал, что ты можешь домой не возвращаться совсем в другом смысле, — сказал Дмитрий, когда способность говорить к нему вернулась. — А не в том, в каком ты это поняла.

— Как сказал, так я и поняла, — оправдывалась Ангелина.

— Я это сказал в том смысле, что мне не нравится твоё поведение, Ангелина.

— А-а, — разочарованно сказала Ангелина, — значит, я тебя неправильно поняла.

— Значит, неправильно поняла.

— Но ты, Дима, сам виноват. В следующий раз говори в том смысле, в каком надо. Хорошо? Чтобы между нами не было недопонимания. Про упрямые-то пятна на рабочей поверхности вон как ты здорово говорил. Всё чётко, ясно и однозначно.

— А ты знаешь, что я за это могу с тобой сделать, Ангелина? — спросил Дмитрий. — Я ведь могу лишить тебя материнства. Я ведь детей могу у тебя забрать. Вот расскажу, где надо, что ты дома не ночуешь и за детьми не следишь. Что будет тогда? А? Не думала об этом?

— А что тогда будет? — спокойно спросила Ангелина.

— А то! — ответил Дмитрий. — Заберу у тебя детей, вот что будет. Думаешь, у меня не получится? Ха-ха. Ты меня ещё плохо знаешь. У меня, знаешь, есть такие знакомые, которые это быстро устроят. Так что, Ангелина, можешь и дальше продолжать жить в том же духе. Можешь вообще теперь домой не приходить и жить где хочешь. Только не удивляйся после, что осталась без детей.

— Детей хочешь у меня забрать? — спокойно спросила Ангелина. — Да забирай. На здоровье. Тоже мне, нашёл чем пугать. Можешь и знакомых своих не напрягать. Я тебе их так отдаю. Безвозмездно.

— Как это? — не понял Дмитрий.

— Это значит — даром, — ответила Ангелина. — Кстати. Меня на работу взяли. Завтра начинаю. И спасибо за разрешение вообще дома не появляться и продолжать жить в том же духе.

Дмитрий услышал в телефоне короткие гудки.

«Ну вот, что здесь сделать? — подумал Дмитрий. — Если она всё понимает буквально. Ничего другого не остаётся, как ждать. Может, у неё всё-таки проснётся совесть. А если нет? А если не проснётся? Что тогда? У меня ведь отпуск — не вечный. Господи, да за что мне всё это? Что я сделал? Остаётся только ждать и надеяться на лучшее. Может, оно всё и обойдётся, и Ангелина вернётся? Хотелось бы верить. А я бы ей всё тогда простил. Обещаю».

Ангелина вернулась домой за день до того, как у Дмитрия закончился отпуск. Дмитрий, конечно же, обрадовался и, как и обещал, сразу простил ей всё. И решил больше никогда не проводить отпуск дома.

***

Прошло полгода. И Дмитрий понял, что его жизнь теперь не такая, как прежде. Его жизнь перестала быть подвигом.

Более того! Его жизнь превратилась в бесконечный и вечный праздник. Потому что Ангелина мало того, что устроилась на работу, но и зарабатывала теперь в разы больше него.

«Да кто же я теперь есть после всего этого, если в моей жизни больше нет места подвигу? — грустно размышлял Дмитрий. — Да как же я после всего этого могу с уважением относиться к самому себе? А как теперь смотреть другим честным мужчинам в глаза, у которых жизнь по-прежнему — это ежедневная борьба, ежедневное преодоление трудностей? Получается, что нет мне места среди героев? Так, что ли?»

Дмитрий вспоминал, как ещё совсем недавно он, уверенный в себе и своих возможностях, учил жену щи варить и картошку чистить.

Вспомнил и про упрямые пятна на рабочей поверхности плиты. Грустно стало Дмитрию. Понял Дмитрий, что ничего этого вернуть уже нельзя.

«Как быстро прошла молодость, — думал Дмитрий. — Как быстро она прошла».

И СМЕХ, И ГРЕХ

Когда тёща купила дачу и уехала туда на всё лето, Василий стал смелым. За ужином Надежда Павловна посмотрела на зятя своим обычным тяжёлым взглядом, каким вот уже четыре года только и смотрит на него.

— Ты, Василий, когда женился на моей дочери, что обещал? — строго спросила она.

Василий уткнулся в тарелку и что-то невнятное пробурчал себе под нос. Катерина решила заступиться за мужа.

— Да ладно тебе, мам, — сказала она, — он ведь только с работы. Пусть поест. Ешь, Васенька, ешь. Не бойся.

— Ешь, Васенька, ешь, — передразнила дочь Надежда Павловна. — Наедайся. Может, поумнеешь.

— Ну, мама!

— Что «мама»? — возмущенно ответила Надежда Павловна. — Он у тебя уже не стесняется пьяным домой с работы возвращаться. А ты всё: «мама», «мама». Интересно, что дальше будет?

— Уж ничего нельзя, — тихо произнёс Василий, не поднимая глаз. — Выпил-то чуть-чуть. Всего пару стаканчиков сухенького. Подумаешь. Другим можно, а мне, что? Нельзя, что ли?

— Что такое? — с удивлением сказала Надежда Павловна. — Каким это другим? Кому можно?

— Другие-то поболее моего пьют, — тихо ответил Василий. — Каждый день с работы домой нетрезвыми возвращаются. И ничего. А я всего-то разок попробовал. И на тебе.

— Короче, — строго сказала Надежда Павловна, — ещё раз придёшь домой пьяным, сразу вылетишь из моей квартиры.

— Ну, мама! — возмутилась Катерина.

— Я всё сказала! — с этими словами Надежда Павловна поднялась из-за стола и ушла в свою комнату.

Катерина с жалостью смотрела на мужа.

— Я её боюсь, — произнёс Василий.

— Не бойся, — ласково и нежно сказала Катерина. — Она добрая.

— А-а, «не бойся». Тебе легко говорить. Ты её дочь. Тебя, конечно, она не тронет. А я? Кто я ей? Ещё и живу в её квартире.

— И тебя она не тронет, — уверенно ответила Катерина. — А квартира эта не только её, но и моя тоже. Тем более у нас ребёнок маленький. Это она тебя пугает.

— Вот уже скоро четыре года, как я у вас живу, — шепотом говорил Василий, опасаясь, что тёща услышит, — и всё это время я как на вулкане, честное слово, Катерина. Ты меня понимаешь?

— Понимаю.

— Хожу на цыпочках. Оглядываюсь постоянно. Разговариваю чуть слышно. Скоро вообще говорить разучусь. Отчитываться приходится за всё. И ладно бы перед тобой! А то перед ней. Шагу ступить не могу, чтобы не услышать от неё какое-нибудь замечание.

— Ты ешь, Вася, ешь, — ласково шептала в ответ Катерина, жалостливо глядя на мужа и глядя его по голове.

— Я ем, ем, — шептал в ответ Василий, — но сил больше никаких нет.

— Если бы ты знал, Васенька, как я тебя понимаю.

— И всё-то ей нужно знать, — продолжал шептать Василий. — Такое впечатление, что моя жена — не ты, а она. Почему позже вернулся с работы? Почему в этом месяце зарплата меньше? А помнишь, что было, когда ей показалось, что от меня женскими духами пахнет?

— Помню, конечно, — грустно ответила Катерина. — Разве такое забудешь.

— Каждый день, — шептал Василий, — каждый день одни сплошные «почему» и упреки. Или не туда шагнул, или не то сделал. Я, может, и выпил сегодня, потому что сил уже терпеть нет.

— Ты, на всякий случай, Вася, больше не приходи выпивши, — шептала Катерина. — А то, кто её знает.

— Само собой. Что же я, не понимаю, что ли. Жить-то ещё хочется.

Василий сделал грустное лицо и продолжал есть. Катерина с жалостью смотрела на мужа и невольные слёзы катились из её глаз.

— Потерпи, Вася, — произнесла она. — Скоро купим свою квартиру и переедем.

— Только бы дожить, — ответил Василий, доедая вторую тарелку борща, — только бы дожить.

Надежда Павловна была на полголовы выше Василия и вдвое, чем он, шире. И тихо говорить она не умела. А голос у неё был низкий, требовательный.

Всю жизнь она проработала на ткацкой фабрике. Сначала ткачихой. А когда окончила техникум, стала мастером. После заочного окончания института, карьера её пошла вверх. Она дослужилась до директора фабрики. Замуж так и не вышла. Но имела двоих детей.

Пять лет назад женился её старший сын. И уехал в другой город. И Надежда Павловна осталась вдвоём с дочерью. А четыре года назад и дочка вышла замуж. За Василия. Вскоре у них родилась дочка. Своей квартиры у Василия не было и Надежда Павловна разрешила им жить с ней.

— Я не представляю, Катерина, — сказал Василий, — как ты с ней жила.

— Так и жила, — вздохнув, ответила Катерина.

— Поди, не просто было, — сочувственно произнёс Василий.

— Ещё как не просто, — ответила Катерина.

— Представляю, — задумчиво произнёс Василий. — Я её всего четыре года знаю, а уже натерпелся. А ты уже больше двадцати пяти лет страдаешь.

— Да что я, — махнула рукой Катерина, — не думай обо мне. Я уже привыкла.

— Да разве же можно к такому привыкнуть?! — Василий был настолько возмущён, что, забывшись, даже повысил голос. Но тут же испугался и посмотрел на дверь.

«А вдруг тёща услышала? — с ужасом подумал он. — Господи, что со всеми нами будет?»

Вот так и жил Василий в страхе перед Надеждой Павловной, того не подозревая, что не эту женщину ему следует бояться. Ой, не эту. Что есть женщина, которая намного для него опаснее и страшнее какой-то там Надежды Павловны. А когда узнал, было уже поздно.

На следующий день Василий пришёл домой вовремя и трезвый. Прежде чем пойти ужинать, сходил, принял душ и побрился. За едой старался есть, не чавкая и не позволяя себе других неприличных за столом звуков. Когда ел суп, ложкой о тарелку не стучал. Котлету ел с помощью ножа и вилки. Жевал с закрытым ртом. Компот пил маленькими глоточками. И не ставил локти на стол. В общем, вёл он себя так, как надо, и ужин прошёл благополучно. А уже в конце ужина Надежда Павловна сделала заявление.

— До сих пор, — произнесла она, — дача мне была не нужна. Но теперь я вдруг почувствовала, что хочу заниматься садоводством. Поэтому...

Прежде чем продолжить, Надежда Павловна посмотрела на зятя. Василий почувствовал недоброе. Ему вдруг стало как-то тяжело, холодно и неуютно под взглядом тёщи.

— Я купила дачу, — продолжила тёща, не переставая смотреть на Василия. Василий жалобно улыбнулся в ответ, не зная, что сказать.

— И завтра я уезжаю.

— Куда? — спросила Катерина.

— На дачу. Куда же ещё. Ты чего, не слышала, что я сказала?

— Надолго уезжаете, Надежда Павловна? — заискивающе поинтересовался Василий.

— На всё лето.

— А как же твоя работа, мама?

— А что работа? Дача недалеко от города. С неё и буду ездить на работу. Утром меня будут увозить, а вечером привозить обратно.

Надежда Павловна снова посмотрела на зятя.

— И очень тебя прошу, Василий, — сказала она, — веди себя здесь хорошо.

— Надежда Павловна, — обиженно ответил Василий.

— Я понимаю, что в моё отсутствие тебе захочется позволить себе всё.

— Надежда Павловна!

— Так вот, не советую.

— За кого вы меня принимаете? — испуганно прошептал Василий.

— Пожалеешь!

— Просто даже обидно, — тихо отвечал Василий.

— Я тебя предупредила!

— Мне кажется, я не заслужил, чтобы...

— Всё! — резко произнесла Надежда Павловна, поднимаясь из-за стола и уходя к себе. — Разговор закончен. Завтра утром я уезжаю. Вернусь в сентябре. Чтобы в квартире порядок был.

Надежда Павловна ушла и закрыла за собой дверь.

— Ура!!! — дружно, но шепотом закричали Василий и Катерина.

Они схватились за руки и стали кружиться и прыгать от счастья. А Надежда Павловна в это время стояла в своей комнате и задумчиво смотрела в окно.

«Только бы он ничего не натворил, — думала она, — только бы ничего не натворил. Я так за него боюсь. Ведь он хороший. И добрый. Где ещё Катерина такого мужа найдёт. А ведь Катерина — не я. Случись что, она ему и малого не простит. И он уже не отделается простым выговором. Ведь он не знает, на ком женился. А у Катерины рука тяжёлая. Всё это время я, как могла, сглаживала ситуации. Зная характер дочери, специально ругала Василия за каждую мелочь. Чтобы только ему от неё не доставалось. Не жизнь, а сплошное напряжение. И так продолжается уже четыре года. Нужно постоянно следить за каждым его шагом, ловить каждое его слово. И если что-то не так, сразу же принимать меры. Сразу же. Потому что, если не я, это сделала бы Катерина. А она делать замечания не умеет. И рука у неё тяжёлая».

И не напрасно Надежда Павловна боялась. И она, может, и не уехала бы никуда, если бы знала, что случится после её отъезда. Но уж очень ей

надоело в городе. Да и устала она и от Василия, и от Катерины, а когда родилась внучка, совсем ей жизни не стало.

«Ещё немного, — думала Надежда Павловна, — и я не выдержу. Пора отдохнуть от них. И будь что будет. Не могу же я вечным буфером быть между ними. Когда-нибудь Василий всё равно узнает, на ком женился. Не сейчас, так после, когда купят свою квартиру и переедут. Так лучше уж сейчас».

И Надежда Павловна уехала. Она даже забрала с собой внучку.

— Пусть пару дней у меня побудет, — сказала она. — На большее не рассчитывайте. Не забывайте, что я тоже, как и вы, работаю.

И вот как только она уехала, так сразу Василий стал смелым.

Он решил, что теперь-то ему можно всё. Он даже взял отгул на этот день. И пригласил в гости своих друзей, с которыми вместе работал. Ему вдруг захотелось похвастаться, как он хорошо живёт.

— Вот здесь я и живу, — показывал он друзьям квартиру Надежды Павловны.

Квартира друзьям понравилась.

— Солидная квартира, — произнесли они. — Большая. Пять комнат!

— Квартира, что! — сказал Василий. — А вот я вас ещё с женой своей познакомлю.

— Может, не надо с женой? — опасались друзья. — Жена ведь может не одобрить.

— Да что вы. Моя жена? Не одобрит? Да вы её не знаете. Милое, чудное создание. Знаете, какая она гостеприимная. Просто у нас раньше не было такой возможности гостей приглашать. А понимает она меня с полуслова. За четыре года, что мы вместе, я слова грубого от неё не слышал. Думает только о моём счастье. Да она и сама будет рада, когда увидит, что у нас в доме праздник. Если бы вы знали, какая трудная у неё была жизнь. Не до праздников ей было. Поверьте.

— Ну, если жена будет рада, тогда конечно, — согласились друзья.

Когда Катерина вернулась с работы, веселье было в самом разгаре. В квартире было очень много незнакомых ей мужчин и женщин. С одной из них она и увидела Василия. Они танцевали. И при этом Василий рассказывал ей на ушко, что давно женат, что у него есть дочь, но она сейчас на даче с бабушкой.

— Поверьте, Зоенька, — шептал он, — мужчина, когда ему за 30, хочет от жизни чего-то такого, а чего и сам не знает.

А Зоенька не понимала, что ей там шепчут. Во-первых, ей было щекотно (поэтому она и смеялась), а во-вторых, она к тому времени уже много выпила и не хотела о чём-то думать.

Вот в этот самый момент их и увидела Катерина. А Василий увидел её. И очень обрадовался.

— Катенька! — закричал он. — Позволь тебе представить...

Это всё, что успел сказать Василий. И уже через пять минут в квартире никого не было. В том числе и самого Василия. Он был вышвырнут из квартиры первым. За ним вылетела Зоенька. Ну, а за ними и все остальные.

— Как же это? — шептал растерянно Василий, когда гости разошлись, а он один стоял перед дверью квартиры. — Ничего не понимаю. Неужели это моя Катенька? Неужели это она — звезда и капитан нашей женской инсти-

тутской команды по волейболу? В которую я когда-то влюбился без памяти! С которой живу душа в душу четыре года! И с которой у меня есть дочка! Неужели это она? Этого не может быть...

На его голове не хватало клока волос. Нос распух, и до него было не дотронуться. Правый глаз заплыл и ничего не видел.

— Как же это? — повторял Василий, не понимая, что ему делать и как жить дальше.

Звонить в дверь он не решался. Надеялся, что рано или поздно о нём вспомнят и пустят.

О нём вспомнили. Через час. Катерина открыла дверь и выставила чемодан.

— Здесь твои вещи, — произнесла она. — Мы разводимся.

«Господи, как она сейчас похожа на свою маму, — с ужасом думал Василий, выходя с чемоданом из подъезда. — Разве что чуть повыше ростом, а так, ну копия Надежды Павловны. Хотя... Нет. Нет! Надежда Павловна не такая. Надежда Павловна сдержанная. Добрая. Только сейчас я понял, что она ко мне, в общем-то, неплохо относилась. Зачем она уехала? Зачем покинула меня? Почему её сейчас нет рядом со мной? Лучше бы не уезжала. Тогда ничего бы этого не было. И всё было бы по-прежнему».

Василий вызвал такси и поехал к теще. Он был уверен, что Надежда Павловна что-нибудь придумает и спасёт его.

Так и получилось. Выслушав зятя, Надежда Павловна поняла, в чём дело, и позвонила дочери.

— Я всё знаю, — сказала она. — Ты правильно сделала, Катерина. Но! Этого мало. Надо сделать ещё кое-что.

— Что ты хочешь сделать, мама? — испуганно воскликнула Катерина.

— Я знаю, что, — ответила Надежда Павловна. — А вот тебе лучше этого не знать.

— Не смей его трогать, мама! — закричала Катерина. — Это мой муж, а не твой. Если ты хоть пальцем его тронешь, мама, пеняй на себя. Ты меня знаешь!

— Поздно, доченька, — ответила Надежда Павловна. — Поздно. Механизм возмездия уже запущен. Сурового наказания ему не избежать.

В то время, когда мама и дочка разговаривали, Василий сидел за столом напротив тещи, пил чай и ел блины с малиновым вареньем.

Надежда Павловна выключила телефон и строго посмотрела на зятя.

— Сейчас она позвонит тебе. Делай всё, как она скажет. Понял?

— Всё понял, Надежда Павловна. Сделаю всё.

Катерина позвонила мужу и потребовала, чтобы он сейчас же ехал домой. И чтобы он не садился в первое и во второе такси.

А когда Василий вернулся, Катерина настояла, чтобы он взял отпуск и месяц не выходил из дома. О разводе Катерина уже не думала.

А когда прошло лето и Надежда Павловна вернулась с дачи, они зажили по-прежнему.

А Василий больше не мечтает о своей квартире. Он больше не хочет подолгу оставаться наедине с Катериной, если где-то рядом не находится теща. Ему страшно.

*Жозе Дале
(Россия, г. Красноярск)*

ПОДАРОК

Каждый раз, когда в мире умирает одинокая бабушка, грустит котик. Это не поэтическое преувеличение, ибо котику после бабушки светит улица — родственники куда охотнее наследуют квартиры, чем кошек и собак.

Одна такая бабушка собралась помирать в эту зиму. Январь еще кое-как отходила, а к февралю стало невмоготу, и морозной ночью заскрипели во дворе колеса скорой помощи. Разбуженные соседи проследили в глазок, как вынесли на носилках грузное тело, и фельдшер, уходивший последним, выключил свет в прихожей. Дверь хлопнула и затихла, и все уснуло до утра.

Наступивший день был самым обычным зимним днем, тусклым и пасмурным. К вечеру почему-то вспомнилось:

- Слушай, а у соседки-то кошки были...
- И что? Нам какое дело?
- Они же там одни остались, что они жрать будут?
- Друг друга. Жизнь — борьба.

Да уж, жизнь — борьба, с этим не поспоришь. Мало-помалу все позабылось — бабушка навсегда осталась в больнице, квартира стояла закрытая. Интересно, кто ее унаследует? Так наступило 8 марта.

Илья ткнулся в один ларек, но он был закрыт. Во втором не оказалось ничего, кроме облетевших тюльпанов, а третий порадовал розами кислотной расцветки.

— А нормальных нет? Розовых или красных — у меня жена вещами не балуется, натуральное предпочитает.

Нормальных не было. Ничего удивительного — 8 марта к обеду из цветочных ларьков выгребается все, включая продавщиц, и если ты задержался на работе, то изволь скакать по всему городу в поисках приличного букета. Илья нервничал, время подходило к четверем, а он все толкается по пробкам. Лена его не за букеты любит, но домой с пустыми руками все равно идти негоже.

- Девушка, ну как же так? 8 марта, а нормальных роз нет...

Как раз к праздничку, когда в воздухе разлилась сладковатая сырость, внезапно пришлось вспомнить про кошек, которые уже месяц были заперты в квартире. У соседей снизу стал мокнуть потолок — круглые сутки сочилась вода какого-то странного цвета с еще более странным запахом. Вызвали участкового, слесарей из ЖЭКа и тетенок из таинственной «комиссии», чтобы вскрыть злополучную квартиру.

— Поняты! Где поняты? — От зычного голоса участкового соседи мигом попрятались, связываться никому не хотелось. — Найдите кого-нибудь с паспортом... Нормального... Двоих...

Согласилась одна из соседок — любопытство оказалось сильнее врожденного недоверия к милиции. Но второй понятой все никак не находился, и участковый вышел на улицу, прицельно огляделся, мигом выделив дюжего мужика, который хлопнул дверью цветочного ларька и направился к машине. О! Трезвый и с документами — то, что нужно.

— Гражданин! Да, да, вы, подождите минуточку...

Когда дверь щелкнула и открылась, присутствующие бросились врассыпную — стоявшая в квартире вонь вышибала слезу даже у алкаша-слесаря. Зажав нос вязаным шарфом, участковый осторожно ступил внутрь, следом за ним решились войти и соседи. Квартира была разгромлена и загажена до состояния привокзального туалета, но кошек почему-то нигде не было видно.

— Сдохли, что ли?

— Наверное... Еще бы, месяц ничего не жрать!

Участковый повернулся к дородной соседке:

— А что ж вы их не кормили?

— А что мы, рыжие, что ли? Сам бы и кормил!

Кошки обнаружили на кухне. Они сидели около батареи, из которой изрядно капало, и смотрели в глаза вошедшим людям серьезно и печально.

— Смотри ты, живые!

Восемь разноцветных шкур: рыжие, белые, серые, трехцветные — кошки были худы и грязны настолько, что даже подходить к ним не хотелось. Сильно воняло луком, которого у бабушки был изрядный запас — на нем-то они и продержались столько времени.

— Едриттвою... — участковый вытер лысину шарфом, — сколько живу, первый раз вижу, чтобы кошки лук жрали...

А кошки все так же молча сидели и смотрели, сбившись в кучку. Были они персидские, породистые, но куда что девалось — грязная закатанная шерсть свисала сальными клочьями, превращая благородных животных в помоечных бабоек.

— Слушай, а они того... породистые, что ли?

— Похоже на то. И что теперь с ними делать?

— Как что? Накормить! — внезапно вызверился участковый и злобно пихнул соседку, выходя в коридор. — Тебя бы месяц на луке подержать, чтоб жир сошел!

Он встал на площадке и нервно закурил, потирая переносицу. Люди вышли из брошенной квартиры и теперь толпились в тесном тамбуре, наступая друг другу на ноги.

— Может, их продать кому? Породистые же...

— Надо как-то их кормить, что ли...

Илья остался один в квартире, он стоял в кухне и с ужасом смотрел на кошек, а они — на него. Смерд, исходящий от них, можно было руками пощупать — так густо и тяжело они воняли. Еще никогда в жизни ему не приходилось видеть породистых животных в таком состоянии.

— Эй, а где наш понятой? Гражданин, вы чего там забыли? Распишитесь вот здесь.

— Коробки есть?

— Что? — участковый наморщил лоб, обмусоливая ручку.

— Я говорю, коробки есть картонные? Блин, чего вылупились-то?

— Илья скатился вниз по лестнице и снова дернул ручку ларька. — Девушка, у вас коробочек не найдется? И скотча? Да, и ножницы одолжите, сейчас верну.

Ошалелые соседи смотрели, как совершенно левый мужик упаковывает в коробки из-под цветов этих вонючек, пробивая ножницами дырки, чтоб не задохнулись. Упаковав всех восьмерых, он прошелся по углам, дабы никого не забыть.

— Вы... Вы что с ними делать собираетесь? — пискнула соседка.

Илья недружелюбно покосился на нее и бормотнул по-бандитски:

— Чебуречная у меня...

Была уже полночь, где-то во дворах громыхали китайские салюты, купленные в ближайшем супермаркете. У подъезда орали песни пьяные мужики, отмечавшие женский день.

Лена со вздохом поболтала почти пустой бутылкой из-под шампуня — вот так всегда, кончается в самый нужный момент. Руками блох выбирать — то еще удовольствие. На стиральной машинке расположились в ряд ушные капли, хлоргексидин, ватные тампоны, таблетки от глистов, ножницы. Она прищурилась, прикидывая в уме, на сколько частей делить таблетки, и тут зазвонил телефон, который она оставила на кухне.

— Да... И тебя с праздником. Илья спит уже. Да все нормально, муж у меня самый лучший. Знаешь, что он мне на 8 марта подарил? Восемь кошек. Вон, сидят тихонечко в уголке, воняют...

Евгений Мюллер
(Россия, Санкт-Петербург)

АЛЮМИНИЕВЫЙ БИДОН

Мальчик вышел из калитки в деревянном заборе дачи и медленно пошел в ту сторону, где улица скоро выходила к задкам станции и магазинам. Но смотрел он не туда, а вглядывался в просветы между досками забора, краска на которых давно превратилась в блеклые чешуйки. Потом эти доски сменились на ярко-синие — начался соседний участок, и мальчик двинулся обратно. Похоже, он что-то искал, но не в траве, а в зелени кустов, густо росших за забором. Пройдя мимо калитки, он дошел до места, где забор сменила ограда из сетки, и снова пошел назад, все еще всматриваясь в просветы между досками. Войдя в калитку, он закрыл ее на деревянную щеколду с ржавой шляпкой гвоздя посередине и пошел к временке, видной в глубине участка.

Мальчику было лет четырнадцать, одет он был в синие тренировки с вытянувшимися коленями, клетчатую рубашку навыпуск (их тогда называли ковбойками), а на ногах желтели сандалеты, изрядно сношенные за половину лета. Похоже, постриженный перед началом каникул под полубокс, он уже оброс и имел на голове то, что чаще встречало не расческу, а пятерню. Этим мальчиком был я.

Дачу в тот год родители сняли недорогую. Деревянная временка стояла в глубине участка, в углу у заборов. В одном ее торце был вход и небольшой тамбур, служивший дачникам кухонькой, другой торец смотрел окошком в складень полусгнивших досок, так и не пошедших ни в какое дело. Несколько кленов прикрывали их своей сенью. Два окна в длинной стороне временки выходили на заросли ягодных кустов: смородины, крыжовника, а у забора и малины. Задняя же стена окон не имела, да и не нужны они были: почти сразу за ней, за забором уходила вверх железнодорожная насыпь. Когда по ней мерно простукивал на стыках рельсов тяжелый грузовой состав, ковшиki, миски, ведра и тазы в кухоньке начинали биться друг о друга.

Преимущества эта дача — для меня — имела четыре: 1) у хозяина дачи был внук Андрей, мой ровесник; 2) Андрей был счастливым обладателем велосипеда, которого у меня не было, от слова никогда; 3) озеро, к тому же с песчаным пляжем, находилось за домами на другой стороне улицы, да и лес был недалеко; 4) хозяин дачи — Никодим Петрович, держал на озере лодку, в которой иногда разрешал нам с Андреем кататься. А вот маме моей дача не нравилась, от слова совсем. Во-первых, был слышен шум поездов и свистки электричек. (Подумаешь!). Также вода была не в доме, а только в уличном водопроводе с краном и раковиной у забора за кустами крыжовника. (Ну и что?) Недовольна мама была и тем, что кроме нас на участке имелось еще три дачника. Один — пожилой,

пузатый и с какими-то вылупленными глазами дядька жил в совсем маленькой и низкой времянке, стоявшей под яблонями в другом углу участка. У него была привычка подолгу сидеть на скамейке у забора около раковины и крана с водой. «Сядет и таращится!» — говорила мама. Мне, впрочем, тоже это не нравилось — я и сам любил посидеть на этой скамейке. Ну а двух еще других дачников мы почти и не видели. Они приезжали только на выходные, с утра до вечера где-то гуляли, а утром в понедельник уезжали. Да и комната их была в доме хозяев. Мама называла их «парочка в панамочках». Что до семьи Андрея, то отец его с ними не жил. Мать — крупная высокая женщина с пышными каштановыми волосами приезжала с работы поздно и не каждый день. Мне даже не вспомнить, видел ли я ее как-нибудь иначе, чем сидящей на ступеньке их крылечка, со скинутыми с ног босоножками и стоящей рядом на ступеньке пустой консервной банкой, служащей пепельницей. Так что весь участок почти целыми днями был в нашем с Андреем распоряжении.

В первые мои дни на даче Андрей не заговаривал со мной, только его взгляды я ловил на себе то с другого конца участка, то сквозь стекла веранды в их доме. Но скоро и на озеро, и в лес, и даже в магазин за молоком или хлебом мы ходили уже вместе, в том числе просто за компанию. Друзей у Андрея в соседних домах не было. Конечно, в отличие от меня он жил не на даче, а в их собственном доме, большом и теплом, в котором Никодим Петрович жил и зимой. Но осенью и до весны Андрей уезжал в город, где у них была квартира, работала его мать, а он учился в школе. Так что появившийся в самом начале каникул равный по возрасту и живший совсем рядом товарищ пришелся ему очень кстати. Равно как и он — мне. Стоит ли удивляться, что, когда в начале августа он сказал, что уезжает с матерью на время ее отпуска к родственникам на Украину, лето показалось мне чуть ли не законченным. Но! Андрей оставил мне в полное распоряжение свой велосипед — большой, взрослый «Минск» с черной рамой, сверкающим хромированным рулем и такими же ободами, спицами и даже пружинами под толстой кожей седла. А Никодим Петрович разрешил забираться в его лодку — как-то он увидел, что я сижу в ней на корме и читаю, и даже пообещал взять меня на рыбалку. Андрей говорил, что дед его — какой-то очень заслуженный и ценный работник на Металлическом заводе, и что хоть он на пенсии, его не хотят отпускать с работы, да что он и сам не хочет уходить, хоть и кричал однажды маме Андрея, что давно бы с удовольствием сидел дома, если б знал, что не сойдет с ума от ихнего, как он выражался, бедлама.

Солнце блестело на жестких листочках крыжовника, трава, едва я вышел утром из времянки, обожгла холодной росой кожу в открытых местах сандалет, а мысль о скором чае и куске булки с докторской колбасой шевельнулась в животе таким ощущением бодрости, что было не дожидаться, когда резиновые ручки на широком руле «Минска» стукнут о столбики в калитке и, выкатив велосипед на дорогу, можно будет катить, катить, катить. «Минск» был большим и тяжелым. Даже с полностью опущенным сиденьем я доставал ногой до педали в нижнем ее положении, только полностью вытянув ногу и больше носком. Зато стоило понять, с какой

быстротой можно катить по данной дороге, тропе, и начать ровно и мерно крутить педали — и тяжелая, длинная, высокая, и при этом тонкая, сверху почти не видная под тобой машина начинала нести тебя так, словно педали ты крутил лишь для того, чтобы не было скучно.

В этот день я решил проехать по нашей улице в самый ее конец, противоположный тому, который выходил к вокзалу. Я никогда там еще не был, только знал, что она, наша улица, тянется вдоль всего озера и потом изгибается вместе с ним в таком далеке, что скаты крыш на домах там и сами дома казались отсюда игрушечными.

Утоптаный и укатанный гравий под велосипедными колесами постепенно сменился смесью его с землей, а потом и просто песком, хорошо, что с утра еще плотным, сырым. Бедро мои начали танцевать над педалями, я чуть не угодил колесом в рытвину, почти дыру на маленьком деревянном мосту над речушкой, вытекающей из озера. Дорога стала сворачивать, слева исчезли дома и участки, и за шапками из была видна только серая секция железнодорожного моста, потом и она пропала. А вот то, что показалось справа... Все здесь было так, да не так, как на нашем краю озера. Дома не стояли близко друг к другу, по-разному отступали они и от дороги, отделенные то заборчиком, то просто лужайкой и кустами. Дома были чистенькие, словно недавно покрашенные, в основном новые. Было и несколько каменных домов, тоже небольших, с желтыми, розовыми стенами и белыми по краям фронтонами. Окна во фронтонах были не просто слуховыми, с темнотой за пыльными и треснутыми стеклами, а привлекали взгляд порхающей занавеской.

Улица, обогнув последний дом, незаметно исчезла, словно растаяла. Я решил передохнуть и выбрал место — лужайку с небольшим прудом и молодыми березками. Кора их была настолько белой, что показалось неловким прислонить к ним мой черный велосипед. Присмотревшись, я понял, что это был не пруд, а разлившаяся протока из озера. Я обошел высокий куст сирени, густо обсыпанный засохшими кистями бывших соцветий, и вдруг увидел совсем близко каменный дом, с желто-белыми стенами, тоже небольшой. Что-то в нем показалось мне странным. А! Над острием крыши, косо от угла фронтона торчал большой деревянный «конек», реально изображающий шею и голову лошади. Таких я видел только на деревянных домах, и то мало где. Окошко во фронтоне было открыто, и за ним, наверно, на столе стояла ваза с большими ромашками. В распахнутой двери крыльца виднелся приткнутый к стене надутый круг для купания, над ним висел сачок. Прячась за еще один куст, я подошел ближе и вдруг увидел девочку. Она стояла за углом дома и, держа в вытянутой руке теннисную ракетку, подбрасывала с нее белый волан, так, чтобы взлетев, он снова возвращался на ракетку. Девочка была по возрасту, наверно, как я. Легкая розовая блузка с коротким рукавом порхала над верхом короткой голубой юбки, белые гольфы оттеняли загар тонких ног с выступающими коленками. Светлые волосы были собраны сзади в резинку, украшенную разноцветными шариками. Щелк, щелк, щелк — неслось от ракетки. Волан взлетал, на мгновение замирал в воздухе, потом переворачивался и парашютиком навыворот плавно опускался на подставленную ракетку. Щелк, щелк, щелк.

— Вика, мой руки, иди завтракать! — раздался женский голос из полуоткрытого окна. — С папой утром не хотела пить чай, так иди поешь.

— Сейчас, — раздалось в ответ, и щелк, щелк, щелк продолжалось.

— Вика!

Волан, наконец, был пойман рукой, и девочка, махая у ноги ракеткой, прошла перед домом и скрылась за дверью.

Я сел на траву рядом с лежащим велосипедом. В доме было тихо. Где-то далеко свистнула электричка, но не так громко, как на нашей даче. Скоро я почувствовал, что тяжесть из ног ушла, можно было снова ехать, но мне почему-то не хотелось. И вдруг я услышал:

— Куда?! А гаммы? А ну быстро гаммы играть.

Что-то вроде рычания послышалось в ответ.

— Иди играть гаммы!

И гаммы раздались. Каждый знает, как звучат гаммы. Знал и я. В доме, в котором я жил в городе, один мальчик в нашем дворе учился в музыкальной школе, и весной, когда стали открывать окна, мы часто слышали эти звуки. Но то были гаммы, играемые на пианино. Услышав же то, что звучало теперь, можно было понять Вику, не рвущуюся приступить к занятиям. Потому что это были гаммы на скрипке. Тогда мне не пришло это на ум, но, если бы, гуляя с Андреем, мы услышали из какого-нибудь окна эти протяжные звуки, один из нас наверняка сказал бы другому: «Как кот за хвост!».

— Так, давай ре-мажор, одну октаву. Шире смычок, не хитри, — слышал я женский голос. — Теперь фа-диез. Теперь две ноты на смычок!

Я понятия не имел, что такое ре-мажор или фа-диез. Но звуки лились из окошка, они менялись, переходили один в другой. И я сидел и слушал. Слушал и смотрел, как вровень со звуками за краем белой занавески то показывался, приближаясь к окну, то снова исчезал тонкий смуглый локоть. И когда потом мои колени в синих тренировках поочередно появлялись на краях моего взгляда, устремленного на то, что уходило и уходило назад под черной шиной переднего колеса, мне казалось, что я все еще слышу эти звуки из-за белой занавески в окне.

На следующий день часов около десяти я вышел на улицу, за калитку — как выходят просто от нечего делать, чтобы постоять, посмотреть туда-сюда. И вдруг что-то задержало мой взгляд. Что-то поблескивало вдали, встречу лучам еще не совсем поднявшегося солнца, сильнее — слабей, сильнее — слабей. И я увидел Вику. Она шла еще далеко от того места, где я стоял, в той же своей блузке и юбке, верней, те же два цвета — розовый и голубой — я различил на ее фигурке. Рукой же, как тогда ракетку, она болтала у ноги блестящий бидон, пустой, полным так не болтают. Он-то и отсвечивал в лучах солнца.

Я быстро вошел в калитку и, протаранив кусты смородины, прижался спиной к забору, отделявшему наш участок от соседнего. Доски были шершавые и уже теплые. Вика шла по другой стороне улицы, и я стоял так, что, идя вдоль забора, она даже краем глаза заметить меня не могла. И она прошла, при каждом взмахе бидоном ослепляя меня солнечным

бликом. Было ясно: она шла в гастроном на площади, в молочном отделе которого продавали разливное молоко. Шла, как нередко ходил я, часто вместе с Андреем. И вдруг я понял, что не прошло и трех дней, как я тоскливым взглядом окидывал закрытое окно Андрея, а теперь все во мне было заполнено чем-то другим.

От сонного думанья, с каким я вышел на дорогу, не осталось и следа. Мысль моя металась — я старался понять, что мне делать. Магазин был в пяти минутах ходьбы, долго в нем Вика не пробудет, разве что молоко еще не привезли, и тогда ей пришлось бы ждать. (В те времена молоко продавали в основном в бутылках. Но многие предпочитали покупать именно разливное, считая, что оно — натуральное. И в самом деле: лишь только продавец начинал черпать его литровыми и пол-литровыми ковшиками и выливать в подставленную покупателем емкость, свежий, сытный запах живого молока наполнял магазин). То есть появиться снова на улице Вика могла и через час, и совсем скоро. Я походил по участку, потоптался возле калитки и, наконец, выглянул на улицу. И сразу увидел Вику. Она шла по нашей стороне улицы, недвижно неся теперь полный бидон, и уже приближалась к нашему забору. Меня она вряд ли заметила, потому что как раз в этот момент на миг остановилась и, смотря вниз, пыталась вытрясти камешек из сандалеты. Я отпрянул назад и, почему-то боясь быть увиденным, нырнул в гущу кустарника, сплошной стеной растущего вдоль забора. Никодим Петрович как-то рассказывал моей маме, что он посадил эту спирею — так назывался кустарник, по чьему-то совету, сначала только у калитки, но что она разрослась и превратилась в настоящую живую изгородь, да еще цветет в первую половину лета огромными белыми гроздьями. Это — верно, теперь цветков уже не было, но до половины июля кусты стояли почти белыми, и пчел, и особенно шмелей жужжало на цветках столько, сколько ягод можно увидеть на ветках крыжовника.

Листья у спиреи узкие, но частые от верха до низа куста. Как-то мы перекидывались с Андреем в волейбол и долго искали мяч, улетевший, похоже, на улицу, а он мирно лежал себе в кустах у забора. Так что меня вряд ли можно было с улицы заметить, да и с какой стати Вика всматривалась бы в забор. Но я-то искал ее глазами в просвете меж листьев и досок. И вот мелькнул бидон, мелькнули ноги, пряжка на сандалетах, и когда они оказались вровень со мной, я, сам не зная зачем, произнес:

— Вика, привет!

Вика остановилась. Мелкими пятнышками сквозь листья я видел ее лицо. Вика посмотрела вокруг. По кустам над забором ее взгляд тоже скользнул, но не остановился. В этот момент с Викой поравнялось двое мальчишек, идущих, похоже, купаться с надутыми автомобильными камерами на плече. Она глянула на них и пошла дальше, решив, наверно, что кто-то из них бросил ей это «привет», услышав, как ее зовут и даже, может, перекинувшись с ней парой слов на озере. А я сидел в тесном и душном логове куста и думал, что это я такое сделал.

Через пару часов меня тоже послали в магазин, и, идя потом по улице с хлебом и банкой сметаны, я уже знал, что после обеда снова поеду туда, к домику с фронтоном и занавеской в окне. Но получилось иначе.

Я прихлебывал из тарелки суп с картошкой и тушенкой, когда в дверь времянки постучали и я увидел Никодима Петровича.

— Ну, готов к труду и обороне? — сказал он и замахал рукой, когда мама предложила ему сесть. — А то хотел ведь со мной порыбачить? Поешь, подходи к крыльцу. Да на бобочку свою надень что-нибудь, ветер сегодня, тучки, вон, ползают.

Мама настаивала, чтобы я взял шерстяной джемпер, но я ограничился фланелевой рубашкой, накинув ее поверх тонкой бобочки-безрукавки, о чем потом пожалел. Никодим Петрович шел по дороге впереди меня. В правой руке он нес три удочки, в левой весло. Был он в сером ватнике и резиновых сапогах, которые, похоже, могли достать ему до пояса, а сейчас бултыхались подвернутыми голенищами вокруг колен, отчего сзади он напомнил мне Кота в сапогах с большими ботфортами. Я нес в сетке две банки: пол-литровую стеклянную с прикормкой — липкой смесью манной каши и сухарей и жестяную банку с плотной крышкой, в которой вместо разноцветного монпансье теперь кишели тонкие красные червяки. На плече у меня покачивалось весло с болтающейся перед самым носом уключиной.

— Что такое мормышка — знаешь? — спросил меня через плечо Никодим Петрович. — Не знаешь! Это одновременно грузило и приманка для рыбы, несъедобная. У нас на заводе умельцы их сами делают, в магазине-то фиг еще купишь хорошую. У меня их на удочках сегодня две — муравей и божья коровка.

Сапоги свои Никодим Петрович не зря надел. Лодка его стояла метрах в двух от берега, кормой к нему. Мне он поручил отвязывать толстую веревку, которой корма крепилась к стальной трубе, вбитой в дно ближе к берегу, и я, закинув сандалеты в лодку, лишь подвернул штаны до колен. Он же, растянув голенища своих сапог до бедер, вошел в воду у носа лодки и долго возился с замком на железной цепи, которая соединяла нос лодки с еще одной вбитой трубой.

Рейки на дне лодки больно впились в мои нежные городские ноги, а вода в махонькой лужице меж реек показалась холодней, чем в самом озере, и липкой, да и плавало в ней несколько комаров и улиток. Никодим Петрович греб даже с какой-то злостью, отрывисто выдыхая в конце каждого гребка. Мы быстро оказались посередине озера, и честно говоря, я испытал вдруг не то, что страх, а что-то неприятное: до любого берега было плыть — недоплыть, мне уж точно, если что, а вода была не просто кругом: опусти за борт руку, и вот она, вода. Смешное слово мормышка означало всего лишь три мал мала меньше свинцовые дробины, сжатые над крючком вместе — в «муравья». «Божья коровка» представляла из себя сплюснутый свинцовый черный шарик с красными точками. Никодим Петрович бросил за борт якорь, и веревка от него неприятно долго извивалась на днище, пока тот достигал дна. «Метров восемь», — успокаивающе сказал Никодим Петрович. Еще он сказал, что не будь в этот день такого ветра, можно было и не заякориваться. Зато теперь ощутимая посреди озера волна ударяла только в нос лодки.

— Ну что, мочим леску? — воскликнул Никодим Петрович, и скоро все три удочки вытянулись в сторону кормы. Ветер действительно дул

сильно. Скоро леску одной удочки Никодим Петрович начал вытягивать частыми перехватами. «Кажись, встречай нашего уважаемого подлещика», — заулыбался он, и тут же под его вздернутой рукой забила на ветру серебристая плоская рыбка сантиметров в пятнадцать. «Закидывай!», — и Никодим Петрович протянул мне удочку, наживив на крючок извивающегося червяка. «Не вставай, лодку опрокинешь!» — прокричал он тут же. Лодку я не опрокинул, живой червяк с неживым муравьем в три дробинки улетел в воду вполне себе далеко от лодки, но в тот момент, когда я еще стоял, расставив ноги, я вдруг увидел вдалеке, сразу за дальним краем озера, кажущуюся отсюда маленькой крышу с косо выставленным желтым коньком. Даже отсюда я сразу узнал его — дом Вики.

Долго мы не рыбачили. «Не та погода, да и с утра надо было», — вздыхал Никодим Петрович. Это верно. Солнце спряталось совсем, ветер дул еще сильнее, и мои голые руки под рукавами всего лишь фланелевой рубашки покрылись гусиной кожей. «За удочками смотри! — кричал Никодим Петрович. — Куда пялишься?» Широкий серый ватник Никодима Петровича то и дело закрывал мне обзор на конец озера, и я тогда начинал водить головой и приподниматься, чтобы снова поймать взглядом крышу с коньком. Несколько плотвичек, пара пескарей, карась размером с ракетку для пинг-понга и три подлещика — вот был наш улов, с которым мы вернулись домой, все равно, даже Никодим Петрович, чем-то довольные.

Поев, я вышел на улицу и прошел вдоль забора туда и обратно. Я старался понять, был бы я незаметен, если бы спрятался в зелени кустов, и есть ли в них такое густое место. Потому что странное желание завладело мной: завтра, если Вика снова будет проходить мимо нашего забора, снова тихонько сказать ей: «Вика, привет!» Мне так захотелось этого, что я даже не думал, а что может быть потом.

Утром я долго сидел на скамье у умывальника, издали всматриваясь в проходящих по улице. Сделать то, что я хотел, лучше было на обратном пути Вики из магазина: так у меня появлялось время занять присмотренное место в живой изгороди. Конечно, в этот день Вику могли и не послать за покупками. И все же, прождав часа полтора, я ее увидел. Но ужас! Она шла не одна, да и не по нашей стороне улицы. Наверно, это был ее отец. Правда, он шел с портфелем в руке и перекинутым через руку плащом, и может быть шел на станцию, чтобы уехать в город. Так оно и случилось. Бродя на участке возле калитки, я периодически быстрым движением головы выглядывал наружу. И наконец увидел Вику. Она шла теперь по нашей стороне, шла одна, и как мне показалось, медленней, чем ходила обычно. Я тут же юркнул в самое густое, высмотренное вчера место в кустах. Хотя я только что присел, я сразу почувствовал, что в них душно, и что на лоб мой, шею словно прыснули из пульверизатора. Бидон лишь раз слабо блеснул, больше я видел ноги Вики, она действительно шла медленней, чем обычно. В это время за нашим участком, протяжно свистя и гремя колесами на стыках, понеслась электричка, явно сквозная, которая на нашей станции не останавливалась. И я сам почти не услышал, как сказал: «Вика, привет!». Но она услышала, потому что остановилась, сразу взглянув вправо от себя, туда, где вчера прошли мальчишки с наду-

тыми шинами. Но там никого не было. Не было никого и за нашим забором. Я вдавил затылок в шею, найдя взглядом место меж досок забора, где сквозь листву было видно лицо Вики. Оно было не понимающим. Ну, да. Вчера это могли сказать мальчишки. А сейчас? Да, гудела, резала воздух протяжным свистом электричка, но могли ли в ее шуме сложиться эти четыре слога: «Вика, привет!» Странно глядя, Вика медленно пошла дальше. А я, я вдруг почувствовал себя каким-то дураком. Я выскочил из пыльной и душной гущи листвы и большими шагами, почти прыжками бросился к умывальнику и, беспрестанно споласкивая ладони в холодной, почти ледяной воде (она поступала по подземной трубе из колонки), начал вычесывать обеими пятернями листовенную труху из волос.

Потом я вышел с участка через другую, малоприметную калитку в заборе, который тянулся за нашей временкой, — через эту калитку Никодим Петрович спешил по утрам к платформе, чтобы успеть на нужную ему электричку, — и долго бродил меж боковых путей станции, кое-где заставленных товарными вагонами, платформами и цистернами. Подбирал и рассматривал бумажки, наверно, выкидываемые из окон — обертки конфет, порванные и исписанные клочки, спичечные коробки. Пытался понять, что означают буквы и закорючки, сделанные мелом на вагонах и цистернах. Смотрел на разъезды возле стрелок, угадывая, на какие пути свернет поезд, если те рельсы переставить туда, а эти сюда.

На следующий день утром мама сказала мне, что надо сходить в магазин и купить пачку сахара, бутылку подсолнечного масла и хлеб. Сказала, что, если я хочу, то могу сначала погулять. Дала денег и на мороженое. Но мороженое лучше было купить сразу. Его привозили в магазин тоже утром и продавали с тележки, из-под крышки которой дымился искусственный лед. Мороженого привозили немного, и, не придя пораньше, можно было остаться с носом. Поэтому я пошел к магазинам, да и решил купить сразу все, чтобы потом об этом не думать.

С мороженым я не ошибся. Правда, его еще не продавали, но несколько человек уже стояло на обычном месте, и из их разговоров я понял, что машина с мороженым уже пришла. И когда я вышел из магазина с отвисающей в руке сеткой, тележку как раз выкатывали из двора. В очереди я оказался восьмым и нетерпеливо глядел, как продавщица, получив от покупателя деньги и выцарапав с блюдечка сдачу, ныряла рукой и плечом внутрь тележки, чтобы вытащить вафельный стаканчик или эскимо в побелевшей от холода фольге. Несколько ценников, прикрепленных скрепками к картонке, показывали, что сегодня был даже выбор. Передо мной оставалось еще двое, и я уже сжимал в руке пятнадцать копеек разными монетками, намереваясь купить сахарную трубочку с пломбиром, как вдруг мимо меня прошла Вика. Я сразу узнал ее, хоть увидел со спины, и на ней были не знакомые блузка с юбкой, а желтое платье в мелкий белый горошек. Не было в этот раз и бидона: с руки ее тоже свисала сетка, угловато обхватывающая бумажный кулек, оранжевую коробку с кукурузными хлопьями и что-то еще. Я вышел из очереди и пошел за ней. Мы вошли в нашу улицу, вот уже миновали и наш участок, а я так и шел немного позади, стараясь, чтобы тень от меня — солнце светило нам в спи-

ну — не достигала ног Вики. И вдруг она остановилась и обернулась, глядя на меня.

— Привет, Вика, — сказал кто-то моим голосом.

— Что мороженое не купил — не жалеешь? — был ответ.

— Откуда ты знаешь?

— А откуда ты знаешь, как меня зовут? У меня-то — все просто. Мы с отцом часто во внимателки играем.

— Во что?

— А мы сами игру эту придумали: стараться все вокруг себя замечать и запоминать, а потом друг друга проверять. Вот я и запомнила, кто стоял в очереди у тележки, во что одет и даже какая у кого прическа, хоть для тебя это громко сказано.

Она повернулась и пошла. Я тоже, уже почти рядом.

— Ну так откуда знаешь, как меня зовут?

И я стал рассказывать про нашу дачу у железнодорожных путей, про Андрея, про его, а сейчас мой, велосипед, про волан бадминтона, про гаммы, про ее трехлитровый бидон, про шмелей на цветках спиреи и даже про мормышки. И про что-то еще. Я и сам не заметил, как мы оказались на лужайке около ее дома, и получалось, что за весь этот долгий путь она меня не прогнала. А примерно с половины пути стала даже что-нибудь прибавлять к тому, о чем я рассказывал.

На даче Вика жила здесь тоже в первый раз. И их дача тоже не нравилась Викиной маме. Только по причинам наоборот. Не нравилось, что до станции и магазинов идти очень долго, а озеро совсем уж рядом. Вика сказала, что теперь-то это хорошо, но в июне, когда было холодно и шли дожди, ее мама воскликнула, что можно повеситься от вида мокрой осоки и ряби воды за окошком. Отец Вики приезжал в основном на выходных, днем иногда уезжала в город и мама, и все хозяйство вела Викина бабушка. Из дома одну Вику отпускали только в магазин, подруг же в соседних домах не обнаружилось. Играть в бадминтон ей приходилось с собой, для ее любимого хула-хупа напарник, к счастью, был не нужен. Теперь, слава богу, они часто ходили купаться — в этой части озера тоже есть пляжик, мальчишки там были полные дураки и одному она обещала проколоть шину, если он еще что-нибудь такое скажет. Вот что я узнал от Вики. Мы еще с полчаса ходили с ней возле их дачи, со своими сетками в руках. Я предложил Вике пойти гулять после обеда, но она сказала, что бабушка навряд ли ее отпустит. Все же я сказал, что приду.

Не знаю, чем уж я мог вызвать доверие у Викиной бабушки, но гулять с Викой мы пошли. А! «Хозяйственный мальчик», — сказала бабушка Вике. Она, оказывается, видела наши хождения вокруг дачи. Так что гулять с сумкой, из которой торчат купленные продукты, иногда полезно. Оказалось, что, прожив два месяца на даче, Вика не знает почти ничего, что было поблизости. Как-то, уйдя с Андреем вдоль насыпи далеко-далеко, мы увидели железнодорожную ветку, косо отходящую в сторону. Мы, конечно, пошли по ней и наткнулись на огромный малинник на ее откосах, уже отцветший. От этого конца озера идти до того места было минут двадцать, и скоро мы с Викой уже обирали кусты, усыпанные яго-

дами такими спелыми, что только тронь — и они падали в ладонь. Потом мы дошли до моста, под которым с маленьким водопадом текла речка, вытекавшая из озера, и пошли по ее извилистому берегу, отделявшему опушки леса от поля. Я показал Вике место, где речка, изгибаясь, была шире всего, и где мы с Андреем даже раза два окунались. Вика стала собирать букет — местами белели целые облака ромашек, а иван-чай превращал взгорки в розовые холмы. Но я знал, чем еще удивить Вика. Стоило зайти нам в совсем низкий березняк на опушке, как я услышал: «Гриб!» Это тоже было одно из пристреленных мной и Андреем мест. «Знала бы, взяла корзинку!» — воскликнула Вика, вновь и вновь приседая перед крепкими подберезовиками». Есть способ», — сказал я. Вика, чуть осуждающе улыбаясь, отвернулась, когда я скинул рубашку и снял майку, а потом завязал на ней внизу узел и, взяв за две проушины, предъявил, как сумку. Скоро она стала тяжеленькой. Еще я хотел показать Вике сосну в лесу, к которой был прибит жестяной лист размером с портфель, во многих местах простреленный. Недалеко от него мы с Андреем даже собрали горсть гильз от патронов для «мелкашки», но решил оставить это на потом. При всем этом я рассказывал Вике, что в соседнем поселке в кино сейчас идет фильм «Скарамуш», в котором показано такое фехтование на шпагах, какого нет и во французском фильме «Три мушкетера». Что недавно ночью на путях у станции стоял длиннющий состав, на всех платформах которого брезентом были прикрыты танки. Что перед дачей я начал читать «Графа Монте Кристо» и читаю его иногда здесь, сидя в лодке Никодима Петровича. Что от прежних дачников во времянке осталась большая толстая книга стихов Маяковского, и что я тоже ее читаю и уже прочел «Облако в штанах» и разные стихи. Вика в основном слушала, а я все говорил, говорил, потому что боялся, что ей будет скучно со мной. Наверно, я перестарался с рассказами, потому что, когда мы двинулись обратно, я вдруг почувствовал, что и не знаю, о чем говорить еще. «Чего молчишь?» — спросила Вика, а я и тут промолчал. «Не молчи!», — ткнула Вика мне в локоть кулаком, сжимавшим букет, когда мы шли уже от насыпи к ее даче. Майку я принес домой грязную, запихнув ее комком в карман, и потом незаметно сунул ее в таз под другое белье, предназначенное для стирки.

Следующий день был выходным. Накануне вечером приехал мой отец, и когда мы ужинали, мама, глянув в окно, сказала: «А вот и парочка в панамочках явилась». Утром узналось, что у обоих у них начался отпуск, как что и Никодим Петрович тоже решил неделю отдохнуть. Я не любил выходных на даче, даже, когда на ней еще был Андрей. Все время слышались чьи-то разговоры, парочка в панамках, когда установилась хорошая погода, стала выставлять возле веранды, на солнечном месте, матерчатое кресло и раскладушку, и поставленный в тень от кресла транзисторный приемник «Спидола» наполнял пол-участка музыкой, которую, нравится — не нравится, а слушай. Интересное было свойство у этой пары. Даже когда он лежал в плавках на раскладушке, а она — полулежа располагалась на кресле в купальнике мини-бикини, было не понять, какого они возраста. Замечая оживление на участке, больше показывался и житель

временки, похожей на погреб — Валерий Борисович. Его тянуло пообщаться, и он то сидел на скамейке возле умывальника, то бродил по участку, норовя вступить с кем-нибудь в разговор. Например, вставал около парочки в панамочках, словно прислушиваясь к тому, что доносилось из приемника, а потом нерешительно спрашивал о чем-нибудь и уже скоро не отходил. Нам с Андреем в выходные дни тоже было далеко не уйти: «На буднях нагуляетесь», — слышали мы. В тот выходной день мы пошли с утра на озеро, а после обеда отец, как обычно, отдыхал, сидя с чаем за столом у временки и читая газеты, привезенные из города. Я же слонялся по участку. Несколько мест на нем — за грядками с зеленью и клубникой, у яблонь напротив временки-погребца Валерия Борисовича, перед компостной ямой, к счастью, не охватывались ни чьим культурным досугом. Делая очередной круг, я увидел Валерия Борисовича. Он сидел на скамье у забора и, что называется, загорал, выставив и так давно красное лицо и опустив веки, отчего глаза его казались еще более выпуклыми. Тем не менее, как паук ощущает, спрятавшись в углу, даже слабое дрожание своей паутины, так и Валерий Борисович уловил мои шаги.

— О чем скучаете, молодой человек? Присядьте.

Отчего я послушал его приглашение? Наверно, мне на самом деле хотелось поговорить. И я спросил — неожиданно для себя:

— Валерий Борисович, скажите, о чем можно с девушкой разговаривать?

Валерий Борисович медленно, плавным движением повернул и приподнял ко мне свою голову (он был ниже меня ростом, да и сидел обычно, пригнувшись вперед):

— Так-так-так... С какой это девушкой?

— Ну...

— Понятно, с какой-любой. Видите ли... О чем угодно — вот мой ответ. Вообще, запомни. С девушками надо разговаривать. Они не любят, когда рядом молчат. Поэтому — о чем угодно. И вообще, запомни. Ты можешь сколько угодно нравиться девушке, но первая она не заговорит, не подойдет. Так уж устроено. Бывают исключения, но... Поэтому и говорить, и заговорить можно тоже о чем угодно. Главное — говорить. А кто такая?

— Ну, она тоже здесь на даче.

— Гуляете вместе?

— Гуляли...

— Понятно, молодой человек. Так что, дерзай.

Валерий Борисович насмешливо-наставительно мотнул головой и глаза его снова прикрылись. Перед самым сном я, мама и отец снова пошли гулять, снова на озеро, но уже не купаться, а просто так. Верней, посмотреть на катание на водных лыжах. Спасательный катер быстро набирал скорость от пирса, и сидевший на его краю лыжник, могущий издали сойти за рыбака, тем более, что держал руки вытянутыми перед собой, вдруг срывался, по виду тут же рискуя уйти под воду, но тут кончики его лыж показывались над ней, вздергивался из воды трос, роняя капли, блестящие в лучах заходящего солнца, и, упрямо удерживая перед собой

ручку троса, спортсмен устремлялся вслед катеру, уносясь туда, где над тонкой полоской берега блестел и махонький конек над крышей одного домика.

Я не слышал утром, как уехал отец. Да и вставать не хотелось. Неопределенность предстоявшего дня томила, совсем как ощущение, что ты не готов к этой контрольной, которая все равно будет на третьем уроке. С Викой мы ни о чем не договаривались, и она ведь не знала, что будет через день. Когда я вышел из временки, на столе у рукомойника уже лежала горка вымытой мамой посуды. Сполоснув руки и лицо, я вытерся висевшим на доске забора вафельным полотенцем, вдохнув из него свежесть этого утра, и подошел к калитке, просто взглянуть на мир вокруг. Повернув потом к временке, я столкнулся с выходящей из дома парочкой в панамочке.

— Привет, Дон Жуан! — кивнув, поздоровался тот из нее, который был он.

Я посмотрел им вслед, удивленный, но пожал плечами, вспомнив, что иногда людей называют различными именами собственными: тому скажут — Кулибин, тому — тоже мне, Ломоносов. Я был юн, и им пришлось в голову сказать мне так. Совсем иначе поздоровался со мной Никодим Петрович, выходявший из дома с удочками. На мое «доброе утро» он почему-то буркнул что-то под нос, быстро и колюче взглянув на меня. Я даже подумал, что он вдруг снова вспомнил, как я чуть не сломал его удочку, когда слишком сильно размахнулся ею в лодке.

Теперь мне уже не надо было прятаться в кустах спиреи. Поев, я оглядел дорогу и пошел к станции, надеясь, что, может, увижу Вику, пусть даже с мамой или с отцом. И вот ведь, я увидел ее! Она шла от заднего входа на вокзал, и за ним коротко свистнула электричка, как всегда это делала, отходя от платформы.

— Папа уехал, — сказала Вика. И тут же спросила: — Тебя за майку здорово ругали?

— Ерунда, — махнул я рукой.

— Я мороженое уже ела, — сказала она, когда мы проходили площадь.

— И хорошо. А то тележка вон стоит, а ни народа, ни продавца, значит закончилось.

Мы свернули в улицу, и тут же столкнулись с Валерием Борисовичем.

— А! — взмахнул он рукой, так что пустые бутылки из-под молока, которые он нес в сетке, наверно, сдавать, громко стукнулись друг о друга. — Вот и чудненько! А то — о чем мне с ней разговаривать, спрашивает, о чем разговаривать! Ну, нашел он, о чем с вами говорить? — и он сладостно посмотрел на Вику, искренне радуясь чему-то.

Вика на миг замерла, а потом обошла его, не глядя, как обходят чью-то собаку, вдруг присевшую посреди дороги справить свою нужду. Она прошла несколько шагов и остановилась.

— Это — кто?

— Это сосед наш, с дачи.

— И ты этого вареного рака просил научить тебя, о чем со мной говорить? А самому тебе, получается, говорить со мной не о чем? Уйди.

Ушла Вика. Она быстро пошла вдоль заборов, и я впервые увидел вдруг, как грациозна ее фигурка. Она шла и шла. Вдали на дороге вывернулась откуда-то и потом снова исчезла машина, подняв облака пыли, я некоторое время еще видел Вику, все больше таявшую вдали, и потом уже не видел. Иногда понимаешь вдруг то, до чего в общем-то еще не дорос. Что можно что-то очень правильно объяснить, но что всегда будет иметь даже пусть малюсенькую, но все равно существующую возможность чего-то нехорошего.

Не могла же Вика после этого куда-то уехать. Но я не встречал ее больше ни на улице, ни на площади у станции, ни в магазинах. В конец озера я тоже не ездил. Да и стало скоро не на чем. Я проколол шину на переднем колесе велосипеда, и когда вкатил его в калитку, прямо перед случайно оказавшимся около нее Никодиме Петровиче, он только произнес: «Эх!»

Только однажды я вдруг пошел по дороге, с тем чтобы идти, идти, идти. Вдруг засобирался дождь, но я шел, а что еще было делать, идя по дороге. Дождь хлынул, когда я стоял за тем кустом сирени, из-за которого в первый раз увидел Вику. Он прямо избивал листья, такие большие к концу лета, жесткие и темные. Окно во фронтоне было открыто. Дождь лил и лил. И вдруг я увидел: тонкая рука протянулась из-за занавесок и расправила ладонь под каплями. Они стукались о пальцы, обтекая их и спадая потом, но казалось, что пальцы, ладонь, вовсе не ловят их, а что-то наоборот, отсылают вверх, этому дождю.

*Гектор Шульц
(Россия, Москва)*

ОДНОГЛАЗЫЙ

Пятеро их было. Лежали в коробке из-под микроволновки, скулили и шуршали коготками по плотному картону. Четверо нормальных и один одноглазый.

Трех забрали почти сразу, не успела старушка встать на углу и положить у коробки картонку — «Щенята в добрые руки». Забрали красивых, с рыже-белыми пятнами на боку и черной кляксой на лбу. Остался один серенький и один одноглазый. Так и лежали они, прижавшись друг к другу, ловя тепло, и дрожали, когда кто-то брал их на руки.

Серенького брали часто. Сюсюкались с ним, смотрели на зубы и за чем-то под хвост, спрашивали старушку, а та отвечала. Одноглазого не брал никто. А он скулил и шуршал коготками по плотному картону, потеряв теплый бок брата. И тотчас успокаивался, когда серого возвращали обратно.

— Звонкий, милоч, — отвечала старушка на очередной вопрос и улыбалась, смотря, как елозит в чужих руках серенький.

— Большой будет?

— Большой, — отвечала она, вспоминая свою зеленоглазую Багрянку. Кивал прохожий, не замечая блеска в старых глазах.

— Злой? — спрашивал он.

— Как воспитаешь, милоч. Все от тебя зависит. Либо друга в тебе он видеть будет, либо врага. Либо защитит, либо сбежит.

— А этого-то чего не утопила? — старушка поджала губы и улыбнулась, посмотрев на скулящего щенка, который дрожал в середине коробки. — Хворый же.

— Хворый, — соглашалась она. — И хворый найдет любящее сердце.

— Давай его другу возьму. Забавный он.

— Не дам, — отвечала старушка.

— Почему? — улыбался прохожий. — Кому он нужен? Хворый же.

— Нужен кому-то, но не другу твоему. Серенького бери, а этого не дам.

— Ладно. Давай серого, — согласился прохожий, и одноглазый остался один.

Первое время пищал он от страха, да теплый бок брата искал. И на старушку смотрел блестящим глазом, словно требовал у неё ответа. Но та, завернув его в теплый платок, прижимала к сердцу и баюкала, пока скулеж не утихал.

Летели дни, сменяя друг друга, а старушка так и стояла на углу, держа в руках побледневшую бумажку. «Щеночек в добрые руки». Стояла молча, не зазывая людей. Лишь улыбалась, когда кто-то останавливался рядом. Или хмурилась, что случалось гораздо чаще.

— Почем щеноч?

— Бесплатно.

— А... одноглазый он. Хворый. Выбрось его лучше, мать. Кому он нужен?

— Кому-то нужен. Но не тебе.

— Давай возьму. На цепь посажу, пусть дачу охраняет.

— Нет, — качала головой старушка, внимательно осматривая очередного прохожего, который останавливался рядом. — Не нужен он тебе. Не дом он охранять должен, а любящее его сердце.

— Дурная ты, бабка.

— Какая есть. Но тебе не дам, — вздрогнула старушка, услышав жесткий смех прохожего, но лишь крепче прижала к себе щенка. — И не проси.

Так и стояла она на углу, провожая взглядом подслеповатых старых глаз прохожих, иногда улыбалась в ответ на приторное сюсюканье, иногда поджимала губы, когда щенок начинал вырываться, стоило прохожему коснуться его шерстки. Мокла старушка под дождем, но не сдавалась. Ждала. Ждал и одноглазый, свернувшийся клубочком в теплом платке.

— Здравствуйте, — старушка вздрогнула и рассмеялась, когда остановившийся рядом с ней мужчина попятился и поднял руки. — Простите, не хотел вас напугать.

— Полно тебе, милоч. Задумалась я о своем, вот и испугалась. Тебя-то чего пугаться? Человек как человек.

— Многие пугаются, — хмыкнул мужчина, поправляя на лице солнцезащитные очки. Старушка не удивилась этому, хотя солнце давно уже спряталось за серыми тучами. Привыкла уже к странным людям. Мужчина улыбнулся, когда из платка старушки на его голос вылезла мордочка щенка. Одноглазый осторожно понюхал воздух, потом руку незнакомца и, лизнув горячим языком пальцы, заставил мужчину рассмеяться.

— Понравился ты ему. Сколько стою здесь, а только ты ему понравился.

— Да. Похожи мы с ним, — туманно ответил мужчина и, пожав плечами, спросил. — Можно подержать?

— Нужно, милоч. Не к каждому он так идет, — кивнула старушка и, вытащив дрожащего щенка из теплого платка, протянула его мужчине.

— Не бойся, маленький, — улыбнулся прохожий и принялся почесывать одноглазого за ушком. — Он вздохнул, когда маленький хвостик щенка принялся описывать восьмерки от удовольствия и радости. — Не нужен ты никому?

— Нужен. Да только я абы кому не отдам, — прищурившись, ответила старушка. А потом удивленно приподняла бровь, когда вместо ехидства и насмешек, услышала понимание.

— И не надо. Такие, как он, ранимые очень. Им забота нужна. Только люди пугаются.

— Верно, милоч, — ответила старушка. — Хворый он для них. А любви-то в нем сколько, сам посмотри.

— Вижу, — кивнул мужчина. Одноглазый принялся слабо покусывать его пальцы и ворчать от удовольствия. Прохожий грустно вздохнул и пытливо посмотрел на старушку. — Только не нужна его любовь никому. Дальше увечья мало кто смотрит. Я знаю, о чем говорю.

— Вижу, — ответила старушка и слабо улыбнулась, когда мужчина снял очки и посмотрел на неё. Один его глаз был веселым и голубым, а второй был мутным и смотрел в пустоту. — Вижу, что дом твой пустой и холодный. И в сердце давно нет тепла.

— Сколько вы за него хотите? — мужчина поджал губы и сглотнул тягучий комок, застрявший в горле, когда одноглазый свернулся у него на руках калачиком и задремал.

— Люби его, как он тебя любит. Вот все, что я хочу, — тихо ответила старушка. — И хворым нужно любящее сердце, милок. Оно им нужнее всего.

Теплый дождь без предупреждения хлынул на землю, смывая с серого асфальта грязь. Он смывал грязь с тротуаров, с быстро движущихся машин и с ярких витрин многочисленных магазинов. Дождь барабанил по картонке, прислоненной к углу, смывая неровные буквы — «Щеночек в добрые руки». Дождь знал, что щенок нашел не только добрые руки, но и любящее его сердце. Хворым оно нужнее всего...

«Сейчас скажу красиво: хочешь быть мастером, макай свое перо в правду. Ничем другим больше не удивишь».

ВАСИЛИЙ ШУКШИН

«ДУМЫ»

И вот так каждую ночь!

Как только маленько утомонится село, уснут люди — он начинает...

Заводится, паразит, с конца села и идет. Идет и играет. А гармонь у него какая-то особенная — орет. Не голосит — орет. Нинке Кречетовой советовали: — Да выходи ты скорей за него! Он же, черт, житья нам не даст. Нинка загадочно усмехалась:

— А вы не слушайте. Вы спите.

— Какой же сон, когда он ее под самыми окнами растягивает. Ведь не идет же, черт блажной, к реке, а здесь старается! Как нарочно.

Сам Колька Малашкин, губастый верзила, нахально смотрел маленькими глазами и заявлял: — Имею право. За это никакой статьи нет.

Дом Матвея Рязанцева, здешнего председателя колхоза, стоял как раз на том месте, где Колька выходил из переулка и заворачивал в улицу. Получалось, что гармонь еще в переулке начинала орать, потом огибала дом, и еще долго ее было слышно.

Как только она начинала звенеть в переулке, Матвей садился в кровати, опускал ноги на прохладный пол и говорил:

— Все: завтра исключу из колхоза. Придерусь к чему-нибудь и исключу. Он каждую ночь так говорил. И не исключал. Только, когда встречал днем Кольку, спрашивал:

— Ты долго будешь по ночам шляться? Люди после трудового дня отдыхают, а ты будишь, звонарь!

— Имею право, — опять говорил Колька.

— Я вот те покажу право! Я те найду право!

И все. И на этом разговор заканчивался. Но каждую ночь Матвей, сидя на кровати, обещал:

— Завтра исключу.

И потом долго сидел после этого, думал... Гармонь уже уходила в улицу, и уж ее не слышно было, а он все сидел. Нашаривал рукой брюки на стуле, доставал из кармана папиросы, закуривал.

— Хватит смолить-то! — ворчала сонная Алена, хозяйка.

— Спи, — кратко говорил Матвей.

О чем думалось? Да так как-то... ни о чем. Вспоминалась жизнь. Но ничего определенного, смутные обрывки. Впрочем, в одну такую ночь, когда было светло от луны, звенела гармонь и в открытое окно вливался с прохладой вместе горький запах полыни из огорода, отчетливо вспомнилась другая ночь.

Она была черная, та ночь. Они с отцом и с младшим братом Кузьмой были на покосе километрах в пятнадцати от деревни, в кучугурах. И вот ночью Кузьма захрипел: днем в самую жару потный напился воды из ключа, а ночью у него «завалило» горло. Отец разбудил Матвея, велел поймать Игреньку (самого шустрого меринка) и гнать в деревню за молоком.

— Я тут пока огонь разведу... Привезешь, скипятим — надо отпаивать парня, а то как бы не решился он у нас, — говорил отец.

Матвей слухом угадал, где пасутся кони, взнуздal Игреньку и, нахлестывая его по бокам волосяной пудой, погнал в деревню. И вот... Теперь уж Матвеем скоро шестьдесят, а тогда лет двенадцать-тринадцать было — все помнится та ночь. Слились воедино конь и человек и летели в черную ночь. И ночь летела навстречу им, густо была в лицо тяжким запахом трав, отсыревших под росой. Какой-то дикий восторг обуял парнишку; кровь ударила в голову и гудела. Это было как полет — как будто оторвался он от земли и полетел. И ничего вокруг не видно: ни земли, ни неба, даже головы конской — только шум в ушах, только ночной огромный мир стронулся и понесся навстречу. О том, что там братишке плохо, совсем не думал тогда. И ни о чем не думал. Ликовала душа, каждая жилка играла в теле... Какой-то такой желанный, редкий миг непосильной радости.

...Потом было горе. Потом он привез молоко, а отец, прижав младшенького к груди, бегал вокруг костра и вроде баюкал его:

— Ну, сынок... ты чо же это? Обожди маленько. Обожди маленько. Счас молочка скипятим, счас продохнешь, сынок, миленький... Вон Мотьяка молочка привез!..

А маленький Кузьма задыхался уж, посинел.

Когда вслед за Матвеем приехала мать, Кузьма был мертв.

Отец сидел, обхватив руками голову, и покачивался и глухо и протяжно стонал. Матвей с удивлением и с каким-то странным любопытством смотрел на брата. Вчера еще возились с ним в сене, а теперь лежал незнакомый иссиня-белый чужой мальчик.

...Только странно: почему же проклятая гармонь оживила в памяти именно эти события? Эту ночь? Ведь потом была целая жизнь: женитьба, коллективизация, война. И мало ли еще каких ночей было-перебыло! Но все как-то стерлось, поблекло. Всю жизнь Матвей делал то, что надо

было делать: сказали, надо идти в колхоз — пошел, пришла пора жениться — женился, рожали с Аленой детей, они вырастали... Пришла война — пошел воевать. По ранению вернулся домой раньше других мужиков. Сказали: «Становись, Матвей, председателем. Больше некому». Стал. И как-то втянулся в это дело, и к нему тоже привыкли, так до сих пор и тянет эту лямку. И всю жизнь была только на уме работа, работа, работа. И на войне тоже — работа. И все заботы, и радости, и горести связаны были с работой. Когда, например, слышал вокруг себя — «любовь», он немножко не понимал этого. Он понимал, что есть на свете любовь, он сам, наверно, любил когда-то Алену (она была красивая в девках), но чтоб сказать, что он что-нибудь знает про это больше, — нет.

Он и других подозревал, что притворяются: песни поют про любовь, страдают, слышал даже — стреляются... Не притворяются, а привычка, что ли, такая у людей: надо говорить про любовь — ну давай про любовь. Дело-то все в том, что жениться надо! Что он, Колька, любит, что ли? Глянется ему, конечно, Нинка — здоровая, гладкая. А время подперло жениться, ну и ходит, дурак, по ночам, «тальянит». А чего не походить? Молодой, силенка играет в душе...

И всегда так было. Хорошо еще, что не дерутся теперь из-за девок, раньше дрались. Сам Матвей не раз дрался. Да ведь тоже так — кулаки чесались и силенка опять же была. Надо же ее куда-нибудь девать.

Один раз Матвей, когда раздумался так вот, сидя на кровати, не вытерпел, толкнул жену:

— Слышь-ка!.. Проснись, я у тебя спросить хочу...

— Чего ты? — удивилась Алена.

— У тебя когда-нибудь любовь была? Ко мне или к кому-нибудь. Не важно.

Алена долго лежала, изумленная.

— Ты никак выпил?

— Да нет!.. Ты любила меня или так... по привычке вышла? Я серьезно спрашиваю.

Алена поняла, что муж не «хлебнувши», но опять долго молчала — она тоже не знала, забыла.

— Чего это тебе такие мысли в голову полезли?

— Да охота одну штуку понять, язви ее. Что-то на душе у меня... как-то... заворшилось. Вроде хвори чего-то.

— Любила, конечно! — убежденно сказала Алена. — Не любила, так не пошла бы. За мной Минька-то Королев вон как ударял. Не пошла же. А чего ты про любовь вспомнил середь ночи? Заговариваться, что ли, начал?

— Пошла ты! — обиделся Матвей. — Спи.

— Коровенку выгони завтра в стадо, я совсем забыла сказать. Мы уговорились с бабами до свету за ягодами идти.

— Куда? — насторожился Матвей.

— Да не на покосы на твои, не пужайся.

— Поймаю — штраф по десять рублей.

— Мы знаем одно местечко, где не косят, а ягоды красным-красно. Выгони коровенку-то.

— Ладно.

Так что же все-таки было в ту ночь, когда он ехал за молоком брату, что она возьми и вспомнись теперь?

«Дурею, наверно, — грустно думал Матвей. — К старости все дуреют». А хворь в душе не унималась. Он заметил, что стал даже поджидать Кольку с его певучей «гармозой». Как его долго нет, он начинал беспокоиться. И сердился на Нинку: «Телка гладкая!.. Рази ж она так скоро отпустит!»

И сидел и поджидал. Курил.

И вот далеко в переулке начинала звенеть гармонь. И поднималась в душе хворь. Но странная какая-то хворь — желанная. Без нее чего-то не хватает.

Еще вспоминались какие-то утра... Идешь по траве босиком. Она вся бусая от росы. И только след остается — ядовито-зеленый. И роса обжигает ноги. Даже теперь зябко ногам, как вспомнишь.

А то вдруг про смерть подумается: что скоро — все. Без страха, без боли, но как-то удивительно: все будет так же, это понятно, а тебя отнесут на могилку и зароят. Вот трудно-то что понять: как же тут будет все так же?

Ну допустим, понятно: солнышко будет вставать и заходить — оно всегда встает и заходит. Но люди какие-то другие в деревне будут, которых никогда не узнаешь... Этого никак не понять. Ну, лет десять-пятнадцать будут еще помнить, что был такой Матвей Рязанцев, а потом — все. А охота же узнать, как они тут будут. Ведь и не жалко ничего вроде: и на солнышко насмотрелся вдоволь, и погулял в празднички — ничего, весело бывало и... Нет, не жалко. Повидал много. Но как подумаешь: нету тебя, все есть какие-то, а тебя больше не будет... Как-то пусто им вроде без тебя будет. Или ничего?

«Тьфу!.. Нет, старею».

Даже устал от таких дум.

— Слышь-ка!.. Проснись, — будил Матвей жену. — Ты смерти страшишься?

— Рехнулся мужик! — ворчала Алена. — Кто ее не страшится, косую?

— А я не страшусь.

— Ну дак и спи. Чего думать-то про это?

— Спи, ну ты!..

Но как вспомнится опять та черная оглушительная ночь, когда он летел на коне, так сердце и сожмет — тревожно и сладко. Нет, что-то есть в жизни, чего-то ужасно жалко. До слез жалко.

А в одну ночь он не дождался Колькиной гармошки. Сидел, курил... А ее все нет и нет. Так и не дождался. Измаялся.

К свету Матвей разбудил жену.

— Чего эт звоняря-то нашего не слышно?

— Да женился уж! В воскресенье свадьбу намечают.

Тоскливо сделалось Матвею. Он лег, хотел заснуть и не мог. Так до самого рассвета лежал, хлопал глазами. Хотел еще чего-нибудь вспомнить из своей жизни, но как-то совсем ничего не приходило в голову. Опять навалились колхозные заботы... Косить скоро, а половина косилок у кузницы стоит с задранными оглоблями. А этот черт косой, Филя-кузнец, гуляет.

Теперь еще на свадьбу зальется, считай, неделя улетела.

«Завтра поговорить надо с Филей».

...Встретив на другой день Кольку губастого, Матвей усмехнулся:

— Что, брат, доигрался?

Колька заулыбался... А улыбка у него — от уха до уха.

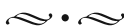
— Все, Матвей Иванович, больше не буду будить вас по ночам. Конеч.

Бросил якорь.

— Ну-ну, — сказал Матвей и пошел по своим делам, а сам думал: «Чего ты радуешься, бычок? Она тебя возьмет теперь за рога. Нинка-то. Они все, Кречетовы, такие».

Прошла неделя. «Сейчас скажу красиво: хочешь быть мастером, макай свое перо в правду. Ничем другим больше не удивишь».

Матвей плохо спал. Просыпался, курил... Ходил в сени пить квас. Выходил на крыльцо, садился на приступку и курил. Светло было в деревне. И ужасающе тихо.

АНДРЕЙ-ВИКТОРИА-АНДРЕЕВ

Россия, Санкт-Петербург

НА ПЫЛЬНУЮ ЗЕМЛЮ...

На пыльную землю Ирана
Упал самолёт... и погиб...
Обложки от Библий, Корана
Лежат средь обломков, круги
Над местом, над болью, как птицы
Вершат души брошенных тел...
Они поднимались влюбиться,
Они шли навстречу мечте...
Их сто шестьдесят, больше даже...
Философ, учитель, поэт.
Вдруг трещина на фюзеляже
И Горе... всем семьям... На свет
Другими посмотрит глазами
Отец. Мать седеа. И дочь.
Мы с Вами. И взгляд за слезами.
И просим Вам Небо помочь...

08.01.2020 г. А-В-А

БЫЛ СОН...

И представить себе не мог...
Сколько лет-то прошло... слезами
Встречу сбрызнула. Бледный Бог
На иконе чернел глазами.

Одна комната. Вся стена
В акварелях, а в них страницы
Лет и зим, и конечно — сна,
Где мы были вдвоём, что птицы

На высокой тропе небес...
На реке под струёй живою...
Песню сердца пропел нам лес,
Навсегда одарив собою...

Однолюбка. Да как же так?
Неужели никто за годы?
Я — самец? Я кобель в мечтах!
И при чём тут закон природы?

Не оправдывай. Сон. Был сон.
Но давно больше грим, не лица.

Видно я и тобой спасён
От ракет, что летят в глазницы...

29.10.2019 г. А-В-А

ЗА ПРОРЕХОЙ МУНДИРА...

В новомодном журнале
Фото драных вещей.
Проходил биеннале
По стране овощей.
Разномастные Евы
Шли дорожками в сад:
Там звенели напевы
Семиотных рулад.
Улыбались Сатиры,
Фокусируя взгляд,
На тряпичном ампире
Кривоногих наяд.
На джинсе и футболках
Пятна, кляксы прорех.
В пересуд-перетолках
Красота и успех.
С жиру бесятся дяди
И их местная тля.
Трое суток в наряде
На начало бы, для
Осознания мира
И изнанки его —
За прорехой мундира
Ни страны... ничего...

10.01.2020 г. А-В-А

НЕНАСЫТНА И ШУМНА...

Короткий вечер обрывает ночь
На полуслове, шумно сядет в кресло.
Такой и рисовал её: точь-в-точь...
Взбалмошной, утончённой,
насквозь местной

Из тех, кто жизнь не пробовал на вкус...
Им на ладонях кружева и краги...
Два года эпизоды в нитку бус
Нанизывал набросками... бумаги,

Нет, не жалел: улыбка и оскал
Пальмиры этой мне до слёз, до дрожи.
Безумствуя, я белую алкал,
Да разглядел особенности кожи

У Северной — влюблённая — черна.
Свою решил взрастить...

мазок последний...
Ворвалась ненасытна и шумна.
И вечер растворился из передней...

12.01.2020 г. А-В-А

ТАК МНОГО ТИШИНЫ...

Затормозил у жизни на краю,
Качается машина прошлых лет.
Ещё не понимаю: был в строю,
Как выскользнул в холодный этот свет,

Где ни добра, ни зла, ни ноты... звук
Вдруг полыхнет и в тёмном эхе гаснет.
Не чувствую Души... ни ног, ни рук...
А были мы живыми, небо ясным?

Мне говорили Солнце есть, Земля...
Не спорил с ними — лампа есть и мухи...
И почему просторно так в полях,
Всё просто, пояснили — предки, духи...

А где теперь они? — вот край стены...
Не чувствую Души... ни ног, ни рук.
И свет молчит... так много тишины.
И ни добра, ни зла, ни ноты... стук...

14.01.2020 г. А-В-А

ЯНВАРСКИЙ ДОЖДЬ

Январский дождь, что хорошо — без грома,
Уныло-серо небо, а трава
Рванула в рост, как в мае... возле дома...
И видится: вот-вот пойдёт листва —

Набухли почки на деревьях, ива
Белёсо-жёлтый выбрала парик.
И ветерок-мальчишечка с залива
Шашлычный запах шлёт на материк.

Зажжёт-кольнёт под ложечкой...

природа

С собою не в ладах, не то чтоб мне...
Протяжно лебедь вскрикнет... непогода
Плывёт подбитой чайкой на спине...

15.01.2020 г. А-В-А

РАССЫПАЛАСЬ МЕТЕЛЬ...

За окнами рассыпалась Метель...
Хандрила, видно... села на скамейку.
Войти в подъезд пыталась... скрип петель
Кричал в ночи рыданием жалейки.

Царапнуло в груди, спешу на двор.
Ушанка, шуба, варежки из шерсти.
Пристроюсь рядом, строю разговор,
Да так, чтобы задеть струну и вместе

Хандру рассеять... капает с ветвей...
Мороз в Норильске — на ремонте сани.
Я мог бы одолжить для Вас сибвей,
Но Ветер проворчал, что «сам с усами».

Проговорили ночь, спешит рассвет...
Метель собралась и помчалась к югу...
Иду к парадной... лужи... снега нет...
А шубу я в Норильск отправлю — другу...

24.01.2020 г. А-В-А

С РАССВЕТА...

День странно начинается: с рассвета
Заштриховала Город тишина.
Сегодня день рождения Поэта,
Татьянин День, Студенчества... Весна,
Реальность параллельную покинув,
Зашла в январь: подснежники цветут.
Вода поднялась, Мастера плотину
Прикрыли, моряки погоды ждут.
На рейде теплоходы, сухогрузы.
Холодный ветер словно финский нож.
Пел песни лучший Гамлет из Союза
О море и матросах... брала дрожь...
За горло и за душу в крик «Таганка»...
За душу и за горло «Журавли»...
Хрипел немного, струны, как огранка
На всех широтах матушки Земли.
Ушёл Поэт. Союз распался. Ноты
Студенчество с Татьяной подберут,
Исполнят, да — в такие же субботы,
Со сцены ли, на кухнях... а споют!

25.01.2020 г. А-В-А

ЗЛОКЛЮЧЕНИЕ...

Спешу-бегу, подземный переход...
Две лампочки: в начале и конце.
Фигурка на середине... oh my god!
Старушка с маской страха на лице
Протягивает руку... каплет... кровь?

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Я закричал и отскочил к стене!
«Такую, внучек, видел нелюбовь?» —
Спросила и упала... как во сне
Звонил-кричал в дрожащий телефон...
В бескровно-серый, сжатый болью рот...
Готов был рядом лечь — не комильфо:
Трясло в ознобе, бил холодный пот...
Старушка шевельнулась... дикий крик
Упасть заставил пешеходов ниц...
Собрались потихоньку, как-то вмиг
Набрали-обзвонили нужных лиц...
Спасли старушку... только в переход,
По одному не ходит весь квартал.
Парнишку отпустили: ждал Морфлот,
И злключения новые места...

27.01.2020 г. А-V-A

ДО КРАСНОГО...

Система понесла и дала сбой,
Диск не мычит, не делится в разгадках...
Европа хороша была собой
Нечёсаная, и на сладость падка.

Кумиры-баритоны пили джин,
Девчонки не красавицы, но стильны.
Любили правды, допускали лжи,
Как паприку на ужин не обильный.

Случился как бы солнечный удар?
Трясение голов в треть континента?
Нагрелись от нагрузки провода
До красного, горячего момента...

29.01.2020 г. А-V-A

САЙТЫ, СТРАНИЦЫ...

Сайты, страницы... рассадник нарциссов,
Кухне-героев и Тьмы-королев...
Дама ко мне привязалась — «актриса»,
Серной назвалась, а я будто Лев.
Раз попросил, даже выгнал — вернулась,
С новой страницы и ФИО другим.
Стиль поменяла, но линию гнула
В ту же сторонку: весь мир мне враги,
Только она будет нежной заботой,
Самой влюблённой и самой родной.

Просто ключи ей доверь и работай,
Всеми управится, хочешь — стеной
Встанет на страже покоя и быта?
Всё, что прикажешь — исполнит она.
Паспорт, прописка, машина, привита.
И ничего, что полвека женат...

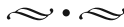
Там разберёмся, уверенно пишет...
Правда, с ошибками... жертва ЕГЭ...
Как отследить таких?.. Сяду повыше,
Пусть обращаются к левой ноге...

30.01.2020 г. А-V-A

ПРОСПЕКТ...

Притих проспект вечерний
Без тысяч авто.
Под вывеской харчевни,
В шикарнейшем манто,
Туда-сюда ходила
Актриса БДТ.
Ждала кого, следила?
Шло время. Фуэте,
С кульбитом на проспекте
Исполнил мерседес.
И замерла в аффекте
Девчонка. Как с небес,
Раздался грубый голос:
А я что говорил?
Её недлинный волос
Встал дыбом. Крик — Кирилл!
Издали, и упала,
Как замертво на лёд...
Стоп! Снято! — прозвучала
Команда. Руки трёт
Мужчина в тюбетейке,
Похож на бога Ра.
— За сцену на скамейке
Возьмёмся, но с утра.
Спасибо всем, до встречи...
И укатил в авто...
Обрывки слышит речи
Упавшая, в манто.
Ни встать, ни крикнуть — силы
Отнял подлец аффект...
Лежит звездой красивой,
А рядом спит проспект...

12.02.2023 г. А-V-A

ДМИТРИЙ ГОРОШНЕВ

Россия, Республика Карелия

ОБЕЩАЛ, ЧТО ЗАБУДУ ТЕБЯ...

Обещал, что забуду тебя,
как растаявший снег прошлогодний,
как не помнят весной
шелестевший давно листопад.
Обещал, что забуду тебя,
как предмет, ни к чему не пригодный,
но который зачем-то,
скорей по привычке, хранят.

Обещал не ходить
по с тобою знакомым тропинкам,
не касаться ладонью
когда-то нас ждавших берёз.
Верил, будет легко:
мол, устрою однажды поминки
и забуду тебя.
Так я думал и верил всерьёз.

Есть порода людей —
моряками от бога зовутся.
Нам покажется жизнь их —
великий один Океан.
Только это не так:
коль с душой тет-а-тет остаются,
они сами не верят
и знают про самообман.

Их порой называют
морскими волками,
упрекают за жёсткость
бродяжких сердец.
Но хранятся ключи от земли,
как домов под замками,
ожидавшей когда
возвратятся они наконец.

Обещал, что забуду тебя,
как моряк позабыть хотел сушу.
Но у нас у обоих
совсем не задался обет.
Обещал, что забуду тебя.
Неужели я слово нарушу?!
Только сердце молчит,
знать, не в силах дать верный ответ...

НА ИЗЛОМЕ СЕНТЯБРЯ...

На изломе сентября,
Когда красен каждый кустик,
Напишу стихи о грусти
И уеду от тебя.

Нам обоим нелегко
Ждать наития-ответа:
Неужели только летом
Мы в согласьи целиком?!

Ты уж строго не суди
За метания по свету.
Без меня покоя нету
И со мною боль в груди.

Я о многом не скажу,
Речь споткнётся у порога.
Но потом... Пока ж дорога,
Та, с которой я дружу.

Я приеду, я вернусь,
Лишь поднимет лето травы,
Коль не сыщется управы
На отчаянную грусть.

Коль пойму: в любой сезон —
Будь то лето или осень —
Мы друг друга в сердце носим,
И прощаться не резон.

СПАСИБО, РОЩИ ШЕЛЕСТЯЩИЕ...

Стремясь найти тропинку к вечности,
Я забывал ценить мгновения.
Не потому ли был отмечен стих
Не очень чётким отражением.

Одно могу признать заслугою,
Хотя не так уж много видел я,
Что чист пред вами, всей округою, —
Ведь слово землю не обидело.

Теперь, в лета войдя осенние,
Скажу я, нивам исповедуюсь:
Спасибо за благословение,
Ему до сей поры я следую.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

Спасибо, рощи шелестящие!
И вам, ручьи, моё почтение!
Вы — то, что в жизни настоящее,
И в чём не может быть сомнения.

Случалось всякое, но жалости
Я никогда к себе не требовал;
Когда она к тебе привяжется,
Считай, полсилы словно не было.

Чего на свете не случается,
Когда вся жизнь по фазе сдвинута?!
Быть может, радости слетаются
На адреса, что мной покинуты...

СНЫ

Лунный свет, добру поверив,
Снам старается помочь.
Спят зверушки, спят деревья
Там, где встретила их ночь.

Словно кот на мягких лапках,
К повелителям времён —
К детям в маленьких кроватках
Тоже тихо входит сон.

Звёзды на небе повисли,
Месяц в трёх соснах застрял.
Ищут вызревшие мысли
Где начало всех начал.

Кто-то мнит себя ребёнком,
Кто-то к взрослости спешит,
И у всех потом спросонок
Удивлённый будет вид.

Ночь торопится с обходом
Шагом лёгким, словно пух,
Думы спящего народа,
Как стихи, читая вслух.

В РАЗГАРЕ ЛЕТО

Река извилисто бежит
Сквозь омуты и плёсы.
Над лугом марево дрожит,
Как дым от папирсы.

Краснеют густо клевера,
Шмели гудят натужно.
А сенокосная пора
Зовёт крестьян на службу.

И словно старенькая дверь
Скрипит от перекоса, —
То одинокий коростель
Сбивает в травах росы.

Рожь наливается зерном.
К малине манит стёжка.
Мы в кущи к ягодам нырнём
Попробовать немножко.

А пересуды не страшны:
Глядим на всех невинно.
А то, что губы так красны,
Так это от малины...

СОВРЕМЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

Избы деревянные да бани.
Изгороди тянутся к реке...
У деревни с городом нет грани, —
Дачник всё давно прибрал к руке.

Копшатся куры на задворках.
Лето. Солнце. Овода и зной.
Потчуя с опаской хлебной коркой,
Ребятня знакомится с козой.

В городе остались звон трамвая,
Парк с фигурой статного гребца.
Здесь же птицы-ласточки летают,
Ловят на лету прокорм птенцам.

Кто-то, встав едва ль ни до рассвета,
И разгорячённый от ходьбы,
С гордостью несёт в своих пакетах
Первые упругие грибы.

За деревней пустоши немерено, —
Это власти нашенской позор!
А вокруг новёхонького терема
Трёхметровый строится забор...

ОБЕЛИСК

Цветёт черёмуха.
Как взрыв
поднял на воздух
её снежность.
По узким тропкам
побродив,
я был обязан неизбежно
прийти к нему.
Стоит солдат
из гипса,
с белым автоматом.
Годами строгий его взгляд
встречал восходы и закаты.
Слетали листья в октябре
и к маскхалагу прилипали.
А он на стуже и жаре

стоит, зная, отпуска не дали.
Он тут не просто рядовой,
а облечён высоким званием
солдата. К Памяти людской
навечно часовым поставлен.

НАМ НЕ ПОЗВОЛЕНО ЛЮБИТЬ...

Казалось, станет хорошо:
С трудом, но выбрался из грязи.
Да, видно, близко подошёл,
Взглянул в упор и счастье сглазил.

Оно распалось на куски
Надежд, забот, очарований,
На боль фантомную тоски
После резекции мечтаний.

Оно, однажды прозвучав,
Лишь повторилось глупым эхом.
И кто рассудит: прав — не прав?
И где та главная помеха?

Сердца, столкнувшись, разошлись,
Как полюса с одним зарядом.
И обеднела цветом жизнь,
Как роща после листопада.

Я, разучившись ревновать
И став спокойнее и суше,
Тебя стал медленно терять:
Сначала губы, тело, душу.

Судьбой приказано забыть
Соединившие нас ночи.
Нам не позволено любить,
А другом можно быть заочным.

НА РАЗНЫХ ЧАСТОТАХ

Тихий, робкий шелест листьев,
Шёпот трав, бог весть, кому.
Как волшебнику, мне б мыслью
Тронуть в женщине струну.
Нет, и волосок не дрогнул.
Что ж про сердце говорить?!
Может быть, слова тут могут
В сердце эхо пробудить?

Как в лесу угрюмо-диком
Заблудившийся грибник,
Напрягусь — и криком крикну, —
Пропадает в шуме крик.
Загужу весёлым ветром,
Тресну громом посиленей,
Песни радостным куплетом
Позову. Не слышно ей.

Что-то в нас не совпадает:
Знать, не та иль я — не тот...
Грустно. Больно. Так бывает,
Коль волна иных частот.

ЧТОБ ПРИПОМНИЛ...

Из таинственного далёка,
Из лесной комариной глуши,
Из укрытых черёмухой окон,
Как упрёк, мне письмо напиши.

О забывшем коней и телеги,
И пастушьих кнутов резкий свист —
Напиши о сбежавшем к Онеге
Поселении из стареньких изб.

Это там мальчуган босоногий
Вырастал на речных берегах.
Там мои, все в царапинах, ноги
Врачевала трава на лугах.

Напиши, чтобы словно воочию,
Я открыл коридорную дверь
И увидел меж буквенных строчек
Рыбой пахнувший старый пестерь,

Самовар с опечаленным ликом,
Отслуживший свой век керогаз,
Припасённую кадку с брусникой —
Витаминный, на зиму, запас.

Чтоб припомнил я гроздь рябины
Возле дома в штакетном плену,
Чай с пахучей лесною малиной,
Пса, что лаял порой на луну.

Чтоб опять поманила свобода,
Возжигая в душе уголёк:
«Ты — не кто-то без племени-рода!
На земле есть и твой уголок...»

НАТАША МАЙСКАЯ

Россия, г. Астрахань

ПОСЛЕДНИЙ САМУРАЙ

Если воткнуть
иголку циркуля
в центр
наших страстей:
ты, только ты —
сила эмоций
и ярких новостей!

Рукою до запястья
дрождю —
только ты
так можешь.

Моей любви
последний самурай
ты говоришь
разлуке: умирай!

И акварелью красной,
тонкой кисточкой
рисуешь радости души,
мазки те несказанно хороши!

РОВНО В ШЕСТЬ!

Будьте там завтра вечером, в шесть.
Любви либо нет, либо — она есть!
Оденьтесь попроще:
пуловер, джинсы, кроссовки.
Да не скупитесь на прелестный букет
от цветочной торговли...
Пригласьте ершистость и ваш апломб.
Запрячьте поглубже характера бомбу.
И на несколько часов зарядитесь
ласковостью и вниманием.
Поверьте, вы получите
в ответ нескончаемый
поток обожания!
Будьте там завтра, ровно в шесть!
И вы узнаете, что ЛЮБОВЬ — есть.

СТРОГОЕ ОТК

Всё привыкла доводить
до логического конца.
хотя, — (подумаете вы), —
на всякого мудреца,
достаточно простоты:
если подвох, то за три версты
чувет! Кромсает, режет... Чует (!),
а потом ваяет и даже шлифует
Всё свой смысл обретает.
Дух творчества витает.
И вот вам «продукт» —
творение её рук,
на превеликую радость
друзей и подруг.
Нате! Получите... строгий... ОТК!
Саму же её не взбудоражит, пока
не взлетит в придуманные облака.
Вот, там она — ПТИЦА,
свободная и быстrokрылая
И очень, очень счастливая!

ЕЩЁ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

О, буйство чувств
и лихорадка страсти,
порывы, радости души,
а наши встречи так не часты,
но... Боже ж мой, как хороши!

И я истерзанною птицей
лечу в объятия к тебе
Хочу воскреснуть,
вновь родиться
и благодарна я судьбе.

За шторм в душе,
за море ласки и,
что поблёскивают
изумрудом глазки.

Я буду ждать хоть тыщу лет.
И у меня на всё готов ответ
Всем чудесам, которые творишь,
хоть ты молчишь...

Я знаю это слово — оно бальзам
всем ранам,
ссадинам и горестям измученной души
моей.
И я люблю тебя и за тебя молюся я много
дней.
Всех Ангелов тебе я посылаю:
как я хочу тебя, как я тебя желаю!

ТОНЧАЙШИЕ СЕРПАНТИНЫ

Быть может... это всё мечты,
но так умеешь только Ты:
Рассыпать в памяти узорные глубины.
Почувствовать миров заоблачных
тончайшие серпантины,
И, ярко высветив реальность,
переживать момента гениальность!
Так можешь только Ты,
порывом дня рождённый.
Так можешь только Ты,
в ошеломляющий наряд
восторга облачённый...
Так можешь только Ты!
Иль... это всё мои мечты...

УТРО ПОНЕДЕЛЬНИКА

Огромным шаром красным
солнце на небо всходило,
и это утро я уже любила!

***

Встань под холодную струю!
Я утро вновь тебе спою!

***

Подкладка утреннего слова может быть
атласна
и жизнь в секунды станет для тебя
прекрасной!

***

Способность чувства: возникать,
расти и воплощаться.
Оно — мазок художника, а вместе
все мазки — картина,
в которую так хочется влюбляться
и влюбляться!
А как мазки те лягут на незримый холст,
то от тебя зависит, от души твоей идет.
Смотри, прекрасна та картина!
Неземное чувство в ней уже «цветет»

ГУТТАПЕРЧЕВАЯ КУКЛА

Увлечлась и чуть не упустила
«нить» финала.
Тем временем и солнце поутру вставало,
и запоздалая слезинка на щеке дрожала.
Скорее всё забыть! Забыть!
С последнего аккорда — снова жить,
выстраивая звуки в стройный ряд,
а мысль, как гуттаперчевая кукла-акробат,
её раз сто на землю уронили,
раз двести, закопав, похоронили.
Ан, нет!... пульсирует,
по краю пропасти умело балансирует.
И ухватиться за соломинку в секунды
успевает,
а твою «сущность» оооочень тонко
понимает!

ЗВУК К ЗВУКУ...

42

Задира-ветер гонит паруса шальных
амбиций.
На сквозняке этом... меня постоянно
«сифонит»
И не поймешь: то ли это ещё репетиция,
Или — уже настоящая жизненная
симфония?!
Симфония, где звук к звуку, —
Нежнее, вернее, сильнее, крепче
Уже не может любить и звучать!
Возьми потихоньку мою дрожащую руку,
Успокой меня и... заставь ветер замолчать!

ГРУСТЬ К ЩЕКЕ

00:49

Ещё не тронут лес осенней позолотой,
ещё не наступила осень и в судьбе,
ещё ты влюблена в кого-то,
ещё по нраву он тебе.
Но... вдруг с цепи сорвётся ветер,
прижмётся грусть к твоей щеке,
печальны перемены ты заметишь,
холодной станет вмиг вода в реке.
И клином стаи журавлиной
ворвётся холодок разлуки.
Дорога к дому, где тепло,
вдруг станет длинной...
поселятся уж в душу муки.

ТАК ПРОСТО ВСЁ!

Это... как ряд простых чисел,
А Он взял и допустимое превысил.
И удастся ли?!... («черта с два!»)
повернуть Его, скажет: Ты не права!
Любое слово в глубину и самую суть.
И мысли — рой пчёл! Невозможно заснуть.
И Он так гибок! Он — непредсказуемый!
Но..., почему-то каждая встреча с Ним,
Это — восторг..., восторг неопиcуемый!

ПРО ПЁСТРУЮ НИТКУ...

До осени совсем недалеко.
Туманы по утрам, как молоко
укутывают в шаль печали
и грусть ложится на мечту.

Ты видишь: мы другими стали.
Судьбу творим совсем «не ту».
И доброта вдруг обросла жнивьем.
Поступки совершаем без контроля.
Ты замечаешь:... не живём (!)...,
а будто бы играем роли.

А между тем уж на исходе лето.
И быстро исчезают яркие сюжеты,
мелькая пёстрой ниткой в спицах.
Ты понимаешь: солнечная радость
стала просто небылицей...

P. S.

До осени совсем недалеко...
Туманы по утрам, как молоко.

ЗЕРКАЛА...

А ты хоть сладкою конфеткою...
в атласную бумажку завернись,
но круто режет жизнь.

***

Вот ты уходишь, на прощание поднимая
руку,

А я так тонко чувствую разлуку.
И холодок печали по моей спине змеёй,
И там, за поворотом ты уже не мой
Жизнь на волоске,
И зеркала в тоске.
Я не заглядываю в них: нет, нет, нет
я боюсь
Ведь с ними в прошлое я вдруг вернусь,
А я хочу к тебе, но не могу,

И моё сердце среди лета на снегу
Ему и забюко, и морозно,
Скрипач играет виртуозно!

ВЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

Она такая милая...
на первый взгляд,
Про неё много спорят и говорят.
А внутри у неё пружина, закрученная
жёстко.
И если она пожелает, слово её хлётко.
Встанет в позу, выделяет «фигаля»
И такая ершистая в этот миг: О-ля-ля!
Но при всём при этом может в секунды
затихать,
А эта её манера: зонты с перчатками
вечно терять??
А то вообще превратится вдруг в мягкую
вату
И взгляд туманно-блуждающий
и виноватый
Словом всего намешано в ранимой
душонке —
Присмотреться же стоит к этой девчонке!

Он, как медленный танец — исполнять
наслаждение!
В уголках серых глаз искромётной
улыбки движение.
Часто жеманничает. Слегка манерничает,
хмурится,
Но без него солнечный город,
как незрячая улица.
У него странное желание говорить
колкости и перебивать.
Но вдруг среди наспех обронённой
фразы вмиг замолкать.
Он всегда прав... Это его прерогатива.
Судьба к нему милосердно-учтивая.
Оно и понятно. Он — мужчина.

Вы спросите: что их связывает??!
Никто не знает,
Но совсем скоро... (думаю)...
судьба их повенчает!

ОМУТЫ

Существуют глубина и омуты души
И подземные её колодцы потаённые.
Сколько б ты ни размышлял об этом в час
бессонницы, в тиши —
Не найдешь ты к ней тропы...
единственной и проторённой.

УГОДЛИВЫЙ ГАРСОН...

Как ты устроил всё красиво:
И ресторан, и свечи, и корзина роз.
Угодливый гарсон, печально-молчаливый,
У столика надолго врос.
И тихо льётся музыка, мерцает
потайный свет.
И я с тобой, как будто, но меня здесь
вовсе нет.
Я мыслями в далёком том, безмолвном
прошлом,
В том времени, когда меня действительно
любил,
Когда ты был таким «хорошим»,
Когда ромашки полевые мне дарил...
Как ты устроил всё красиво:
И ресторан, и свечи, и корзина роз...

СВОЙ ШЕСТОК

Да... «Всяк сверчок — покорно знай ты
свой шесток!»
Я ж непокорною была и свой «шесток»
совсем не знала,
Порой беспечно эту мудрую поговорку
забывала.
И смелой, гордой, сильной птицей
в облака взлетала.
Взлетала, отбросив все запреты.
Как радостно творила своё лето!
Я накрывала лаской, добротой всё то,
к чему я прикасалась вдруг,
Но ты упорно возвращал к реальности
меня, мой друг!
Не уставая повторять: вернись на Землю
ты опять!
И поняла я... «Всяк сверчок — знай свой,
насиженный шесток»...

ДЕРЗКОЕ

Такие, как она «на дороге не валяются»
Такие, как она «подкидышами»
не называются...

Такие, как она — опасная, прямая
спица.
За журавлем она в полёт, не за синицей.
И в этом мире знает себе цену.
Как не старайся всё забыть,
Ей вряд ли ты найдёшь замену.
Иссохнешь весь, поймёшь: испепелён,
наказан.
Она ж при этом не моргнёт и глазом.

ВСЁ ДОВОЛЬНО ПРОСТО...

В чащобу леса не заходит яркий свет,
Вот так бы душу мне попробовать
закреть от бед.

* * *

Очень дорого бы заплатила,
чтобы удержать тебя, мой милый.
Но зачем же делать это против воли,
Лев ты, загнанный в зверинец, что ли?!

* * *

Когда бы мир не задавал себе вопросов,
Всё было бы довольно просто,
Но, коли эти трудные вопросы
возникают,
То сильные и умные, собравшись вместе,
их решают.

ЛЕГЧАЙШИЙ БРИЗ.

Как в бурлящую волну со скалы рванула
смело
Я люблю! Тебя люблю! И кому...
какое дело?!
Пусть это будет мой каприз,
Когда подует вновь легчайший бриз,
Мне принесёт тебя он вдруг
Из дальних странствий и походов,
Из сказки, выдуманной мной походу...
Ты — сильный и свободный,
Полный трепетных желаний,
Войдешь в мой мир — любви,
очарования!

*Алексей Беляков
(Россия, г. Владимир)*

СТАРАЯ ДУРА

Денис стоял в очереди. Очередь маленькая, три человека, но у Дениса в руках была коробка с армянским коньяком, она требовала действий, она томила.

А у кассы оказалась бабулька, она пересчитывала купюры ветхими пальцами. Сбивалась, опять пересчитывала.

Таких бабулек все ненавидят. Все спешат. А им спешить давно некуда, но им почему-то надо появиться именно в тот момент, когда все спешат.

«Старая дура», — пробормотал Денис.

Женщина, стоявшая перед ним, услышала, обернулась, кивнула, вздохнула.

Денис ждал друг Валера. Уже две недели Денис совершал круиз по старым друзьям. Он поссорился с женой, уехал в свою квартирку на улице Беломорская, но одному было скучно, и Денис решил устроить затяжной холостяцкий праздник. Все ждал, что Оля позвонит или напишет: «Извини, я была неправа, возвращайся».

Но Оля молчала. Что Дениса злило лишь сильнее, да и ему одному хорошо, вон сколько друзей, все ждут, только бы эта старая дура быстрее уже свалила.

Бабулька ушла, наконец, от кассы. Денис пробил коньяк и лимон. Быстрый, радостный вышел из магазина.

И снова увидел бабульку.

Очень медленно та шла, держа тяжелую сумку.

«Блин», — подумал Денис.

Подошел:

— Давайте я помогу!

— Что вы, молодой человек, не надо, я сама, я привыкла.

Она смотрела на него, улыбалась, ее глаза чуть слезились.

Денис взял ее сумку:

— Я в ту же сторону.

— Ох, ну спасибо, вы так любезны.

Ему было в другую сторону, но он проводил ее до самой двери. Бабулька долго искала ключи, наконец, открыла:

— Извините, домой не приглашаю, у меня беспорядок...

— Да я и не собирался! — усмехнулся Денис.

Она приняла сумку и вдруг чуть ее не уронила, взялась за косяк.

— Голова.... Закружилась...

Денис взял ее под руку, провел в квартиру, уложил на диван. К его удивлению, в квартире было очень чисто, только слегка пахло котом. Значит, точно живет кто-то еще.

Тут и сам кот появился, вскочил на диван, очень недобро посмотрел на Дениса.

— Это Ленский, — тихо сказала бабулька. — Очень люблю оперу «Евгений Онегин» и всегда хотела, чтобы Ленский остался жив. Ему уже девять лет. Ну все, мне лучше...

— А дома есть кто еще?

— Нет. Я одна. Муж умер пятнадцать лет назад, сын и внуки в Сиднее...

— Где?

— В Австралии. Сын с женой и детьми уехали туда еще в 90-е... То есть я не одна, я с Ленским. Все, ради бога простите, что вас так обременила. Выпью таблетки, сделаю чай...

Валера сердито открыл дверь: «Ну ты что? Час как прийти должен! Сижу трезвый, как дурак».

Денис рассказал про бабульку.

«Ты, блин, пионер-герой, что ли? — сказал Валера насмешливо. — Мало ли этих бабок слоняется, они всех нас еще переживут!»

Денис сказал, что пить не хочет. Оставил бутылку, уехал домой.

На следующее утро он позвонил бабушке. Да, он взял ее телефон — непонятно зачем.

— Зинаида Васильевна? Это Денис, ну тот, который вчера из магазина...

— Денис, я поняла! Я хоть и старая, но еще не в маразме.

— Сегодня же выходной, давайте я приеду, может, что-то помочь?

— Нет, что вы, дорогой мой, я и так вам страшно обязана. Не берите в голову, я давно справляюсь прекрасно. Ну если что — есть соседка Аллочка, очень хорошая.

— А вы говорили — что таблетки заканчиваются...

— Ну я выйду в аптеку. Я очень шустрая.

Через два часа Денис входил в квартиру Зинаиды Васильевны. Та причитала, что ей страшно неловко, что есть Аллочка, что зачем вообще так суетиться.

Денис принес таблетки и всякие сладости к чаю.

— Денис, вы так добры, — улыбнулась Зинаида Васильевна. — Но мне ничего этого нельзя. У меня диабет. Хотя так иногда дико хочется мороженого.

— Ну вот, — сказал Денис. — Обидно. Но я принес еще вкусняшки Ленскому, ему-то можно?

— О, ему можно все! — засмеялась Зинаида Васильевна. — Извините, а вам сколько лет?

— Сорок два.

— Совсем еще мальчик. Счастливый. Семья же есть?

— Да, конечно, жена и дочке пятнадцать.

— Прекрасно. Жена у вас наверняка красивая, а вы точно хороший муж и папа.

— Ну... Стараюсь.

Денис сам не понимал, зачем ему эта старуха. Зачем он тогда увязался за ней из магазина. Ну ладно, донес, но зачем еще приезжать, тащиться с другого конца Москвы — он не понимал.

Напротив дивана Зинаиды Васильевны был портрет — красивая светловолосая девушка в алом платье стоит у окна, за которым солнечный город.

Зинаида Васильевна заметила взгляд Дениса:

— Это очень известный художник... Господи, забыла фамилию, он еще ухаживал красиво, ездил на «Волге» такой двухцветной... Но как фамилия? Вот я старая дура...

Ей было восемьдесят пять.

***

После школы все убеждали Зину идти в театральный, она была яркой, высокой, играла в школьной студии все главные роли.

«А я решила — нет, это банально. И пошла в нефти и газа! На курсе было лишь три девчонки. Я была активисткой, но не комсомольской, это я не любила. Я ставила на курсе всякие сценки, но главное — сколотила из девчонок нескольких институтов волейбольную команду и мы побеждали три года подряд... А у меня были лучшие подачи. Нет, я честно! Сейчас покажу».

Зинаида Васильевна потянулась к большому комоду, что стоял возле дивана, оттуда достала фотоальбом. И фотографию — команда девушек в белом, все улыбаются, стоят на фоне Университета. В центре юная Зина с мячом.

«Никого из этих девчонок уже не осталось, — Зинаида Васильевна погладила Ленского. — Я последняя».

***

Вечером Денис пришел домой, открыл дверь, крикнул: «Оля! Это я! Я был не прав, извини!»

Оля вышла с кухни, недоуменно вытирая мокрые руки:

— Ты выпил?

— Нет, вообще! Я тебя очень люблю. Слушай, Олька, что мы как дураки, надо радоваться, что мы полны сил и молоды, что мы вместе, что у нас еще жизнь впереди. Где дочурка?

— Тусит с друзьями. А что стряслось?

— Ничего. Просто мы не осознаем, какие мы счастливые дураки.

— А мы счастливые?

— Очень. Извини, можно я тебя обниму?

— Обними, ладно. — Оля улыбнулась. — Котлеты будешь?

Денис так и ездил к Зинаиде Васильевне, раз в неделю точно. Оле не говорил, решил — как-то отдельно сообщит.

Гордая Зинаида Васильевна никогда не звонила ему сама. Но явно к нему привыкла, ждала.

И рассказывала свою жизнь.

После института Зина понеслась в Сибирь, хотя ей, отличнице, предлагали хорошее место в Москве. Но она хотела «работать на земле».

— Нефть — это ужасно интересно! Это как приключение, — смеялась Зинаида Васильевна. — В те годы мы как раз занимались новыми месторождениями, стране требовалось больше нефти. Ну я тоже приложила руку к этому великому делу, одно месторождение хотели моим именем назвать даже, но это глупость полная, нас много было там, мало ли, что я единственной женщиной оказалась.

А дальше возник Борис. Он был старше на десять лет, уже занимал пост в стройтресте. Но отлично играл на гитаре и пел. Зина, за которой ухаживали знаменитые художники и маститые нефтяники, влюбилась.

«На всю жизнь, — сказала она. — Борис — это человек, с которым я всегда была счастлива. Мы только один раз поссорились. Когда я после декрета захотела снова работать. Он говорил, что его зарплаты хватит на всех и даже на «Запорожец», но я была упрямой! Только больше в поля не ездила, стала писать кандидатскую, потом мы начали строить дачу, Боре выдали большой участок... Что я вам рассказываю это все? Обычная жизнь, как у всех. Хотите лучше спою вам что-то из оперы? Я же их все знаю наизусть, я раньше хотя бы раз в месяц ходила, теперь уже сил нет, да и билеты очень дороги...»

— Почему вы не захотели к своим в Австралию? — как-то спросил Денис.

— Ой, я же ездила к ним раза три. У них там прекрасно, океан прямо из окна... Они просили остаться. Но нет. Что я там буду делать? Тут лежит мой Борис. Тут вся моя жизнь. Тут моя дача и огороды. Ну и Ленский, в конце концов, — она потрепала толстого кота.

Перед Новым годом Денис объявил, что достал Зинаиде Васильевне два билета на «Евгения Онегина».

— Дорогой вы мой! — воскликнула она. — Это такой подарок! Только знаете... мне же не с кем пойти. Может быть, вы? Если вас не затруднит.

В Большой театр она надела черное платье и брошь с лунным камнем, которую ей много лет назад подарил муж.

— Я ничего еще? — кокетливо спросила Зинаида Васильевна. — И ваша жена — она не будет ревновать? Вообще когда вы нас уже познакомите?

— Скоро! — ответил Денис.

Да, он собрался рассказать Оле все, она и так недоумевала, куда муж уезжает иногда на целый день.

Почему он не рассказывал — Денис сам не мог себе объяснить. Просто странно было произнести: «Я езжу к бабушке восьмидесяти пяти лет и к ее коту».

Денис не звонил целый месяц — с женой и дочкой летали в Таиланд.

Вернулся, дела. Наконец, позвонил. Зинаида Васильевна долго не брала трубку. Денис считал гудки...

На восемнадцатом Зинаида Васильевна ответила, совсем тихим голосом: «Что-то мне не очень хорошо...»

— Я приеду! — чуть не закричал Денис. — Прямо сейчас! Пока зовите Аллочку!

Когда Денис выбежал из машины, от подъезда уезжала скорая.

У дома стояла Аллочка, она плакала, у нее на руках был Ленский. Он увидел Дениса, потянулся к нему.

«Можно я его себе заберу? — спросил Денис тихо. — Ему будет хорошо у нас».

Соседка протянула ему Ленского. Денис прижал кота, тот замурлыкал.

***

...Зина, юная, в белой форме, убирая резинкой волосы на ходу, бежит к волейбольной площадке.

Там ее ждут девчонки:

«Зин, ну ты что так долго? Мы без твоих подач никуда!»

«Девочки, я сейчас, — улыбается Зина. — Очень мороженого захотелось, ну я и купила. Сейчас начнем!»

О СИЛАХ МАГНЕТИЧЕСКИХ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

Наверняка среди читателей может найтись такой, который, прочитав заголовок, скажет: ну вот, опять какую-нибудь мистику со спиритическим вызыванием духа Пушкина, Сталина, Брежнева (кого душа пожелает, на ваше усмотрение) и перемещениями предметов начнет на наши бедные уши и мозги в виде лапши вешать. И будет не прав. Хотя перемещения и будут. Самые реальные и неожиданные.

Я человек, по нынешним официальным медицинским канонам, уже пожилой, за 70. Но не очень. А потому, как и многие другие такие же молодые пенсионеры, я еще ого-го. Да нет, я в другом смысле ого-го, в садово-дачно-огородном.

Есть у меня такое место, где после «раззудись плечо, размахнись рука» такое бывает, что потом целую неделю мазями только и спасаюсь. Нет, это не дача. На дачу люди приезжают отдохнуть, насладиться единением с природой и прочее. А мы с этого долбаного огорода вечером еле ползем. Вот и вся разница. Ну, это так, к слову.

Так вот, у каждого уважающего себя огородника есть «изюминка», которой он своих родных и близких удивляет, то есть, угощает. Я надеялся в прошлом году удивить своих плодами люффы, а попросту растительной мочалки. Зря надеялся, мочалки не получилось, только цветок на двухметровом стебле был и больше ничего. Не тот «изюм» оказался. А вот другие изюминки у меня удаются. А что, у нас на Балтике на Новый год плюс 15 градусов за бортом, простите, за окном. Вот я и приноровился на мой любимый праздник, в День защитника, значит, закладывать. Да опять вы меня не поняли. То, что обычно закладывают, мне нельзя, сердечко пошаливает. А закладываю я грядки под лучок и редисочку в теплице. К майским праздникам вот они, мои хорошие, и зелененькие и красненькие уже готовы, аж за ушами трещит.

Собрался я земельку-то готовить, а она в этом сезоне пересохла. Морозы отчего-то были, землю и высушили. Надо полить. Делов то, ведро

да лейка в обе руки. Привычным движением цепляю ведро на карабинчик и пускаю с ворота тросик вниз, там метр до воды. И вот тут начинаются те самые магнетические события. Ведро мое с грузиком, вместо того, чтобы кувырнуться и наполниться водой, сверкнув ярким днищем, медленно, и я бы сказал, величаво удаляется от меня на шестиметровую глубину. Как говорится, все, приплыли.

Я в растерянности рассматриваю карабинчик и делаю открытие: пружинка, которая прижимает защелку карабинчика, всю зиму ржавела и перестала свою функцию выполнять.

Но я не теряю надежды и пытаюсь аккуратно достать воды другим ведром. Теперь те же магнетические силы пустили второе ведро в свободное плавание на поверхности воды в полузатопленном виде.

Теперь передо мной встало две проблемы. Первая — отремонтировать или заменить карабинчик. Ремонту он не подлежит, весь клепаный и старый. А вот заменить — да, есть вариант, если порыться среди всякого нужного и не совсем хлама, т.е. запасного имущества в гараже. И вторая проблема — достать ведра. Это тоже просто, когда есть хороший магнит. Есть такой у соседа по огороду, но нет соседа, живет он на другом краю города. Опять же, если поискать старый (совсем) динамик с металлическим магнитом, то что-нибудь и получится. Утвердившись в своем решении искать все в гараже, я с поражением покинул поле боя, с надеждой победы на следующий день.

Дабы не утомлять читателя рассказом о безрезультатных поисках карабинчика и магнита в гараже, я скажу, как я решил вопрос с карабинчиком. Я вспомнил, что когда я ремонтировал ограду огорода из сетки-рабицы, я натягивал верхнюю подбóру с помощью талрепа и троса, на котором был хороший карабин. Я возликовал! Вот оно, решение проблемы! Прямо на поверхности, то есть на заборе!

Покинув гараж, я помчался на огород. Простыми пассатижами, за каких-нибудь двадцать минут, я ухитрился перекусить, перемолоть, перетереть, переломать, раздергать пятимиллиметровый стальной тросик и заполучить этот проклятый карабин. Я уже не ликовал, я почти с ненавистью разглядывал острые стальные остатки тросика на карабине. Вернувшись к колодезю, я понял, что здесь заменить карабин я не смогу. У меня не было ни условий, ни инструмента. Решение пришло сразу — я размотал с ворота весь тросик в бухту вместе со старым карабинчиком, отогнул три гвоздя и отсоединил тросик от ворота. К тому же и второе мое ведро за сутки благополучно каким-то образом присоединилось к первому, а что, вдвоем-то веселее. На этом закончился мой второй день «битвы за изюминки».

А где же магнетические силы и прочее, что обещал нам автор? Уже устали ждать!

А на следующий день было 23 февраля! Ну кто в такой день будет заниматься прозаическими делами? Я с утра принимал поздравления, потому как в свое молодое время отдал любимым Вооруженным силам целых 27 лет!

Все желали мне, я желал всем, а сам думал, где взять магнит? И когда мне позвонил один из близких желающих, я ему конкретно выложил свое

встречное пожелание. Мол, так и так, для максимального счастья мне не хватает сильного магнита хотя бы на один день.

И свершилось! Есть у него такой магнит, есть, неодимовый, только без дырки или петли. Вот это настоящее исполнение желаний, вот это да!

Жил он недалеко и через десять минут я принимал из его рук это сокровище. Если бы я знал, как его правильно называть! Товарищу предупредил, чтобы я ненароком не прислонил его к машине. Иначе не оторвешь. Как он был прав!

День только начался. Начался, как я думал, очень хорошо и я с таким хорошим настроением отправился в гараж, завершить свою атаку на мои колодезные проблемы. С карабинчиками я справился быстро, благо, когда «болгарка» под руками. А вот дальше...

Тут надо сделать отступление. Что такое гараж у мастерового человека? (А я таковым себя считаю). Гараж не только место хранения автомобиля на остатках площади, но это и место для творчества. А значит, оно завалено сверху донизу (а может наоборот?) абсолютно необходимыми на данный момент деталями, материалами, инструментами и пр. Вот так и у меня стеллаж длиной в пять с половиной метров был заложен всем, что нужно, на всю длину.

И свободным было только маленькое пространство возле тисков, которые крепились к стеллажу струбциной. Прошу отметить, это важно. Естественно, на это пространство я и бросил бухточку с тросиком и карабинчиком. А куда же еще?

Теперь надо было заняться магнитом. Пока что он тихо-мирно лежал в багажнике машины на толстом слое газет и тряпок, ничем не проявляя своей подленькой натуры. Но все это кончилось, когда я взял его в руку и понес к стеллажу. Он тут же успел проверить, много ли у меня ключей в кармане рабочей куртки. Он коварно вцепился, как клещ, не желая отпускать добычу. Освободив ключи, и уже зная его подлые намерения, я постарался быть осторожнее, но он оказался еще и грабителем, который не прочь проверить наличие кошелька в кармане повыше. В борьбе с этим чудовищем, а оно еще успело и к смартфону приложиться, я искал, судорожно озираясь, место для этого необычайно наглого, коварного, непредсказуемого и такого неожиданного для меня противника. Вот тогда мне показалось, что в нем живет какой-то злой магнетический дух. Теперь-то поняли?

Место я нашел, это был столик от швейной машинки, с широкой деревянной доской. Положил я своего противника на самую середину доски. Фу-у-у!

Теперь можно было передохнуть и обдумать дальнейшие действия. Магнит был без петли, а ведь его надо было опустить в колодец. Предлагался вариант в перчатке, но за ненадежностью был отвергнут. И решил я на него надеть «узд», т.е. медный кольцевой хомут. Сделать кольцо из медной шины шириной 12 мм и, просверлить в нем отверстия под болтик проблем не было. А на конце хомута сделал еще кольцо. А вот дальше я допустил большую ошибку, за которую тут же был жестоко наказан.

Я расслабился, пока занимался хомутом. А вот магнит наоборот собирался с силами в своих подлых и неизвестных намерениях. Мне следова-

ло бы надеть и закрепить хомут прямо там, на деревянном свободном столике. А я взял магнит и хотел положить его на стеллаж, но он хитрым движением вырвался из рук и прицепился к уголку стеллажа. Уже зная его подлую натуру, я вывел его плоскость на ребро уголка и оторвал, приложив солидное усилие. Но рука моя машинально сделала движение над стеллажом и я уже держал в руках, а точнее на магните несколько ключей, отвертки, болты, гайки, еще какие-то детали и в завершение ко всему, еще и бухту тросика с колодца.

Это было только начало. Магнит был тяжелый, в диаметре 6 см, сила притяжения тоже очень большая. Он хватал со стеллажа предметы с расстояния в 6-7 сантиметров. Пока я снимал, а точнее, отдирали от него одни железки, он ухитрялся найти другие. А тросик висел на нем как паук. Наконец я освободил это чудовище от всех лишних предметов и начал прилаживать к нему хомут. Болтик и гайка тоже были немагнитные, из латуни.

Пытаясь затянуть гайку, я нечаянно сдвинул магнит в сторону тисков и вот здесь-то он отыгрался на мне от души. Это чудовище вцепилось в массивную станину тисков во всю тысячу эрстед и ни за что не хотело даже сдвигаться с места. С помощью молотка и длинного деревянного бруска я сдвинул его на ребро станины, но он вывернулся, как опытный борец в тисках противника, и приложился к боковине тисков. Хомут я уже снял, и ухватить этого монстра нельзя было никаким образом. И ведь нельзя ничего было использовать металлического, хотя подходящих шкворней, отверток было навалом.

Но, как говорят, голь на выдумки хитра. Используя зазор между корпусом тисков и магнитом, я стал забивать туда брусок, постепенно отдирая магнит от станины. Потом отпустил струбцину тисков и сдвинул их в сторону. Когда магнит держался на ребре стеллажа, я забрал его на деревянный стол.

Это было временное затишье на фронте. Теперь можно было закрепить хомут. Но даже сейчас, стоило мне чуть ослабить хватку ключа и пассатижей на болтике, как они тут же надежно прилипали к магниту. После нескольких попыток мне удалось затянуть болт. Я победил этого монстра!

Желая в такой знаменательный день закрепить свою победу, я отправился на огород и уже без проблем достал ведра. Магнит захватил их сразу два. Вот так силы человеческие победили силы магнетические. А вы говорите. И в ознаменование всех наших побед над всеми злыми силами, тайными и явными, по возвращению домой, я заложил. То и так, как положено защитнику, немножко, зато с удовольствием и чувством личной победы. Праздник ведь!

*Александр Райн
(Россия, г. Владимир)*

ПОТРАТЬ НА СЕБЯ

— Сдачи не нужно, — сказал Филатов, протягивая пятитысячную купюру кассиру, когда та пробила мороженое.

— Спасибо, — искренне улыбнулась она, заглянув в глаза мужчины.

— Как думаете, мороженое вкусное?

— Понятия не имею, я за четыре тысячи мороженое не ем, — пакуя товар в пакет, ответила кассир.

— Я обычно тоже. Решил попробовать хотя бы раз в жизни, что там такое за четыре тысячи. Ощущение, будто в космос вот-вот слетаю, — усмехнулся покупатель.

— Что ж, завидую вашему грядущему открытию.

— Мне вот эта пятерка подсказала так поступить, — заговорщицки кивнул Филатов в сторону ещё открытой кассы.

Женщина достала банкноту и с наигранным любопытством покрутила в руке. Заметив надпись «Потрать на себя», сделанную шариковой ручкой, она улыбнулась:

— Хороший совет.

— Воспользуйтесь, — подмигнул Филатов и, забрав покупку, направился к выходу.

Дежурная улыбка кассира Ерёминой растаяла, как только раздвижные двери магазина сомкнулись за спиной Филатова. До конца смены оставалось пятнадцать минут, и улыбаться уже не было ни сил, ни желания.

— Аванс из кассы возьмите, — дала разнарядку управляющая в конце смены.

Ерёмина еще раз пересчитала деньги, сделала запись и отложила в сторону три купюры для себя, а еще ту тысячу, которую ей оставил последний покупатель в качестве чаевых.

Сдав кассу, она вышла в теплый вечер и направилась к дому. Впереди маячило два выходных, один из которых Ерёмина собиралась провести в постели. Спина гудела от напряжения и требовала покоя.

Дома Ерёмина мысленно составила список покупок на завтра и достала деньги из кошелька, чтобы просто взглянуть на них.

— Да уж, не разгуляешься.

«Потрать на себя» — прочитала она надпись, перевернув одну из бумажек и, улыбнувшись наивности совета, уснула.

***

Утром Ерёмина встала с кровати, привычно кряхтя от боли. Под матрасом, не иначе, поселился какой-то инквизитор с тупым мечом, всю ночь пытавшийся проткнуть грешную спину кассира.

Запахнув в себя полезный и пресный завтрак, Ерёмина хотела вернуться в постель и до обеда деградировать, пялясь в экран телефона, но тут на глаза ей попались деньги.

«Потратить на себя» — словно текст мантры еще раз прочитала про себя Ерёмина послание неизвестного автора.

Сев на кровати, она задумалась. Несколько минут спустя руки сами потянулись к телефону. Найдя нужный сайт, женщина ткнула пальцем на номер телефона.

— Алло, массажный кабинет? — спросила Ерёмина, покусывая губы от волнения. — Сколько у вас сеанс... вернее, сколько стоит обычный массаж? Хотя нет... — она глубоко вздохнула, закрыла глаза и совершенно спокойным, ровным голосом произнесла: — Сколько у вас комплекс стоит? Четыре пятьсот? Отлично! Запишите меня на два часа сегодня, это возможно? Благодарю.

Сама не понимая, как решилась на такую дерзость, Ерёмина впервые в своей жизни променяла рыночный шопинг на собственное тело. Запасов еды хватало до зарплаты, закупаться впрок не было острой нужды, муж вполне разок обойдется без пива и копченой рыбы, а сама Ерёмина не умрет, если пропустит скидки в обувном. Небо точно не рухнет, если она купит туфли из новой коллекции с зарплаты. Да, никто не любит ужиматься, и Ерёмина не исключение, но, если задуматься, она только и делает, что без конца ужимается.

— Боже, какой это кайф, — мурчала женщина, пока ее спина подвергалась всяческому лечебному давлению.

— Как себя чувствуете? — спросил массажист Чумаков после сеанса, проводив Ерёмину к кассе.

— Как тетрис, который наконец нормально собрали, — резюмировала Ерёмина. — Жаль, нельзя так постоянно...

— Ну вы приходите на классический массаж два раза в месяц, поверьте, результат будет не хуже.

— Знаете что, я, пожалуй, так и буду делать, — уверенно кивнула клиентка, а затем протянула пять тысяч одной купюрой: — Вот, сдачи не нужно.

Собравшись, она вышла из кабинета, сияя довольной улыбкой.

Прежде чем запахнуть купюру к остальной вырубке, Чумаков поднес ее к лампе для проверки подлинности. Кроме водяных знаков на глаза ему попала забавная надпись: «Потратить на себя».

— Было бы здорово...

— Вы мне? — спросил мужчина, ожидающий своего сеанса.

— Нет-нет, это я сам с собой, — улыбнулся в ответ массажист.

Остаток смены Чумаков никак не мог выбросить из головы странный призыв банкноты. Буквально вчера он задумывался о том, чтобы отложить покупку аккумулятора и сходить на концерт любимой группы, впервые приехавшей в его город за десять лет. Концерт должен был состояться уже завтра, а стоимость билета как раз составляла пять тысяч. «Надо было купить за три, когда была возможность», — укорял себя Чумаков.

— Простите, моя вторая нога уже начинает ревновать, — вежливо заметил мужчина, когда прошло десять минут с тех пор, как Чумаков начал массажировать его ступню.

— Прошу прощения, — извинился массажист и, отбросив размышления, включился в работу на полную.

После смены Чумаков прибрал в кабинете, вымыл руки и, одевшись, хотел было выйти, но тут машинально потянулся к кассе. Выудив оттуда пятерку, он запихнул ее в карман джинсов и, выключив свет, поспешил на выход.

***

— Билеты еще остались на завтрашний концерт? — спросил Чумаков, подойдя к концертной кассе.

— Да, пять штук еще есть, — ответила ему пожилая женщина за стеклом.

— Дайте мне, — протянул он купюру.

«На работу могу и на велосипеде пару недель поездить, здоровее буду, — решил для себя массажист, принимая заветную глянцевою бумажку. — В конце концов, деньги для того и нужны, чтобы их тратить!»

***

Билетер Анфиса Олеговна собиралась сегодня после работы отправиться за подарком для внука. Мальчик Антоша был не сильно впечатлен тем трансформером, что бабушка подарила ему неделю назад на день рождения. Груз вины давил на женщину, требовал реабилитации; к тому же внук четко дал понять, в чем заинтересован.

Как всегда педантично складывая деньги в кассу, женщина не могла не заметить надпись на одной из купюр. Бумага явно приказывала ей совершить некое действие.

— Разве можно быть таким эгоистом? — спросила билетерша у пятерки.

Надпись не изменилась, как бы намекая, что иногда быть эгоистом вполне допустимо.

— А как же Антошенька? — зачем-то снова спросила женщина у купюры.

Надпись по-прежнему не менялась.

— Нет, ну, с другой стороны, счастье бабушки должно быть счастьем и для внука? Я ведь права?

«Потратить на себя», — молчаливо повторила банкнота.

— И что, вот пойти и купить себе ту самую сумочку? Господи, вот докатилась, старая, с деньгами болтаю, — легонько стукнула себя по лбу женщина.

Она ежедневно смотрела на всех этих счастливых людей, которые могли себе позволить билеты на концерты любимых исполнителей, и мечтала тоже осуществить хотя бы одну маленькую мечту. Анфиса уже три года ходила с обычным пакетом. Пенсия и зарплата тратились на еду, лекарства, коммуналку и на прожорливого Антошу.

— Обойдется без своих айрпопсов, или как там наушники сейчас называются, — снова произнесла вслух женщина и, достав из пакета кошелек, выудила собственные пять тысяч, чтобы заменить на те, что были с посланием.

***

— Вот, держите, — протянула Анфиса пять тысяч молодой студентке-заочнице Плаксиной, работающей в галантерее. — Я так давно хотела эту сумку. И знаете что? Мне ни капельки не стыдно. Я... Я счастлива! — заявила пожилая покупательница, крутясь перед зеркалом. — Живите здесь и сейчас, — оставила она непрошенный совет продавцу перед уходом.

Плаксына провожала жизнерадостную женщину завистливым взглядом. Себе такую сумку она бы ни за что не позволила. А тут какая-то невзрачная бабка пришла и, не глядя на ценник, купила. Удивительно.

Плаксына жила в съемной комнате на отшибе и знала на вкус всю линейку доширака. Девушка переехала из области, чтобы покорить большой город, и ни разу за два года не попросила финансовой помощи у родителей. Она планировала добиться больших высот, мечтала стать гордостью семьи, но до сих пор не могла позволить себе потратить деньги на какие-то собственные хотелки, как это ей предлагала надпись на купюре, полученной только что от покупательницы. Девушка вообще не могла потратить эти деньги, так как они принадлежали магазину.

— «Потратить на себя», — прочитала Плаксына таинственное послание. — Вот было бы круто... — она поджала губы и убрала пятерку в кассу.

В середине дня к Плаксиной в отдел зашла толпа цыганок. Одна из женщин просила пробить ей кошелек и положила пять тысяч на стол, другая отвлекала Плаксыну и требовала показать сумки, третья беспардонно снимала с витрины весь товар и выворачивала его наизнанку. Плаксына начала паниковать, в какой-то момент она потеряла контроль над ситуацией и, вернувшись за кассу, отсчитала цыганке сдачу с пяти тысяч, которые та уже успела убрать обратно в карман. Лишь к концу дня, когда Плаксына пересчитала кассу на глазах у хозяина магазина, стало ясно, что она попала на три тысячи и кожаный кошелек. Общая стоимость убытков составляла ровно пять тысяч рублей.

— Так как ты заработала за две недели десять тысяч, то половину я оставляю в счет твоей ошибки, а пять ты можешь забрать сейчас. Простите, Елена, но так работать нельзя. Эти цыгане вас тут без последних штанов в итоге оставят, — протянул пять тысяч хозяин галантереи заревавшей Плаксиной.

Выйдя из торгового центра, студентка побрела в сторону дома, сжимая в кулаке свой скромный расчет. Через две недели платить за жилье, а она без денег и без постоянной работы. Про другие расходы и думать было глупо. Проходя мимо зоомагазина, Плаксына зашла внутрь и, как обычно, уставилась на аквариумы с животными. Разжав кулак, девушка взглянула на свою единственную купюру. Это были те самые пять тысяч, которыми расплатилась пожилая клиентка сегодня днем. «Потратить на себя» — снова прочла Плаксына надпись и кивнула собственным мыслям.

— А сколько вот этот ёжик стоит? — показала девушка на африканского декоративного ежа.

— Знаете что, берите бесплатно. Он уже взрослый, скорее всего, никто не купит, — предложил продавец, взглянув на красные глаза девушки. — Лучше купите ему контейнер и корм.

— А давайте, — согласилась Плаксина.

— Знаете, как за ним ухаживать? — спросил молодой человек, оформляя покупку.

— В интернете гляну.

— А может... Может, вам помочь? Подсказать, ну там, как оборудовать всё...

— Kleишь меня, Илья? — прочитала Плаксина имя на бейджике продавца и улыбнулась.

— За ежа переживаю, — покраснел тот.

— Хорошо, диктуй номер, я тебе напишу завтра, — окончательно пришла в себя девушка и, записав контакт продавца, вышла из магазина с новым маленьким другом.

Добравшись до скамейки, Плаксина устроила привал и, найдя нужный номер в телефоне, набрала его.

— Алло, мам, неудобно просить, но, кажется, мне нужна ваша помощь...

Через пять минут на карту Плаксиной пришла хорошая сумма и сообщение: «Мы сами хотели послать тебе денег, но боялись, что обидишься».

***

Эти пять тысяч ходили по рукам еще очень-очень долго. Многие так и не смогли прислушаться к совету купюры, а кто-то просто его не заметил. Но были и те, кто действительно тратил деньги на себя. Одни делали это легко, смешав деньги с другими, как фантики, и даже не переживая за растраты, другие, наоборот, пересиливая себя... Пока однажды эти пять тысяч снова не попали в руки к Филатову, купившему когда-то дорогое мороженое в супермаркете.

— Помнишь, как ты однажды предложила взять и потратить деньги на себя? — спросил он у своей супруги.

— Помню, я написала это на пятерке, — улыбнулась она. — Ты ведь всё до рубля тратил на мои лекарства.

— Я бы снова потратил все свои деньги на то, чтобы ты была здорова.

— А помнишь, что ты сказал мне, когда съел то мороженое? — спросила жена, глядя Филатова по голове.

— Да, что оно самое вкусное на свете.

— И ничего, так ведь? Мы же справились без тех пяти тысяч.

— Справились, — подтвердил Филатов и показал купюру, которую ему выдал сегодня банкомат.

— Как думаешь, кто-нибудь еще потратил эти деньги на себя лично? — спросила супруга, разглядывая собственный почерк.

— Возможно. Интересно было бы послушать такие истории, но, боюсь, мы никогда о них не узнаем. А давай подарим деньги внуку на день рождения?

— Хорошая идея. Илюха с Леной как раз через час его приведут.

— Ага, скажем, что ёжик передал, тот самый, который десять лет назад его родителей познакомил.

*Александр Железов
(Россия, г. Ярославль)*

ЧТО ЖЕ ЖДЁТ

Статья 1993 года — «В Омаи, на реке Эссекибо»

Думается, что порой путевые заметки следует читать с раскрытым географическим атласом, иначе рискуешь запутаться в экзотических названиях: Гвиана, Гвинея-Бисау, Папуа-Новая Гвинея, Экваториальная Гвинея — не говоря уже о том, чтобы определить, как называется столица соответствующего государства.

В Джорджтауне, столице Гайаны, бывшей английской колонии Гвианы, я бывал и раньше, в 1975 году, после одиночного плавания, когда вышел из Дакара и за 44 дня пересёк Атлантику. Гайана — один из немногих сохранившихся на Земле уголков, где ещё можно ощутить сладкую дрожь — Приключения, — вновь покорила меня. Я ожидал, что за долгие годы, прошедшие с нашей первой встречи, вся страна и уж, во всяком случае, города должны были сильно измениться. С великим удивлением увидел, однако, что ритм жизни там всё ещё куда медленнее, чем в Европе.

Если не считать отеля «Пегас», построенного в 70-е годы, самое большое здание города имеет всего четыре этажа, а все железобетонные дома можно пересчитать по пальцам одной руки. В илистых реках джунглей водятся всё те же кайманы, всё так же моют золото старатели и надеются на небывалую удачу охотники за алмазами. Именно сюда, к побережью Гайаны, отправился на поиски сокровищ в свою знаменитую, окончившуюся неудачей экспедицию Уолтер Рейли, фаворит Елизаветы I

Слава Эльдорадо привлекала множество авантюристов, но большинству из них Гайана принесла жестокое разочарование: золото там действительно было, но сколько труда требовалось затратить, чтобы отыскать его, знают только те, кто просеивал тонны и тонны песка с речного дна. Лишь единицам улыбнулась удача, но, несмотря на это, здесь часто можно встретить людей, не потерявших надежды.

Гвиана, или Гуайана, обширная территория, ограниченная речками Ориноко и Амазонкой, делится политически на Гайану, Суринам, Французскую Гвиану, Бразилию и Венесуэлу... Кооперативная республика Гайана — это её официальное название — сравнительно молодое государство, получившее независимость в 1966 году.

Экваториальный лес в течение долгого времени преграждал дорогу человеку и умерял аппетит колонизаторов. Англичане высадились на побережье в конце 16 века, но колония Британская Гайана была создана только в 1814 году. Изначально экономика колонии основывалась на труде африканских рабов, но после отмены рабства (1834-1864) стали приезжать рабочие по найму, иммигранты из Индии, которые на сегодняшний день представляют больше половины населения. За ними следуют негры, мети-

сы, индейцы, китайцы и европейцы — в общем, настоящая мозаика, которая составляет то, что называют «Страной шести народов».

В Джорджтауне, городе с почти 200 тысячами жителей, где ощущается ещё наследие колониального режима, я являюсь гостем сотрудника Российского посольства Александра Кикевича, который служит мне гидом, водителем, а также телохранителем. Здесь нередки кражи и даже похищения людей. Эта дурная слава немало повредила развитию туризма. Редкие иностранцы, которых можно встретить здесь, — либо бизнесмены, либо авантюристы. Бизнесмены приезжают в Гайану за сахаром, рисом, ромом, а также бокситами. Авантюристы ищут в легендарной стране острые ощущения, которые может обеспечить не тронутый цивилизацией лес, там, где царство дикой природы, где живут последние племена аборигенов, где ещё остаётся множество «белых пятен».

Дорог в джунглях нет. Подавляющее большинство населения живёт вдоль побережья, и единственное средство сообщения с внутренней территорией — это реки... В один прекрасный день я ныряю в зелёный океан. В Омаи, на реке Эссекибо, я нахожу владельца длинной и изящной лодки с плоским дном, который изъявляет готовность сопровождать меня. Хочу пройти по притоку Потаро к водопаду Кайетур.

В начале пути встречаются кое-где деревни, потом — никого, местность абсолютно пустынная. Жара. Часто идут дожди. Влажная духота непереносима, пот течёт градом, особенно нелегко становится, когда мы достигаем первых порогов и приходится толкать лодку вручную. С каждым часом плыть всё тяжелее. Река всё больше показывает свой нрав. Лес, горы и климат — кажется, всё против вторжения человека. Густой кустарник спускается прямо к реке: лианы, ежевика, другие всевозможные растения плотно защищают подходы к суше.

На второй день к вечеру перед нами открывается водопад высотой 247 метров. Он низвергается в глубокое ущелье — одно из чудес природы, которое кажется всё более невероятным, чем ближе мы к нему подходим.

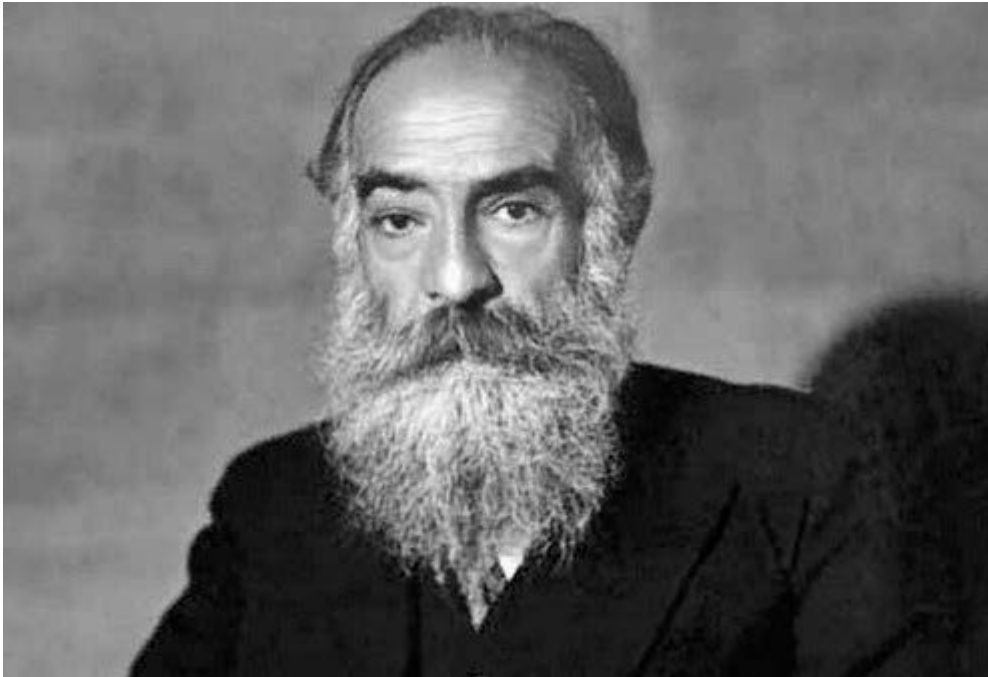
Неподалёку находится спорная территория: 159 тысяч квадратных километров, на которые претендует Венесуэла. Если верить экспертам из Каракаса, эта пустынная и малоисследованная зона с пока неизвестным экономическим потенциалом, однако, по-видимому, весьма богатая алмазами, золотом, ураном и нефтью, была у неё отторгнута обманным путём в конце прошлого века... Что же ждёт впереди эту землю и нас — на безлюдной порожистой реке Эссекибо?..

(автор статьи Яцек Палкевич)

*Наталья Ульянова
(Россия, Санкт-Петербург)*

ИОСИФ ОРБЕЛИ — ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СПАС КОЛЛЕКЦИИ ЭРМИТАЖА

(8) 20 марта 1887 г. (137 лет назад) родился ИОСИФ АБГАРОВИЧ ОРБЕЛИ (1887-1961) — СОВЕТСКИЙ ВОСТОКОВЕД, В 1934-1951 — ДИРЕКТОР ЭРМИТАЖА

Иосиф Абгарович Орбели родился 20 марта 1887 года в Кутаиси в армянской семье с аристократическими корнями: его мать была княжной Варварой Аргутинской, отец Абгар тоже был из дворянской семьи, получил образование в Санкт-Петербургском университете, который считался лучшим в Российской империи.

Окончив в 1904 году гимназию, Иосиф поступил на исторический факультет. Еще будучи студентом, он начал заниматься археологическими раскопками. Речь идет о древнем городе Ани, который принадлежал Турции. Именно там с профессором, известным востоковедом Николаем Марром работали студенты, среди них был и Иосиф Орбели. Вместе они выкапывали памятники армянских поселений. Работы не останавливались даже во время Первой мировой войны. После заключения Брестского мира области Карса и Ани перешли Турции, и раскопки остановились.

Дворянин Орбели, потомок князей, представитель бывших имущих классов, остается в послереволюционной России. Изучение средневековой Азии и Закавказья было далекой от политики областью, и Орбели не преследовали. Ему удалось быстро подняться по ступенькам академической лестницы и получить должность первого заместителя директора Эрмитажа. Эксперт издает книгу о серебряных сокровищах иранской династии Сасанидов, и все же власть пролетариата наносит удар — принимается решение ликвидировать предмет изучения. Чиновники не понимали, зачем стране культура древних персов, ведь государству нужна валюта, а получить ее можно за эти ценности.

Идея наполнить казну за счет «бесполезных» ценностей посещала власть Советов с самых первых лет ее существования. Уже в 1921 году по приказу Ленина в принудительном порядке стали передавать в собственность государства церковные предметы. Именно тогда начали появляться идеи от приближенных к Ленину распродать коллекции Эрмитажа, но до музея добрались только в конце двадцатых годов.

Уже при Сталине это дело доверили наркому торговли Анастасу Микояну, который больше других настаивал на распродаже музейных ценностей. Идея заработать за счет музейных экспонатов выдавала в Микояне человека, который совершенно не разбирался в искусстве. В Наркомвнешторге не понимали, что это не поможет Стране Советов залатать финансовые дыры, однако остановить распродажу уже никто не мог. Наркомат внешней торговли СССР создал рабочую группу по экспорту художественных ценностей. Что подлежит продаже, а что нет, решали чиновники, у искусствоведов права голоса не было. В 1929 году ценности из Эрмитажа начали вывозить. К 1934 году советская власть продала 2882 картины, 59 из них — шедевры международного значения. В зоне риска оказалась коллекция древнеиранского серебра. Доказать пользу иранского серебра власти пролетариата было непросто.

Руководство Эрмитажа пыталось сократить планы, оспаривая их у внешнеторгового начальства, но там ценителей искусства не было. Когда стало ясно, что иранское серебро продадут, Иосиф Орбели почувствовал себя загнанным в тупик. Он принял самое рискованное в жизни решение — лично обратиться к человеку, у которого были безграничные возможности. Это сработало. А вот сохранить коллекцию картин не удалось, потому что Сталина побоялись спросить об этом.

Понятно, что распродажи не останавливались. За рубеж уходили работы Рафаэля, Тициана, Рембрандта и многих других художников. Чиновники ставили подписи на бумагах, где говорилось о том, что картины имеют второстепенную ценность. Шедевры уходили за копейки. В общей сложности за пять лет удалось выручить 38 миллионов рублей — всего один большой завод.

Считается, что больше всех выиграл от той распродажи американский миллиардер, министр финансов тех времен Эндрю Меллон. С советской властью он работал через посредников, сбивал цену, спекулировал, говорят, что на этом деле Меллон заработал больше, чем СССР. Интересно то, что к Советскому Союзу Меллон относился крайне пренебрежительно.

Одна рука министра покупала шедевры, а другая вводила эмбарго на ввоз дешевых советских товаров. Все наследство Меллона досталось Национальной художественной галерее в Вашингтоне. Ходят слухи, что чиновника поймали на финансовых махинациях и вынудили передать ценности государству.

В 1934 году распродажу ценностей из Эрмитажа решили остановить. Разочаровывала низкая выручка, а возможно, кто-то из высшего руководства услышал слова американского миллиардера Галуста Гюльбенкяна: «Чем угодно можно торговать государству, но только не тем, что является национальным достоянием, продажа таких ценностей дает основание для серьезнейшего диагноза». Впрочем, сам миллиардер тоже прикупил несколько картин по сходной цене. В том же году Иосиф Орбели стал директором Эрмитажа.

На посту директора он встретил Большой террор, войну и блокаду Ленинграда и с достоинством пережил все эти испытания. Более того, на его счету немало других героических поступков. Например, во времена Большого террора мужчина лично должен был составить список сотрудников, «запятнанных» дворянским происхождением, себя Орбели поместил на первое место. Репрессии, к счастью, обошли Эрмитаж стороной.

Когда началась финско-советская война, Иосиф Орбели заранее, втайне от власти, стал готовить эвакуацию коллекции. А ведь за это его могли обвинить в паникерстве. Впрочем, это помогло ему подготовить музей к 1941 году. Благодаря Орбели два больших состава с шедеврами эрмитажной коллекции успели покинуть Ленинград до блокады. В годы войны немецкие войска целились и попадали в здание музея много раз. Орбели свидетельствовал об этом перед Нюрнбергским трибуналом. На суде адвокат Геринга задал Орбели вопрос, насколько тот разбирается в военном деле, чтобы утверждать, что немцы целенаправленно хотели нанести урон Эрмитажу. Орбели ответил: «Я не артиллерист по профессии, но в Эрмитаж попало три десятка снарядов, а в расположенный рядом мост — только два. Выбор цели очевиден», — ответил Иосиф Орбели.

Табличка с именем Иосифа Орбели украшает здание музея, ту его часть, которая обращена к Неве. Простые слова, которые напоминают, что там трудился выдающийся советский востоковед Иосиф Абгарович Орбели. А ведь ее можно было бы дополнить — ведь Орбели один из немногих людей, благодаря кому Эрмитаж существует сегодня.

Оксана Нарейко
(Россия, Северный Кавказ)

ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ (окончание)

4. ЕЩЕ ОДНА ВЕРСИЯ СОБЫТИЙ

— Танька, я браслет проиграла!

Я не выдержала, разревелась, как девчонка.

— Оля, Олечка, успокойся! Потеряла, так потеряла, на счастье! Я другой тебе куплю!

— Дура глухая! Я проиграла его! В карты!

Танька притихла. Было время нашего ежевечернего разговора, и я уговаривала себя не жаловаться подруге на подлую даму червей, но не смогла. Браслет было жалко до крика.

— Оля, а скажи мне, какой сейчас год на дворе, — медленно, четко сказала Танька, а я от отчаяния и обиды чуть телефон в помойное ведро не швырнула!

— Дура! Я серьезно! Танька, я его проиграла, эта старая гримза...

— Так, успокойся. Ты сейчас пойдешь к тете Кате, я с ней хочу поговорить,

— Танька заговорила таким искусственно спокойным голосом, что я заревела еще громче.

— Я не спятила! — почти закричала я и передала трубку тете Кате. Мы как раз втроем, вчетвером, если считать Чижику, ужинали.

— Танечка, вы не ослышались. Олюшка действительно продулась в карты, как... — она не договорила. Володя загоготал, почти подавился сырником и выскочил из-за стола. Вот бездушные! Все они: и эта старая мошенница, я была уверена, она мухлевала, и этот бородатый лоботряс Володя, а что, если он в сговоре с этой лекаркой? Что у меня можно взять? Ничего! Браслет, телефон, сережки и ходунки. Вот их отдам с радостью!

— ..да, да, именно так! Вы все правильно поняли, — между тем продолжала тетя Катя. — Лекарка у нас хорошая, но странная, строптивая, вот браслет Олечкин ей приглянулся. Что? Нет, она не просит денег, она никогда ничего не просит, вы не переживайте! Знаю, конечно! Она давно здесь живет, лет двадцать! Что? Очень сильная ворожея! Знаете, бывает пойдешь к ней, она только взглянет на тебя и уже все знает! Абсолютно все! Иногда даст травки, строго скажет, когда принимать, иногда прогонит, симулянткой обзовет, а бывает и так, что строго велит в город ехать, говорит, ворожкой не справиться, врач нужен толковый. Да кричит так, ругается! Очень серьезный специалист!

Вот сказала! Специалист-картежник! Как она меня сделала! Как я умоляла ее дать мне шанс отыграться! А эта карга фыркнула и ответила:

— Не за то отец сына бил, что играл, а за то, что отыгрывался, — и схватила мой браслет.

Я боялась, она тут же напялит его на свою руку, мне стало противно от одной этой мысли, но вредная бабка, полюбовавшись браслетом, аккуратно положила его в шкатулку, стоящую на старом буфете.

— Я выкуплю его у вас! Сколько?

— Это тебе не рынок и не биржа! Ушлая какая! Ха! Сколько! Это подумать надо! — она сделала вид, что усиленно шевелит мозгами. Было бы чем! Хитрость есть, мозгов нет. Это был мой ей диагноз.

— Придешь ко мне завтра, так и быть, дам тебе травок, может и ты мне понадобишься когда. Одна придешь, поняла? Утром, ровно в восемь.

— Я не смогу прийти, мне тяжело.

— Пф! Тяжело ей!

Как она меня разозлила! Умирай я от жажды, не приняла бы из ее рук стакан воды, но мой браслет был в плену у этой бабки и его надо было выручать. Я и сама не понимала, почему я так вцепилась в Танькин подарок. Этот браслет стал не просто украшением, он стал мостиком в прошлое, в жизнь, которой я могла управлять, жизнь без лекарств, боли и слабости.

— Зачем вам меня лечить? Браслет у вас, чего еще?

— А ты дерзкая! Не люблю нюнь, вот и помогу тебе. Будешь стараться, браслет отдам.

Как стараться? Глупости она какие-то молола! Сумасшедшая!

— Больше повторять не собираюсь. Придешь завтра в восемь утра. Только не ешь, воды попить можешь.

— Но я...

— Идти не можешь? Глупости! Тогда ползи!

«Открой, я вползу», — вспомнила я своего соседа. Точно ведьма, таких совпадений не бывает.

— У меня ходунки есть. Дойду.

— Все. Сеанс окончен. Иди!

Я хотела бы хлопнуть дверью, но сил на это не осталось. Я сдерживалась до калитки, а потом разревелась.

— Володя, зачем ты меня сюда привел? Зачем это унижение?

— Она поможет, вот увидите! — он посмотрел на меня и я поняла: а ведь он почему-то переживает, очень сильно волнуется. Почему? Кто я ему?

— Давай ее обманем! Ты меня приведешь, а скажем, что я сама дошла!

— Нет, Ольга, баба Оля сразу поймет, что вы врете, нужно самой.

Злость, слезы, детская обида и некое огромное горе окутали меня плотным туманом, я обиделась на весь мир и с трудом дошла до дома. А вечером позвонила Танька...

— Напугала ты меня! Думала, метастазы в мозг рванули и ты спятила, — Танька тоже вроде бы ревела потихоньку. — Ты не расстраивайся, куплю я тебе другой браслет, еще лучше!

— Мне тот нужен, и я его обязательно верну! — сказала я это уверенно, но сильно сомневалась, что смогу выполнить обещание.

До дома бабы Оли было с полкилометра. Что за расстояние для здорового человека? Мелочь! Я шла полчаса. Выдыхалась, плакала, отдыхала и плелась дальше.

— Ааа, пришла? Вот, пей и проваливай!

Хамка! Беспардонная, наглая торговка, хабалка! Меня трусило от усталости и злобы. Но я решила, если она отдаст мне мой браслет после этого «лечения», то я потерплю и даже постараюсь быть вежливой.

— Спасибо, — я выпила отвратительно горький отвар, у меня в животе кишки скукожились от него, я чувствовала, как они заныли от этой отравы. Отвар, отравка — слова похожи. Как я раньше не замечала? Не отправляла бы меня Константиновна на тот свет раньше времени. Подумала и самой смешно стало. Как будто бы у меня впереди месяцы жизни. Видела я, как на меня врачи смотрели.

— Можно я у вас отдохну немного? — унизилась до просьбы, уж очень устала.

— Вот еще! Тут тебе не санаторий! На лавке у калитки посиди, отдышись и бегом домой!

Она еще и издевается! Ух, были бы у меня силы!

— До завтра.

— Бывай здорова, не кашляй.

Смешно, мне только кашля не хватало. Я поплелась домой, злая на весь свет.

То лето очаровало меня своим спокойствием и расписанием. Утром я шла пить противный отвар. На второй день я сгупила, ехидно спросила бабу Олю, не перестать ли мне принимать мои лекарства, раз уж она меня лечит чудодейственным варевом. Как она на меня орала! Обзывала полудохлой, тупой курицей с плесневелыми мозгами.

— Зачем я с тобой вожусь? У тебя в голове даже не опилки, труха, то, что и короед жрать не будет! — бабка бесновалась, я подумала, из нее самой хорошо бы демонов выгнать, тоже головушка не в порядке. — Чем таблетки не угодили? А ведь платила ты за них хорошие деньги, так? Хотя бы из жадности допей!

Какая там жадность! Просто не помогали они мне, я это чувствовала, но какая теперь разница! А кроме того, мне понравилась игра, подсказанная Володей, и я даже с некоторым нездоровым нетерпением ждала очередного приема лекарств, только, чтобы поздороваться и поговорить и с молочником (я назвала его Максимом Петровичем, сама не знаю почему), и с кондитером (я представила его таким важным итальянцем), и с другими обитателями моей придуманной торговой улицы, состоящей из коробочек с лекарствами в этой реальности.

— Володя, я схожу с ума, как думаешь? У меня уже вымышленные друзья появились! Как в детстве!

— Может и сходите немножко, но кому от этого плохо? С памятью же лучше становится?

— Вроде бы нет.

— Вроде бы да.

Вот ехидна! Лучше или нет, но таблетки я теперь не забывала принимать.

Я выпивала отвар, плелась домой, где тетя Катя и Володя ждали меня с завтраком, потом дремала или пыталась читать, но у меня не хватало сил. Придуманные герои, их проблемы казались жалкими и утомительными. Раздражали, не вызывая ни единого чувства.

— Вы бы сходили в лес, воздухом подышали, — говорил мне Володя, но я отказывалась и проводила дни в доме или на крыльце.

Четкое расписание: прогулка, завтрак, обед, ужин, между ними разговоры с родными и Танькой по телефону, с тетей Катей и Володей, а потом полусон, полудрема, придуманный таблеточный мир, в котором мне становилось все интереснее жить. Возможно, после моей смерти, моя душа переместится туда? Что если мы можем придумать себе загробную жизнь заранее? Моя будет полна сил, без слабости и боли, яркой и увлекательной!

— С завтрашнего дня будешь приходить и вечером, также в восемь, до ужина!

Слова лекарки прозвучали, как гром среди ясного неба. Снова банальность, но меня действительно, как молния ударила. Таскаться к ней еще и вечером?

— Давайте, Володя мне будет отвар приносить или...

— Умолкни или палкой огрею! Ты браслет хочешь обратно получить?

— Хочу! — моя злоба на эту бабку все никак не утихала, так же как и желание надеть мой браслет на руку. Единственное, что меня настораживало, почему она со мной возится? Неужели за моей спиной кто-то ей заплатил за мое якобы лечение? Мне было неприятно и слегка любопытно, иначе бы я... А что еще я могла сделать?

— Тогда будешь и вечером приходить! Поняла?

Как не понять. Я посмотрела на лекарку как можно лстивее, хотя внутри все горело огнем от неприязни, я представила, как я бы вылила на нее ведро воды! Нет, два ведра! Как на злую волшебницу из сказки. Возможно, она тоже растает, и я смогу без проблем забрать свой браслет?

Вот так в моем расписании появилось еще одно задание.

Сейчас и не вспомню точно, сколько я так прожила. Мне показалось — целую вечность. Володя потом сказал, прошел всего лишь месяц, я не поверила ему, мои внутренние часы утверждали, что времени минуло очень много, как минимум, года.

Все закончилось (или началось заново?) как раз вечером, в день рождения тети Кати. Конечно же я про него забыла, а Володя и не знал, и я, кляня себя за куриную труху в голове, отправила его за цветами.

— Где я их возьму?

— Как к бабе Оле идти, у кого-то в палисаднике розы растут, пойдешь, купи, — приказала я бородачу и дала ему денег, наказав также требовать в местном магазинчике коробку конфет и бутылку вина. В своей сумке я нашла новый флакон духов, Танька мне их дарила на мой последний день рождения, а я даже не распаковала коробочку, не было сил и желания. Духи были мои любимые, я помнила их легкий, струящийся аромат и решила, хоть они тете Кате и не очень подойдут, но уж точно понравятся.

— Олечка, сходи к Константиновне пораньше, часиков в шесть, чтобы мы вдвоем спокойно поужинали, посидели подольше, поговорили, вспом-

нили жизнь, — тетя Катя с утра пекла пироги и замахнулась на настоящий курник — многослойный, сложный и, наверняка, вкусный. Я никогда его не пробовала, но мама вспоминала, его пекли на большие праздники и сам процесс приготовления этого пирога был не менее важен, чем он сам. Я напекла гору тонких блинчиков для курника и пошла к бабе Оле, репетируя объяснительную. Я уже знала, если что не по ней, ругаться будет витиевато и долго. Мне даже начало это нравиться, она никогда не повторялась.

Сама не знаю почему, нет, вру, я прекрасно знаю, почему я не постучалась, а просто приоткрыла дверь и навестила уши. Мне было страшно любопытно. Мама строго говорила мне, что никогда, слышишь, Оля, абсолютно ни при каких обстоятельствах нельзя читать чужие письма и подслушивать! В копилке моих грехов уже было чтение писем: после папиной смерти я обнаружила, что у него была другая женщина, что на самом деле он был трепетным романтиком и писал ей такие письма, что я расплакалась от зависти и ненависти к этой незнакомке, которая, как выяснилось, занимала папино сердце. Она, а не мы с мамой. Костя говорил, я поступаю нехорошо, письма надо сжечь, не читая или даже проявить благородство и найти ту самую женщину, которую боготворил мой отец, но это было выше меня. Я просто прочитала всю пачку писем, не сумев удержаться, и была впервые обрадована, что мамы тоже уже нет и что мне не надо врать и рассказывать, что же я нашла в папиных вещах.

Не смогла я удержаться и в тот вечер, когда пришла к бабе Оле и услышала, что она с кем-то разговаривает. Мне бы постучать и подождать ответа, но я почему-то (что ж, теперь к моим грехам прибавилось еще и подслушивание) тихонько приоткрыла дверь и...

— ..больное сердце, как я тебе говорила, это не повод лечить только сердце! Володенька, ты же умница, подумай, что еще может влиять на работу столь важного органа?

— Но все анализы говорят...

— Владимир! Выпорю! Думай, я сказала! Голова у тебя для чего?

— Ммммм, я даже не... Щитовидка!

— Умница! Или я это тебе уже говорила? Володенька, человеческий организм — это мешок, в котором все так изумительно связано, что никто и никогда до конца его не изучит! Знаешь, когда настанет конец света? Когда все тайны тела будут раскрыты и задокументированы! И все станет настолько понятно, что жить уже будет неинтересно! Я тебе рассказывала, как однажды ко мне на прием пришла...

Я не выдержала и ворвалась в комнату. За столом, на котором были горой навалены раскрытые книги, сидели баба Оля и Володя. На полу в ведре стояли роскошные розы, а рядом сумка с продуктами.

— Так! — только и смогла я сказать.

— Хьюстон, у нас проблемы, — живо откликнулась баба Оля, а Володя покраснел, как юная дева.

5. ЕЩЕ ОДНА ВЕРСИЯ СОБЫТИЙ

— Так, — повторила я, уже сомневаясь, не послышался ли мне разговор о сердце, о человеческом организме? Баба Оля ехидно улыбалась, не делая ни малейшей попытки объясниться, уши Володи пламенели, он уставился в пол и виновато сопел, как напрудивший лужу щенок. — Что здесь происходит? — я поняла, добровольных объяснений от них не дожدهшься.

— Что именно тебя интересует?

— Почему вы говорите так, как... — я чуть не сказала, как нормальный, адекватный человек.

— Ну, ну, как...?

Умела она вывести меня из себя! Я закричала:

— Что вообще тут происходит? Кто вы на самом деле? Зачем вы меня сюда заманили? — последний вопрос прозвучал жалко и театрально! Баба Оля тут же расхохоталась.

— Заманили! Сокровище ты наше! Тебя и на органы не продашь! Сама пришла не помнишь?

— Браслет отдайте!

— Пожалуйста!

Бабка встала, достала из шкатулки браслет и положила его на белоснежную скатерть. Я опешила. Чего угодно ожидала, только не такой покорности.

— Забирай, что же ты?

Осторожно, опасаясь подвоха, я взяла браслет, повертела его, вроде бы мой, вроде бы ничего с ним не сделали.

— Боишься?

Вот старая карга! Она мысли читает!

— Оля, у тебя все на физиономии написано! Смело надевай браслет и садись, сейчас я тебе травок заварю.

— Нет! Сначала объясните.

— Что?

Я не знала, злиться или плакать, поэтому попыталась воззвать к своему и их разуму.

— Все. Кто вы такая, кто он такой, что это за представление с травами и прочим.

— Наконец-то связная мысль! А то ворвалась, требуешь чего-то, сама не знаешь чего... Володенька, дружок, завари ты травы, разговор долгим может получиться и...

— Ничего пить не буду! Ваши травы, как свисток зайцу, только внутренности в клубок сворачиваются, я вообще...

— Где твои ходунки? — перебила меня бабка.

— Что?

— Ходунки где? Быстро отвечай! — она хлопнула ладонью по столу.

— Они... я... не знаю, вроде бы в комнате стоят, я не помню, — до меня внезапно дошла простейшая мысль: я давно ими не пользуюсь! Я даже не помню, когда я просто вышла из дома сама, без этого удобного

приспособления, в городе удобного, а здесь они помогали, конечно, но и колесики постоянно то застревали в траве, то в ямки проваливались, и я решила... Нет, я вру сама себе, ничего я не решала, просто когда я смогла ходить сама, я о них забыла! Эта «новость» огорошила меня! Я хожу сама! И до дома бабы Оли добираюсь без привалов! Да, что же творится в моей голове! Я ничего не анализирую, не понимаю, не осознаю, что мне стало намного... лучше?

— Мне стало лучше? — глупо спросила я у бабы Оли и Володи. Они кивнули. — Но почему? Как? Вы действительно ворожея? Отвар волшебный?

— Ох, дурочка! Не буду кур оскорблять, у них мозги покруче твоих замешаны будут, — баба Оля так покраснела от смеха, что мне за нее страшно стало, еще insult нахохочет, — намеков ты не понимаешь, садись и слушай, объясню все, как недоумку.

— А вы сама кто...

— Тебе что в первую очередь объяснить: про тебя или про меня?

— Про меня, пожалуйста.

— Ишь, какой вежливой стала! Взглядом не испепеляешь! Не дуешься и не злишься! Идеальная пациентка!

Я хотела ей сказать, что я не такая уж и идеальная и желала ей таких пакостей, что самой страшно, но она строго взглянула на меня и я решила высказаться попозже. Интересно стало, чем же меня поили таким чудодейственным.

— Олечка, признаюсь, Володя показал мне схему вашего лечения и я...

— Ты рылся в моих вещах? — выцарапать бы этому милому мальчику глаза!

— Вовсе нет! Вы сами мне лист назначений дали, а потом на столе оставили, я просто сфотографировал, — Володя так сильно обиделся, что мой гнев растаял, мне тут же стало стыдно.

— Извини.

— Я продолжу? Кстати, Оля, я бы на твоём месте, Володю очень благодарил, он настоял на твоём лечении, я бы не стала помогать, уж сильно ситуация была плоха, но он увидел шанс и уговорил меня. Теперь я уже уверена: из мальчика получится превосходный диагност! Видите ли, мои дорогие, это редкий дар, умение пользоваться не только знаниями, но и интуицией, которую, конечно же можно объяснить с научной точки зрения, но...

— А можно про Володю чуть позже?

У меня закружилась голова и я почти упала на стул. Баба Оля сочувственно, так мне показалось, посмотрела на меня и кивнула, а я поразились, как она изменилась: внешне все та же деревенская бабка, но взгляд другой! Глаза такие... другие. Я не знаю, как описать изменения. Её взгляд был просто хитрым, пронзительным, а стал добрым и понимающим. Нам все время твердят: глаза — зеркало души, и эта фраза так часто повторяется, что уже никто и не обращает на эту мудрость внимание, а я, посмотрев в бабы Олины глаза, вдруг увидела её душу. Всепрощающая и милосердная, так мне подумалось.

— Кто вы?

— Тебя не поймешь! То про себя, то про меня. Ладно, все связано. Расскажу, как есть. Ты пока травки пей, не бойся, ничего такого там нет. Сбор для хорошего настроения и немного полыни для аппетита. Он лучше стал? Аппетит? Прекрасно!

Баба Оля довольно потеряла руки и все-таки начала свой рассказ. Я пила отвар и старалась даже дышать потише, чтобы услышать каждое слово. Я чувствовала, что ее рассказ будет безумно интересным.

— Мой батюшка был врачом, еще старой школы, когда диагноз ставили, не глядя в результаты анализов. «ГПУ — глаз, палец, ухо — вот главные инструменты хорошего врача, а еще внимательность, память, глаз зоркий и умный, заметь! А также способность анализировать, думать», — так говорил мне батюшка. «Внимательно смотри, как пациент входит в твой кабинет, но еще внимательнее, буде такая возможность, смотри как он выходит из больницы! Почему? Потому что в каждом человеке погиб великий актер!»

— Все врут? — я не удержалась, перебила, но баба Оля не обиделась и охотно ответила.

— Нет, не все и не всегда. Могут неосознанно желать угодить врачу и тогда соглашаются со всем, что им говорят. Тут больно? Да! А тут? Тоже да. Лишь бы врач остался доволен. Есть такие, кто врет специально, а куда без этого? Вот батюшка и советовал мне выглянуть в окошко и посмотреть, как же недавний умирающий выходит из подъезда. Батюшка часто принимал больных у нас дома и мы с ним вдвоем внимательно наблюдали за посетителями, как они выходят, насколько быстро, или же с трудом, как идут, в общем, немножко играли в Шерлока Холмса и тоже разыскивали крайне опасного преступника — болезнь. Был у нас и помощник, свой доктор Ватсон, можно сказать. Наша овчарка Вольф. Нюх у него был необыкновенный, и когда он приветствовал человека рычанием (то есть защищал хозяина от больного), батюшка мрачнел. У Вольфа был нюх на умирающих, пусть даже и чувствовали они себя неплохо и были вполне полны сил, как казалось окружающим. Но собака чужла запах смерти.

— Мистика какая-то! — снова не удержалась я.

— Абсолютно никакой! Каждая болезнь имеет запах, даже приближающийся инсульт пахнет, а уж про диабет и вовсе молчу. Беда в том, что мы — люди, не чувствуем этот грозный аромат, а вот собаки... Да и то не все. После кончины Вольфа батюшка снова взял овчарку, редкостный добряк нам попался, назвали его почему-то Мишкой и вот он за конфету мог пустить в квартиру любого больного, хоть сама Хозяйка с косой явилась бы, он бы лишь хвостом повилял. Как мы не пытались «уговорить» его помогать нам, ничего не вышло. А вот Вольф был талантом. Да, да, представьте себе! Гениями рождаются не только люди, но и собаки!

— А кошки? — я вспомнила Чижика, который согревал мне ноги и сердце.

— И кошки, конечно, — улыбнулась баба Оля. — Вот так я и начала свое учение, которое и до сих пор не прекратилось! Как же я люблю учиться, ты себе не представляешь! А уж сколько нового сейчас! Жаль,

соображаю уже не так хорошо. Старость. Вот какую болезнь бы победить! Возможно, у Володеньки получится!

Володя еще гуще покраснел.

— Ты врач? — мне все еще было немного неприятно, что он не то, чтобы рылся в моих вещах, обсуждал мою болезнь с бабой Олей, сплетничал. Я тут же заругала себя. Как можно так думать о человеке, который, как я поняла, спас мне жизнь.

— Я бросил институт, думал, не получится из меня медик, но встретил бабу Олю и...

— Он раскусил меня примерно так же, как и ты! Я сражалась с одним трудом по иммунологии на немецком, некоторые слова просила гугл перевести, а тут Володя под окном своего кота искал, слышал и...

Я не думала, что меня хоть что-то может удивить больше Хьюстона! Но баба Оля постаралась, она знала, что такое гугл! Мне стало даже страшновато, что еще я могу услышать?

— Услышал и...?

— И я, как красиво пишут в романах, открылась ему! Смогла побыть самой собой! Ох, Оленька, ты бы знала, как тяжело играть роль днями напролет! Я ведь в юности разрывалась между медициной и театром! Выбрала врачебное искусство, там тоже много игры и притворства, не только пациенты играют, врачи то же! И думала, даже в любительском театре никогда не сыграю, но жизнь удивительна и непредсказуема, и теперь эта деревня — мои зрители и каждый день я выдаю им представление! Поначалу было интересно и весело, потом утомительно. Хотелось поговорить искренне, не играя, но репутация вещь капризная. Одно слово может ее разрушить, а я хочу здесь дожить до своего конца и мне важно, чтобы ко мне относились именно как к лекарке — противной, строптивой ворожее.

— Но почему?

— Так намного проще. Не надо объяснять, почему я вышла на пенсию и приехала из Москвы сюда, где меня никто не знает.

— Почему именно сюда?

Наш разговор начал напоминать допрос, но я не могла сдержаться, мне было невероятно интересно.

— Потому что я поступила почти как в кино. Ткнула пальцем в карту.

— С закрытыми глазами?

— Конечно! Иначе, какой смысл?

— И почему вы переехали сюда из Москвы?

Баба Оля рассмеялась:

— Какая ты любопытная! К сожалению, я вырастила хороших врачей, но неблагодарных детей. Когда мне стукнуло пятьдесят пять, а я еще была бодра, полна сил и продолжала работать, они почти приказали мне продать батюшкину квартиру, себе купить однокомнатную на окраине, а остальное отдать им. Они молодые, им нужнее.

— И вы согласились? — я представила себе большую квартиру, наполненную воспоминаниями, тенями, призраками прошлого и мне стало невероятно ее жаль. Я прекрасно знала, что сейчас может сделать ремонт с хрупкой стариной.

— Нет! После моей смерти пусть делают, что хотят, я им так и сказала. Сдала хорошей женщине одну комнату, все остальные заперла и уехала. Езжу в Москву раз в год, гуляю по городу, несколько дней живу в квартире, вспоминаю прошлое и возвращаюсь сюда. С детьми иногда говорю по телефону. Они делают вид, что переживают. Катерина наверняка тебе про денежный заговор говорила, так? — неожиданно она сменила тему.

— Да, — я не успела прикусить язык.

— Это деньги за аренду квартиры, не заговоры и не денежная жаба, но ты ее не разочаровывай, не надо! Люди любят сказки! Пусть думают, что у них под боком живет страшная ведьма! — баба Оля скорчила зверскую физиономию, я засмеялась и, странным образом, только тогда и смогла поверить во все происходящее.

— Значит, вы — врач на пенсии и лечите людей дедовскими методами? А как же травы, заговоры?

— Оля, Оля, не разочаровывай меня! Ты же умная женщина! Во-первых, не дедовскими, батюшкиными, а во-вторых, я просто помогаю людям. Травы самые обыкновенные, пойди в лес, нарви, брось в чай, пей, наслаждайся. Змеиные языки не сушу, жаб не фарширую. А вот спросить, посмотреть, осмотреть внимательно, вдумчиво могу. Ты и сама не знаешь, насколько «разговорчиво» твое тело! Оно болтливо, и опытному глазу сразу станет понятно, что не так с человеком.

— Хотите сказать, анализы совсем не нужны?

— Ну, что за крайности! Хотя, иногда, результаты анализов — это деревья, за которым не видно леса, то есть самого больного. Лечить надо не болезнь, а человека, понимаешь? Ведь твоя печень не просто так, сама по себе висит в сейфе в твоем правом боку, она связана со всеми органами! Ты сама подумай! Вот ты — архитектор, если в подвале дома вода будет, только подвал пострадает?

— Нет, конечно, но вы слишком утрируете!

— Зато понятно.

— А зачем вы мой браслет забирали? — я почему-то очень хотела услышать нечто магическое, необычное. Может быть она все-таки колдовала над моим браслетом?

— У тебя глаза были мертвые, тусклые, тебя надо было расшевелить.

— Расшевелить?

— Да. Вот скажи, ты хотела выздороветь?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы дальше жить.

— Расплывчато. Еще зачем?

— Девочек вырастить, внуков понянчить.

— Далекие цели. Тебе нужно было зацепиться за жизнь здесь и сейчас, понимаешь? Ты сама себя приговорила, дала телу команду на умирание.

— Неправда! — мне стало обидно. Послушать ее, так я и не болела вообще, а так, придумала себе нечто.

— Правда. Ты, твоя семья, врачи... Скажи, тебя раздражало, что они все с постными, тревожными физиономиями вокруг тебя скакали? Провоцировала их на эмоции яркие, живые?

Она попала в точку, но признавать мне это не хотелось. Я промолчала.

— Ты сама не замечала, как все время поглаживала браслет. Он много для тебя значил, вот я и решила, что здоровая злость на мерзкую бабу, обманом отнявшую браслет, тебя взбодрит.

— Говорят, злость — разрушительная эмоция, — я все никак не хотела признаваться себе, что баба Оля немножко права.

— Правильно говорят, но тебе нужна была любая сильная эмоция, чтобы хорошенько встряхнуть тело, изменить программу, чтобы дать команду на жизнь. Ты не двигалась, не жила, прозябала. Поэтому я и велела тебе приходить и по вечерам. Ты не поняла, что я просто заставляла тебя ходить?

— Нет, — как же я была глупа и слепа! Мне стало стыдно. — А таблетки?

— А что таблетки? Их надо принимать, я тебе это внятно сказала. А организму надо дать время и силы на восстановление. Знаешь, в математике есть такая формула или просто выражение, я не знаю, как правильно сказать: горизонтальная стрелка и знак бесконечности. Расшифровывается, как «стремится к бесконечности». Вот так и наши тела стремятся к здоровью. Им всего-то надо помочь, а иногда просто не мешать.

— Вы хотите сказать, что мои родные своей заботой мешали мне? — я снова на нее разозлилась, теперь мне уже было обидно за девочек и Костю.

— Ольга, а зачем ты сюда приехала?

— Спокойно умереть, — я ляпнула правду, не думая о последствиях.

— Вот ты сама и ответила на свой вопрос. Да, они тебя затиранили любовью и лаской, тревогой и ожиданием неизбежного. А тебе нужно было, чтобы с тобой обращались, как с немного приболевшим человеком. Ты такая по натуре, боец, тебя почти задушили их пляски.

Я допила горький отвар и встала. Володя и баба Оля выжидающе посмотрели на меня.

— Твой ход! — хихикнула вредная бабушка, снова вживаясь в роль.

— У тети Кати сегодня день рождения, она напекла пирогов и курник уже должен быть готов. Пойдемте с нами, Ольга Константиновна, отпразднуем!

Ехидная лекарка встала из-за стола, подошла ко мне, крепко обняла и шепнула на ухо:

— Спасибо, милая.

***

Так и закончилась эта история и немедленно началась новая. Моя новейшая история, которая длится и поныне. «Устойчивая ремиссия» — был вердикт удивленных врачей. Да, они не думали, что когда-нибудь увидят меня бодрой, на каблуках, в новом платье и с дерзкой стрижкой. Я же была уверена в себе, в своих силах и в том, что ее величество опухоль

отправлена в ссылку. Надеюсь, она оттуда не вернется, но если вдруг это случится, я буду во всеоружии. Я не жду ее, но знаю: на самом деле, она не королевская особа и с ней можно не церемониться.

Мне стало интересно, почему люди считают себя бессмертными и нужна именно встряска, грань, прогулка по острию бритвы, чтобы понять: мы все смертны и никто за нас не проживет эту жизнь, не исполнит мечту, не будет любить или ненавидеть.

Мне понадобилось напиться мутного бульона из слабости, безысходности и тяжелой болезни, чтобы я решилась исполнить мечту детства: встретить Новый год в старом деревенском доме в кругу родных и друзей, чтобы первыми поприветствовать Деда Мороза с мешком подарков еще таким большим, что можно выбрать все, что твоей душе угодно: моему дому — новую веранду, бабе Оле — роскошный гранатовый браслет, тете Кате — меховую тужурку, Костику — велосипед, мне тоже велосипед, девочкам по платью, Володе — хорошую бритву, а также неожиданный визит взволнованных родителей (этот негодяй звонил им раз в месяц, скрывая, где он и что с ним, ох уж эти юношеские кризисы!), а лучшей подруге Таньке... Что же подарить человеку, который и заварил всю эту кашу? Чем можно отдарить свою собственную жизнь? Ответа на этот вопрос у меня нет. Пока нет. И мне это нравится. Сама не знаю, почему. До Нового года еще есть время и, возможно, я встречу какую-нибудь коробейницу, у которой и куплю подарок лучшей подруге. Подарок столь же прекрасный, как и мой гранатовый браслет.

*Жозе Далё
(Россия, г. Красноярск)*

СТРАНА ВЕЧНОЙ ОСЕНИ

Книга 1 - Когда нет короля

ПРОЛОГ. ЛИСТОПАД

— Плохое место... Плохое место... плохое... — корявый палец, похожий на корневище, уперся Орlando в грудь. Водянистые глаза крестьянина, две небесные лужицы, смотрели на него в упор, но будто и не видели. — Это кривой путь. Так говорят старики, а они дело знают: старую дорогу не для того закрыли, чтоб время зря терять, а потому что там кривой путь начинается. Ступишь на него и не заметишь, как не туда пошел. И жизнь твоя укатилась под гору.

Слева шептались за забором чьи-то ранетки, застенчиво прикасаясь веточками, как девичьими пальцами, к почерневшим от времени доскам. Справа тянулась неглубокая канавка, на дне которой журчал ручей. Стукал топор, и слышно лаяла собака где-то вдалеке.

— Кривой путь? Который позволяет срезать здоровенный крюк? Странное у вас тут представление о кривизне. А я думал, что сберегу несколько часов, если пойду старой дорогой.

Крестьянин не сделал ни одного движения, даже не шевельнул ресницами, но взгляд его стал осмысленным и сфокусировался на парне.

— Дело твое.

Он повернулся спиной и медленно побрел вдоль забора, возвращаясь к оставленной грядке.

— Каждый сам решает. Сам.

Орlando мотнул головой, стряхивая неприятное ощущение. Ему было легко — двадцать прожитых лет и пустая котомка плеч не тянут, иди себе да улыбайся солнышку, чувствуя, как оно лижет щеки горячим языком.

Время от времени дорогу перегораживало упавшее дерево, из тех, которые лежат себе, обрастают мхом и тихо дряхлеют. Наступи на него, оно хрустнет под ногой и провалится, обнажив трухлявую сердцевину, пахнущую водой и старостью. Когда Орlando был маленьким, он любил такие коряги, ибо на них росла чага, которая по приметам приносит счастье. Он поворошил ногой мох, наклонился и подобрал гриб, показавшийся ему наиболее симпатичным — хорошими приметами не стоит пренебрегать.

Но вот заборы и огороды кончились, ручей превратился в мелкую речушку и убежал куда-то вправо. Орlando вступил в перелесок, состоящий большей частью из тоненьких серых осинков. Если верить слухам, скоро

должен был показаться поворот на старую дорогу, примерно в этом месте Великий тракт делал большую петлю перед Амарантой.

Орландо шел и перелесок становился гуще, деревья смыкали кроны и наваливались сверху, стремясь задушить ненавистную каменную дорогу, рассекающую лес, но не имея на то силы. Мягкий полумрак сгустился над трактом, и ноги сами собой ступали тише.

Вот это место. Тракт уходил влево, и деревья расступались перед ним, словно выпуская из плена. А прямо был лес, густой и неприветливый, напряженно всматривающийся в путника миллионами глаз. Старая дорога некогда проходила сквозь него, и сейчас можно было угадать просеку за разросшимся подлеском. Два больших бревна, поставленных крест-накрест, охраняли вход, но за много лет они заросли и покосились — уже не каждый глаз замечал их предостерегающий жест.

Орландо немного постоял, размышляя над словами крестьянина. Неудивительно, что местные боялись — неприятное и тоскливое чувство овладело им возле старой дороги. Но так бывает всегда в странном или одиноком месте: в лесу, на кладбище, в пещере. Стоит ли из-за этого терять день, обходя по тракту? Он улыбнулся, чтобы взбодрить себя, и сделал шаг — странный звук заставил его обернуться: это чага выпала из кармана и шлепнулась на мостовую.

— Хочешь меня покинуть? Нет, не выйдет. — Орландо подобрал гриб и крепче сжал в руке. — Счастье мне еще пригодится.

Если начистоту, то вовсе не стремление сэкономить время заставило его свернуть с тракта, а желание побыть наедине с собой. Орландо готовился к встрече с городом, как к первому свиданию — Амаранта манила и волновала его, он хотел предстать перед ней сильным и спокойным. Но вместо спокойствия он чувствовал как больно колотится сердце. Ладони его горели, казалось, что воздух раскаляется между пальцами и, шипя, поднимается вверх тонкой струйкой. Гулко билась кровь в висках, глухо стучали подошвы, ударяясь о землю.

А вокруг была тишина, изредка прерываемая залиистой птичьей трелью или сухим, деловитым стуком дрозда. Солнце пронизывало ветви и веточки, рассыпалось бисером по жухлой траве и золотило пылинки, кувыркающиеся в воздухе, отчего весь мир казался покрытым сверкающей пудрой. Осенняя дымка еле ощутимо колыбалась на стволах осин, намокала, оседала и катилась вниз тяжелыми влажными бусинами, а палая листва благодарно их принимала.

Небо было свежее, молодое.

— Молоком умытое... — Орландо замедлил шаг, сошел с тропы и дотронулся до шершавого древесного ствола, ощутил пальцами его прохладу и спокойствие. Прислонившись спиной к дереву, он закрыл глаза и мысленно приказал сердцу биться тише. Несколько долгих минут он стоял и слушал тяжкие удары, которые постепенно становились все реже, реже и реже... наконец, веки перестали гореть и дыхание стало ровным.

С закрытыми глазами мир ощущался совсем иначе — легкий ветер пробежал по лицу, словно приласкал мимоходом, коснулся ноздрей запахом листьев и мокрой земли. Орландо улыбнулся, он вдруг понял, что вол-

нение его радостно — оно предвещает ему новую жизнь, и напряжение покинуло его.

— Какие же вы идиоты со своими суевериями.

Соскользнув вниз по стволу дерева, он какое-то время сидел, глядя в небо, просто радуясь моменту, и вдруг почувствовал легкое прикосновение на своем плече — большой бордовый лист прошелестел по его куртке и лег на землю. Следом упал другой. А потом словно кто-то открыл люк на небе, и листья дождем посыпались вниз, ложась в траву оранжевым ковром. Листопад...

В немом восхищении Орlando смотрел на это беззвучное падение, как будто специально устроенное для него, раз он не побоялся и пошел нехоженой дорогой. Ведь если и есть в мире хорошие приметы, то самая лучшая из них — это попасть в листопад в начале важного пути. Невероятно, просто невероятно — сегодня он нашел отличную чагу, да еще и попал под листопад!

— Ну, быть мне министром, не меньше! — он поднялся на ноги, забросил за спину тощую котомку, и зашагал навстречу будущему.

В силу какой-то климатической аномалии, вечного проклятия, или другой неведомой причины, но в Стране Вечной Осени всегда царила осень. Иногда золотая и солнечная, иногда промозглая и серая, но всегда осень, — год был круглым, он катился колесом, не делая перемен и остановок. Чистое, высокое небо, подернутое дымкой, леса, разодетые в золото, встречали путника на границе и сопровождали его всю дорогу, а иногда и всю жизнь — было в этой земле тихое очарование, способное утешить и исцелить любую заботу.

Красивое умирание природы в этом краю составляло саму жизнь. Листья появлялись на свет уже старыми, однако росли, наливались силой, а потом засыхали и опадали с ветвей, чтобы наутро новые маленькие старички заняли их место. И так было всегда.

Люди даже и не знали, что может быть иначе: они, конечно, слышали, что где-то бывают зимы с трескучими морозами, весны, пахнущие сладкой мокрой землей, летняя ягодная теплынь... Но это было только знание, почерпнутое из книг и рассказов, — ведь невозможно понять, что такое весна, не чувствуя на лице влажного ветра, еще кусачего после долгой зимы, не видя ноздреватых сугробов, и сумасшедшего, льющегося солнца.

В Стране Вечной Осени люди жили по своим обычаям, под своим неярким небом, и не хотели ничего другого. Сердца их были спокойны, движения несуетливы — жизнь шла ровно. Они строились, распахивали луга и плавил металлы, они были такими же, как все люди, и все-таки — другими.

Их селения были опрятными, дома уютными и основательными. Они выращивали цветы в палисадниках, вешали на окна ситцевые занавески и красили ставни в яркие цвета — говорят, что в пределах Темного леса эти ставни даже запирали на ночь. Аккуратные маленькие домики, почерневшие от времени сараи и хозяйственные постройки, — эти невольные соглядатаи, пристально рассматривающие путника, были наи-

вны и сами громко говорили о себе. Все их истории можно было легко прочесть, может, поэтому Орlando так стремился в город. Он слышал, что там каждый камень прячет тайну, и все совсем не так, как кажется.

Стройные аккуратные осинки проводили парня до самой Чачи — мелкой речушки, возле которой Великий тракт делает последнюю петлю и выводит путника к городу. А потом деликатно расступились, словно показывая дорогу, и зазвенели вслед медно-рыжими листиками: «Береги себя!»

Орlando благодарно улыbnулся им, спустился с пригорка и принялся штурмовать Чачу. Штурмовать — громко сказано, ибо воды в ней было воробью по колено, но илистое дно таило в себе немало сюрпризов. Все сразу стало понятно, когда и без того худой ботинок прочно оделся на что-то острое.

— Только не это... — чувствуя, как грязная жижа затекает сквозь дырку, Орlando пошевелил пальцами, пытаясь определить, цела ли нога. Боли не было, значит, обошлось. Пришлось разуться прямо в воде и руками вытащить чертов ботинок — вместе с ним на свет божий показались ржавые грабли. Повезло, что пострадала только обувь, но общий итог был неутешителен: подошва порвана, руки и ноги перепачканы.

Сияющее настроение померкло само собой, Орlando было размахнулся, чтобы зашвырнуть подальше проклятые грабли, но мысль о том, что кто-то еще на них напорется, остановила его руку. Он вздохнул и сунул их под мышку, чтобы выложить на солнышко на другом берегу.

Долго унывать он не собирался: перешел Чачу, прополоскал ботинок, рассмотрел его хорошенько и понял, что все поправимо. Придется, конечно, потратиться на сапожника, ну да все равно ремонт требовался, теперь и повод есть.

Но сапожник будет только в городе, а идти нужно уже сейчас, поэтому Орlando нарвал на берегу сухой травы и сделал себе что-то вроде стельки. Покончив с этим, он поднялся по каменистому склону, цепляясь за редкие травинки, и снова оказался на Великом тракте. Мокрая обувь противно хлюпала, оставляя на мостовой темные следы, и при каждом шаге дырка в подошве залихватски посвистывала, — Орlando шел и еле сдерживался, чтобы не расхохотаться. Таким ли он мечтал войти в Амаранту?

Люди иногда говорят, что все дороги в Стране Вечной Осени ведут в одно место. Самая маленькая тропинка, бегущая через поля от родного дома, становится проселочной дорогой, а потом превращается в торный путь, который рано или поздно выходит на Великий тракт. А уж Великий тракт напрямик катится в столицу. Днем и ночью стучат по нему башмаки и подковы — рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше.

Тракт вымощен большими каменными плитами, плотно пригнанными друг к другу, но между ними заботливо оставлены небольшие канавки для стока воды. В местном климате дожди идут часто, и, хочешь не хочешь, надо приспособливаться. Дождевая вода стекает вниз и выходит наружу через ливневые стоки, образуя маленькие водопадики по обе сто-

роны насыпи. Довольно приятно идти по хорошей, ровной дороге и слушать их негромкое журчание.

Чем дальше шел Орlando, тем оживленнее становился тракт: медленные крестьянские подводы лениво шевелили колесами, а пешие путники с завистью поглядывали на их обладателей — уж им-то не надо было бить ноги по камням, сиди себе и погоняй неторопливую лошадь. Изредка раздавался громкий цокот копыт, и, высекая искры из булыжников, стрелой пролетал верховой, при появлении которого все — и пешие и конные, разбегались по обочинам. Нельзя стоять у него на пути, у него лошадь быстрая и плетъ тяжелая, да и вообще, верхом всякая шушера не ездит, только господа или служивые люди.

Деревни кончились, теперь по обочинам дороги тянулись каменные здания, плотно стиснувшие людской поток с обеих сторон. Стены были серыми, окна маленькими и мутными, но почти на каждом красовалась какая-нибудь вывеска — такое здание служило своим хозяевам и домом и мастерской одновременно. Внизу работали или торговали, а наверху жили: тесно, грязно, но почти в столице.

Главная городская стена, сложенная из белого кирпича, нависала над этими домишками, постоянно напоминая им, что они все-таки не в городе, хоть и стараются примазаться. А они не отступали, все теснее сжимая кольцо вокруг исторической границы города, грозя однажды взять его приступом.

Амаранта была хорошо укреплена на случай внезапного нападения, мощные стены и ворота были построены со знанием дела, и горожане по справедливости ими гордились. Толщина стен была такова, что поверху, где ходили часовые, можно было проехать в повозке. Дубовые ворота, обшитые железом, по высоте равнялись трехэтажному зданию — их открывали и закрывали при помощи сложной системы рычагов и противовесов, и справиться с этим могли не меньше чем десять человек. Были и другие выходы из города, но каждый день полноводная людская река вливалась и выливалась именно через Малиновые ворота.

Орlando медленно двигался в людском потоке — чем ближе к воротам, тем медленнее. Солнце уже начало припекать, становилось жарко. В неподвижном воздухе смешивались запахи людей, животных, разной снеди и товара, образуя сногшибательный коктейль, способный прошибить любой насморк.

Причиной затора стала повозка с дровами — груженная сверх меры, она не дотянула до города: ось лопнула, дрова накренились, порвали своей тяжестью веревки и раскатились по мостовой. Кое-кому изрядно досталось поленом по лбу. И вот теперь, возница, кляня на чем свет стоит и лошадь, и повозку, и маму повозки, безуспешно пытался собрать свой груз. А толпа напирала, с руганью и криками пытаясь проложить себе путь на свободу. Вспыхнула потасовка.

Орlando всеми силами старался держаться как можно дальше от драки, беречь свой мешок и не давать наступать себе на ноги — справляться со всеми тремя задачами одновременно было чертовски трудно. Перед ним так же мучилась какая-то женщина с корзинкой — ее толкали

со всех сторон, а она еле-еле удерживала свою поклажу. Ей, пожалуй, приходилось еще хуже, чем Орландо.

Из корзинки вкусно пахло свежим хлебом — Орландо слотнул слюну и отвел взгляд в сторону, чтобы не искушать себя. Но тут из плотной массы тел высунулась чья-то рука, и преспокойно выхватила багет. Орландо ошалел от такой наглости, но в следующую секунду обнаружил себя держащим вора за руку и что есть мочи долбящим его о корзину:

— Брось булку, сволочь!

Рука разжалась, багет рухнул на место, а хозяйка корзины изумленно воззрилась на парня. Он же бросил вора, подхватил женщину под локоть и стал энергично прокладывать себе дорогу, усиленно работая локтями и наступая на ноги всем подряд. Хватит! Он устал здесь стоять, и намерен был выбраться любым способом.

Ему это удалось — не без помощи спутницы, которая проявила твердость характера, благословив своей корзиной не одну потную лысину. Вывалившись из толпы, они поспешили отойти подальше, а потом остановились, чтобы отдышаться. Прислонившись к холодной каменной стене, Орландо вытер пот со лба:

— Ну и дела... И часто тут такое?

— Первый раз вижу. Видимо тебе повезло. — Женщина поставила корзину на землю и выпрямилась, потирая поясницу. — Ты издалека пришел?

Орландо улыбнулся.

— Да, госпожа, издалека.

У нее был цепкий взгляд, Орландо дернулся было отвести глаза, и с изумлением понял, что не может. Женщина держала его, даже не прикасаясь.

— Хорошая чага. Не потеряй.

Что? Орландо схватился за карман. Чага была на месте, но от слов незнакомки ему стало не по себе.

— Простите меня, я должен идти. У меня сегодня много дел — я должен найти жилье, пропитание и новую жизнь, так что скучать некогда.

Он вежливо поклонился и быстро зашагал по улице. Хорошо идти вперед, когда тебе двадцать лет и за плечами только и есть, что пустая дорожная котомка. Воспоминания, расставания, потери и сожаления — все это будет потом, когда-нибудь потом...

Женщина поставила корзину на землю и медленно выпрямилась. Взгляд ее был прикован к уходящему парню — что виделось ей в его облике? Она смотрела, и лицо ее накрыло тенью, то ли от набежавшего облака, то ли от неведомых миру мыслей.

Глава 1. В СЕМЬЕ НЕ БЕЗ УРОДА

Для того чтобы получить представление о Стране Вечной Осени, можно пролистать Большую Королевскую Энциклопедию, но для того, чтобы узнать ее по-настоящему, не хватит и жизни, прожитой под неярким осенним солнцем.

Примерно шестьсот лет назад враждующие удельные княжества Арпендер, Ферсанг, Энкрет и Плеризель были объединены железной рукой князя Сигизмунда в единое государство. Он и стал первым королем, избрав своей столицей молодую в то время Амаранту. Начинание Сигизмунда оказалось удачным, ибо самой природой было велено этим землям быть вместе. Все, начиная от климатических особенностей и заканчивая рельефом местности, надежно защищало страну от вторжений извне.

Страна Вечной Осени находится в горном кольце Таг-Тимир, которое на севере получило имя Драгуната — Драконовый хребет. По другую сторону хребта располагается Тридесатое царство, жители которого дали горному массиву это звучное имя. Они всегда были добрыми соседями: много веков торговые грузы, доставляемые с востока и юга, проходили транзитом через Драгунату в их маленькую страну. А оттуда, из гаваней Славича, расходились по Полуденному морю на весь мир. Правда злые языки говорили, что была им в том немалая выгода.

Но Драконовый хребет — это не только грузовой перевал, но и надежный форпост, принудительно хранящий дружбу двух народов. Одолесть его силой оружия было бы чрезвычайно трудно как с одной, так и с другой стороны: острые скалы, крутые заснеженные перевалы и пропасти, не имеющие дна, тянутся на протяжении многих миль. И лишь на востоке горы расступаются, чтобы дать дорогу величественному полноводному Серану, несущему свои воды в Ландрию.

Серан берет начало на западных склонах Таг-Тимира, пересекает всю страну и, сделав большую петлю по Ландрии, впадает в Полуденное море. Жители провинции Энкрет, на которую приходится судоходная часть Серана, по большей части связаны с рекой — они либо речники, либо корабельщики, либо торговцы. Огромный порт в городе Энкрете выстроен их руками, и настолько поражает воображение, что его называют одним из чудес своего времени.

Серан делит Страну Вечной Осени на две большие части — Северную и Южную, но главная артерия страны все же сухопутная. От Драгунаты до южных склонов Таг-Тимира тянется Великий тракт, по которому днем и ночью идет нескончаемое движение — путники, кто налегке, а кто с грузом, пересекают страну в обоих направлениях. Именно благодаря Великому тракту Амаранта стала столицей и настолько расцвела, что каждый путешественник, попадая в Страну Вечной Осени, непременно стремится увидеть ее красоту. Бурная жизнь кипит вокруг столицы, а также в юго-восточной части Плеризеля, в то время как северо-запад пустует, занятый болотами и лесами. Никто не берется осваивать эти территории, и есть на то своя причина.

На северо-востоке Плеризеля лежит Дремучий лес. Расположенный в самом сердце страны, он мог бы считаться частью каждой провинции — хоть Арпендера, хоть Ферсанга, хоть Плеризеля. Один лишь Энкрет не имел с ним границы. Однако ни одному, даже совершенно сумасшедшему губернатору не пришла бы в голову мысль взять его под свою юрисдикцию. Сколько бы ни было в нем гектаров земли или кубометров

древесины, никто не хотел жить с ним рядом. Да что там жить, даже подходить к нему никто не хотел — и небольшой участок Великого тракта, который приближался к лесу, путники никогда не отваживались преодолевать в одиночку.

Арпентер отгородился от леса при помощи реки, и не было в мире надежней защиты. Но даже Серан, бурный и своевольный в предгорьях Таг-Тимира, в этих местах становится медлительным и сонным, — говорили, что Дремучий лес мечтает задушить реку, раздробить ее на тысячи ручьев, выпить их ненасытными корнями и шагнуть в Арпентер.

Омывая мрачные, неприступные чащи, Серан мелеет и замедляет свое течение. Глядя на его неуверенный бег, на пустынную, заболоченную местность, поросшую хилыми деревьями, трудно представить, что это все та же могучая река, несущая на своих волнах гордые корабли Энкрета.

Арпентерский берег низкий, земля там влажная, хлупает под ногами, и все больше зарастает ржавой болотной травой. Если и выживает в такой почве деревце, то вырастает оно чахленьким и кривеньким, с ломкими веточками. А то и умирает, не войдя в рост, и стоит маленьким печальным скелетиком, смотрит со страхом на другой берег. А там утесы, крутые и мрачные, там обрывы, обнажающие белые кости корней. Иногда случается, что подмывает землю, и падают вековые деревья прямо в реку. Лежат там и гниют, образуя мелкие запруды, вода застаивается, становится плохой, черной. Тяжкий смрад идет от нее на много миль. Люди этих мест всегда избегали, видно тоску и непокой наводили они на случайных путников.

Разное рассказывали о границе Дремучего леса, много было интересных и страшных историй, это ведь дело такое — чем страшнее, тем интереснее. В сумерки, дескать, над Черной водой поднимается туман, жиденький, голубоватый, как снятое молоко, вроде и видно сквозь него далеко, а посмотреть толком — и собственных пальцев не увидишь. И нет ни души — ни зверя, ни птицы залетной не слышать, даже веточка под ногой не хрустнет, лишь бледненький месяц на небе качается. И все молча.

От воды по ногам холод, но чем дальше уходишь, тем быстрее следы затягивает влагой, шаг — и вот уже лужица на месте следа, другой — и ты по колено в воде. Вроде идешь вверх, а заносит все ниже, к самой реке, и ведь не выберешься до рассвета, пока туман не рассеется. Но это еще не беда, ночь в болоте просидеть с комарами да лягушками, утро настанет — домой пойдешь. А вот если у Черной воды встретишь девочку в сумеречное время, или детский плач услышишь — тогда беда. Бродит там пропащая душа, ищет чего-то, а что потеряла и сама не ведает. Нет от нее спасения, хоть беги, хоть прячься, чувствует она живое сердце, водит кругами — ближе да ближе. И все спиной стоит, а как подобрется вплотную, то поднимет голову — и нет тебя на этом свете, только птицы закричат от страха. Правда это или нет, но бывало в Семелле такое, что вдруг посреди ночи доносился с реки отчаянный птичий крик...

Рассказывали и другие истории, да и как не рассказывать, когда Дремучий лес совсем рядом. Огромный, черный, зловещий — стоит он не-

приступной крепостью, и никто не решается тревожить его покой. Опять же, по слухам, но были в лесу тайные тропки, по которым можно попасть из Арпентера в Амаранту гораздо быстрее, чем по Великому тракту, хотя редкий смельчак пожалел бы времени, глядя в глаза вековой чаще.

Хвойные деревья, как известно, вечнозеленые, поэтому на фоне золотисто-багряных роц Арпентера Дремучий лес действительно выглядел черным. Основу его составлял густой ельник, такой старый и плотный, что ни один луч света не мог пробиться сквозь сомкнутые ряды, и внизу царила тьма. Сгнившие стволы деревьев, мертвый подлесок, старая трава и паутина надежно хранили сердце леса от непрошенных гостей, а дикие звери бродили свободно, не отличая дня от ночи, не было никого, кто бы помешал им охотиться в свое удовольствие.

И все же Дремучий лес не был необитаем.

С незапамятных времен стояла в лесу башня — кто и когда ее строил, история умалчивает. Время стерло следы ее создателей, но сама башня стояла крепко: круглая, кряжистая, сложенная из больших камней, поросших мхом от сырости. Строили ее, похоже, в оборонительных целях — толстые стены, маленькие окна-бойницы, да узкая дверь, обитая железом, словно созданы были для длительной осады. Хотя, по здравому разумению: ну кто мог напасть на башню в самом сердце Дремучего леса?

Кстати говоря, лес в этих местах расходился, редел и выглядел гораздо приветливее — много было лиственных деревьев, смотревшихся в небольшое озерко, часто встречались тропинки и опушки, суетливые птицы носились с ветки на ветку, то ли здороваясь, то ли ругаясь друг с другом. Солнце пронизывало ветви деревьев, и падали лучи-стрелы на прелую листву, золотившуюся под их остриями.

Лесная прогалина, на которой стояла башня, днем хорошо прогревалась под солнцем — даже если случался дождь, то земля быстро впитывала влагу, и лужи высыхали на глазах. Это качество особенно ценила Василиса, разбившая небольшой огородик в своих владениях.

Почти вся территория вокруг башни была обнесена забором, но это был не привычный глазу деревенский глухой частокол, а так, одно название — несколько длинных жердей, привязанных к почерневшим от времени столбикам, накрепко вбитым в землю. Тем не менее, забор обозначал принадлежность этого места, а заодно служил барьером для глупой пятнистой козы, любившей обглаживать кору с окрестных деревьев. Неширокая мощеная дорожка вела от калитки к самой двери, по бокам ее росли неприхотливые здешние цветы, которые в народе называли «ноготками» — их оранжевые головки прекрасно гармонировали с осенним убранством леса и придавали башне уютный, обжитой вид.

Хозяйственные постройки — сарай, дровенник и стайка скромно прятались в глубине двора, а чуть поодаль, в строгом геометрическом порядке, располагались грядки. Тропинки между ними были хорошо утоптаны и посыпаны опилками — заботливая хозяйская рука чувствовалась во всем. Василиса не жалела ни времени, ни сил на уход за своими посе-

вами, и, надо заметить, добились в этом деле отличных результатов. Картошка, морковка, лук, баклажаны — да у нее даже помидоры росли и прекрасно вызревали, не всякая арпендерская хозяйка могла похвастаться такими помидорами.

Благодаря солнечному свету неплохо росли и абрикосовые деревья, правда, довольно старые. Плоды на них были мелкие и кислые, но Василиса принаоровилась делать варенье, которое называла «Королевским» за его изумительный вкус. Три-четыре раза в год она даже нагружала им повозку и везла в Амаранту, где у нее были знакомства среди бакалейщиков. Даже большие господа любили Василисино варенье.

А Василиса любила свою башню, свой лес, свои грядки и кастрюли. Когда-то она пробовала называть себя Премудрой, но с чтением у нее не заладилось, премудрость в голове не держалась. Раз так, решила она, значит, буду Прекрасной — но с красотой дела обстояли еще хуже, и прозвище не прижилось. Так и жила она в лесу, не Премудрая, не Прекрасная, а просто Василиса.

Книжки пылились в сундуках, зеркало засиживали мухи, солнце вставало и садилось над Дремучим лесом, но о ходе времени помнили только часы в гостиной. Василиса заботливо чистила их и смазывала, ворчала на их по-деревенски громкое тиканье, однако ей никогда не приходило в голову сверять по ним время. Ее день начинался вместе с солнцем, с ним же и заканчивался, редко когда она засиживалась до ночи. Все хозяйственные заботы и хлопоты отлично умещались в световой день. А ночью, когда деревья в лесу таинственно шумели и перешептывались, вспыхивали во мраке глаза хищников, и от воды поднимался холодный туман, она уже крепко спала в своей постели, надежно защищенная толстыми каменными стенами.

Василисе был по душе здешний уклад, одно только печалило и разъедало душу: она была одинока. Много лет прождав принца на белом коне, она потихоньку разуверилась в людях, поэтому характер имела резкий и склочный. А с таким характером, в сорок два года, да при не самой привлекательной внешности, шансов выйти замуж — кот наплакал.

Василиса, в общем-то, все прекрасно понимала, но не становилась от этого счастливее, скорее наоборот — осознание реальности наполняло ее душу горечью, которая откладывалась морщинками на лице и пригибала к земле ее плечи. Часто ей приходилось плакать по ночам в подушку, мучаясь от нестерпимой боли, накатывавшей на нее временами. В такие моменты ей казалось, что жить дальше незачем, но приходило утро, она вытирала слезы и с надеждой говорила себе, что сегодня он непременно придет. Непременно.

Вот и вчера она напекла пирогов — словно ждала кого-то. Постелила свежую скатерть, полы вымыла в горнице до блеска, и вообще весь день наводила в башне марафет. Вечером, невзирая на ломоту в пояснице, тщательно вымела мощеную дорожку, и, как могла, поправила покосившийся забор. Если бы кто-нибудь ее спросил, зачем она все это делает, она не нашла бы, что ответить.

А закат выдался красивый, малиновый, как ее лучшее платье, которое она уже черт знает сколько лет не надевала. Солнце садилось долго, уже ночь наступила, но краешек неба все еще горел пурпуром. Василиса постояла немного, полюбовалась, потом загнала козу в стойку и потушила фонарь:

— Душа болит, как зубы. Все ноет и ноет, уже сил нет. Выдрала бы эту болячку, да не знаю, как...

Утро выдалось ясное. Неподвижные листья деревьев, и высокое небо без единого облачка обещали жаркий день. Если смотреть с вершины башни, то Дремучий лес еще тонул в утреннем мареве, но внизу, у подножия, воздух был прозрачным и звонким. Казалось, что каждый падающий листок ударяет по нему как серебряная ложечка по хрусталу. Дышалось легко, хотелось раскинуть руки и полететь над утренним миром навстречу солнцу. Василиса улыбалась себе под нос и напевала что-то радостное, спускаясь с башни:

— ...слева — река, справа — река, а между ними нет ни фига... ля-ля-ля-бумм-бумм...

Настроение было на удивление хорошим. Полив по холодку свои грядки, Василиса ковырялась в огороде, как вдруг услышала мужской голос. Сердце екнуло. Наскоро вытирая руки передником, она побежала встретить гостя — не часто забредали сюда люди, ой, как не часто.

— Есть тут кто живой? — кричавший был высокого роста, по виду военный из Амаранты. Амуниция у него была потрепанная, а за спиной болтался большой мешок подозрительного вида. Василиса осторожно приблизилась и остановилась на безопасном расстоянии, кто их знает, этих военных, вдруг баловать начнет. Не успела она подумать про то, что надо бы приветить гостя, как в голове всплыло: «Пирог!» И ведь правда, для кого она вчера так старалась, будто на смотрины? Не иначе сердце подсказало, и этот мужчина — ее суженый. В голову ударило, щеки запылали, ноги налились свинцом. Она захотела поздороваться, но из горла вырвалось какое-то сипение, и лишь только со второй попытки ей удалось заговорить по-человечески:

— Здравствуй, добрый человек. Проходи, гостем будешь.

Василиса тщиалась рассмотреть его лицо под козырьком шлема, но виден был только квадратный подбородок, да заросший волосом острый кадык. Ну как тут поймешь, суженый или нет?

— Гостем это хорошо. А пошамать чего не найдется? — мужчина поставил мешок на землю и снял шлем. Острые серые глазки его быстро обежали Василисино хозяйство и остановились на башне. — Это ты тут живешь?

Василиса молча кивнула. Суженый произвел на нее странное впечатление: несомненно судьба послала этого человека к ней именно сегодня, но от счастья она почему-то не умерла, и биения любви в груди своей никак не ощущала. Да и выглядеть любимый и единственный мог бы лучше, двухнедельная немывотность его совсем не украшала. Брови ее начали сходиться у переносицы, и руки уперлись в бока, но, заметив это, она приказала себе успокоиться: «Принц на белом коне в природе не су-

шествует, это зверь мифический, вроде Лох-Несского чудовища» Усилием воли она опустила руки, расправила складки на лбу и даже попыталась улыбнуться, приглашая гостя в дом.

— Чем богата, тем и рада, угощайся.

Ловкие Василисины руки порхали над столом, заставляя его всяческой снедью. Пироги с капустой, пироги с картошкой, с луком и ливером, жирная холодная сметана, все свежее и вкусное, да на белой чистой скатерти! Пусть видит залетный, какая она хозяйка...

— А кем ты будешь, добрый человек?

Василису смущало, что гость все время вертит головой по сторонам, словно высматривает что-то. Уж не ворюга ли какой...

— Я? Хе, я славный воин короля Ибрагима. — И он навалился на пироги, небритые желваки сновали туда-сюда быстрее челнока в швейной машинке. Чашка быстро опустела. — Сыпь еще, не жалея. Чтобы хорошо защищать родину, солдат должен быть сытым.

Василиса нехотя подсыпала, не самой щедрой рукой. Пирогов было не жалко, но ей не нравилось как солдат ест, неряшливо роняя крошки на стол, не нравилось как шевелятся его уши, как быстро бегают глаза по горнице. Если она что и чувствовала к суженому, то только брезгливость, но мужчина этого не замечал, занятый поглощением пищи.

— Скажи мне, славный воин, что в мире нового? — Василиса не представляла, о чем с ним можно разговаривать, но сидеть молча тоже было неловко. — Как поживает добрый король Ибрагим?

— А что ему сделается? Хорошо поживает... А что это у тебя там — сундук?

— Сундук. А королева Зоя как?

— Еще лучше. А в сундуке что, денежки поди? — солдат улыбнулся с набитым ртом, но глаза были колющие, холодные. Василиса выдержала его взгляд, и, тяжело облокотившись на стол, спросила со значением:

— А тебе-то что до моих сундуков? За своими следи. И какая же нелегкая занесла такого славного рыцаря в Дремучий лес?

Повисла пауза. Потом воин неестественно хохотнул и отвел глаза. Он уже насытился и теперь удовлетворенно покачивался на стуле взад-вперед, расстегнув на камзоле пару уцелевших пуговиц.

— А правду говорят, что здесь в лесу королевна прекрасная в башне живет, а свирепое чудище ее караулит? Я эти байки с детства слышал, думал, врут. Да тут... дела у меня не заладились, вот и решил проверить. Интерес. Так-то меня сюда и калачом не заманишь, а тут, понимаешь, интерес... Только я смотрю, что башня стоит, а кроме тебя никого нет.

— А кому тут быть, коли я и есть та королевна, Василиса Прекрасная меня зовут. Это я так... не одета для приема.

У солдата отвисла челюсть. А Василиса усмехнулась про себя с горечью: ну впечатление-то я на мужчину произвела, невооруженным глазом видно. Как бы не подавился, сердешный.

— Чего уставился? От красоты моей неземной обалдел? Так смотри, я за погляд денег не беру.

Она стала собирать со стола. И пусть это было невежливо, но ей хотелось, чтобы гость ушел как можно скорее, а он все таращился, не забыв, однако, прихватить последний пирог из миски.

— Ну ты пошутила, мамаша! Василиса Прекрасная! Ты в зеркало последний раз давно смотрелась? — воин откусил от пирога и сделал могучий глоток, так, что даже слезы на глазах выступили — Может, лет двадцать назад тебя еще можно было выдать за красавицу, если близко не показывать, то сейчас извини... А пироги у тебя мировые — жаль, что рожей не вышла, а то б я на тебе женился.

Василиса молча поставила горшок со сметаной обратно на полку, вытерла руки и повернулась к нему. Лицо ее было бледно, губы сжаты — признак нехороший.

— А впрочем... Можно и жениться... Это твоя башня? Деньги у тебя есть? — критически окинув взглядом Василису, солдат что-то прикинул в уме. — Если у тебя пара таких вот сундуков с деньгами наберется, я, пожалуй, пожертвую своей свободой.

Тут бы ему замолчать и убраться потихоньку, глядишь, ничего бы и не случилось. Да только знал бы, где упадешь — подстелил бы соломки, разомлевшего солдата потянуло на откровенность:

— Бабы нынче норовистые пошли, воображают о себе много. Вот ты рожу кривишь, а ведь видно, что к тебе мужик и на версту не подходил. И не подойдет — кому нужна перезрелая тыква. А ты-то, небось, думаешь, приедет принц, и тебя за душу распрекрасную полюбит? С твоим лицом и в твоём возрасте? Держи карман шире. Я человек честный, говорю все как есть: на тебе жениться можно только за очень большие деньги, да и то ненадолго. Так что, если хочешь сходить замуж, готовь денежки.

Пока суженый произносил этот монолог, Василиса молча двигалась к нему, рывками, словно с усилием переставляя ноги. Глаза ее налились кровью, губы беззвучно дергались. Другой бы отошел подале, но ему было интересно, что же сделает эта тетка. А тетка протянула руку и одним махом выдернула из-под него стул, который и обрушила на дурную голову со всей злости. Стул был хороший, дубовый, да и рука не подкачала — аж пол затрясся в башне.

— Сдурела???!!!! — второй удар раскроил бы ему череп, но Василиса от злости неважно прицелилась, и это спасло жизнь славному воину короля Ибрагима.

— Вон... Отсюда... Чучело... Чтоб... Я... Тебя... Больше... Не... Видела...

Бывают ситуации, когда даже героическое сопротивление бесполезно. Славный воин спасался бегством, и не помышляя о том, чтобы противостоять разъяренной женщине. Он выскочил наружу, подхватил свой мешок и припустил к лесу. Эх, добежать бы до кустов, там она нипочем не догонит!

— Еще мои пироги жрал, скотина! Убью!!!!

Ухват, пущенный мастерской рукой, больно стукнул между лопатками, солдат потерял равновесие и растянулся на земле, выпустив поклажу. Упал он плашмя, дыхание перехватило, в глазах потемнело, ладони с коленками рассадил до мяса — хоть плачь. И встать сил нет, и земля дро-

жит. Василиса уже близко. Собрав последние силы, бедолага поднял голову и обомлел: из вожделенных кустов на него смотрела чудовищная морда гигантского ящера.

— Ам! — сказал Змей.

Глядя на улепетывающего воина, Змей подавил усмешку и лишний раз подумал, что люди измельчали. На его памяти только со Святогором пришлось повозиться, а все остальные даже не стоили упоминания, тем более такие вот джентльмены удачи, которые изредка забредали к Василисе.

День начинался неплохо — небо было чистым, что предвещало солнечную погоду, а в солнечную погоду Змей любил лежать на завалинке возле своей берлоги. Но еще больше он любил лежать во дворе Василисиной башни, особенно когда был повод позубоскалить. А глядя на потную, растрепанную и красную от злости Василису, он понял, что повод есть.

— За что ты его так? — вертикальные зрачки Змея сужались и расширялись, пряча насмешку в глубине желтых глаз. — Вроде хороший парень... Бегаёт смешно.

Он выполз из кустов и обнюхал оставленный солдатом мешок. Изумрудно-зеленая чешуя его засверкала на солнце как драгоценная кольчуга. Защищенный ею от любого оружия, Змей был непобедим, ведь один удар его хвоста мог стоять жизни паре быков, а острые когти пронзали человека насквозь. И только молочно-желтое брюхо было его слабым местом, впрочем, как у всех ящеров. Но Змей был достаточно уверен в себе, чтобы не носить никаких защитных приспособлений.

— О, да тут и приданое. Судя по запаху — пара кальсон, потыренных в ближайшей деревне. Василиса, ты проморгала шикарного мужчину. В отличие от последнего претендента, он был при штанах и даже сменные имел. На случай встречи со мной, я полагаю.

Голос у Змея низкий, вкрадчивый, звучит бархатно, и лишь немногие знают, как он умеет рычать, когда рассердится. От его рыка храбрые седи, а слабонервные сразу помирали, и только Василиса морщилась — баловство одно. Вот и сейчас она сморщилась, резко обозначив складки у губ:

— Тебя только не хватало для полного счастья. Ну что ж, порадуйся: я мужчинку пирогами накормила, а он сказал, что на мне жениться можно только за большие деньги.

Подбородок ее задрожал. Отвернувшись, она быстро ушла в башню, хлопнув дверью. Потеха закончилась, не успев начаться.

Змей нахмурился. В голосе Василисы ему слышались слезы, а такого он совсем не ожидал: за двадцать с лишним лет их знакомства он никогда не видел ее плачущей, даже не подозревал, что она может плакать. Вроде пустяк, но разыгравшаяся комедия сразу стала несмешной, и острить почему-то расхотелось.

— Да жениться вообще стоит только за очень большие деньги. Он почти и не соврал.

Какое-то время Змей в нерешительности бродил по василисиному двору, не зная, чем заняться. Неприятный осадок остался у него от этой сцены, и он хмурился, пока снова не натолкнулся взглядом на злопо-

лучный мешок. В нем и крылся корень зла, вернее в его обладателе! Желтые глаза Змея вспыхнули нехорошим огнем, он втянул ноздрями запах, исходящий от тряпок, и скрылся в лесу.

Когда Змей не хотел, чтобы его видели, его было трудно заметить, особенно в густом ельнике. Хозяин и господин этих мест, сейчас он неся по следу солдата со скоростью, поразительной для его габаритов. Безошибочное чутье указывало ему путь сквозь заросли, не прошло и десяти минут, как он настиг беглеца.

Змей был зол на него, и зол сильно — обида, нанесенная Василисе, отозвалась и в его душе. Кроме того, Змей патологически не любил воров и проходимцев. Но, несмотря на это, убивать солдата он не собирался, он решил погонять его по лесу в свое удовольствие, компенсировать себе испорченное утро.

Однако перепуганный насмерть человек не кинулся наутек — то ли силы кончились, то ли страх. Он достал кривую шпажонку и приготовился защищаться: жалкий, взмокший, с ободранными коленками и всколоченными волосами. Змей глазам своим не поверил и не успел толком затормозить, когда это чучело кинулось на него с криком:

— Уми, страшилище!

Сложно сказать, на какой результат рассчитывал солдат, бросаясь на Змея со шпагой. Но на то, что произошло дальше, не рассчитывал и сам Змей. Он с разбегу налетел на человека, еле успев дернуть головой в сторону, чтобы не наткнуться глазом на шпагу. Пасть его неудачно щелкнула, и верхняя половина воина лихо проскочила по пищеводу прямо в желудок. А нижняя сделала еще два шага прямо на глазах онемевшего ящера, и рухнула навзничь.

— Ой, как некрасиво получилось...

Сконфуженный Змей отполз в сторону и воровато оглянулся. Действительно, наполовину откусанное туловище в луже крови пейзаж не украшало. Ящер подумал немного и стал рыть яму, в которой и спрятал следы своего преступления. Старательно закопав останки злосчастного солдата, Змей притоптал землю и накидал сверху листьев, чтобы разрытая земля не бросалась в глаза.

Василисе он решил ничего не говорить.

По дороге домой его не покидало чувство нелепости и ненужности произошедшего: какого черта этот недоумок кинулся на него со своей зубочисткой? Какого черта он вообще приперся? Вся страна знает, что в лесу живет Змей, и ходить туда не надо! Нет, все равно лезут, как будто здесь медом намазано!

Расстроенный Змей несколько преувеличивал — люди в Дремучий лес заходили редко. Василисина красота, конечно, обросла легендами, но свирепость Змея обросла ими ничуть не меньше. В Плеризле матери детей пугали рассказами о чудовище, стерегущем в лесу башню с пленной королевной, хотя Змей ее совершенно не стерег. Он вообще не имел к ней никакого отношения.

Еще в ранней юности Василиса сама явилась в лес, заняла башню и решила, что будет здесь жить. Увидев Змея, она даже обрадовалась, ибо

наличие чудовища прекрасно подходило к придуманному ею образу. Змей ее тогда не съел только из вежливости, однако потом привык и даже стал получать удовольствие от словесных перебранок. Острая на язык Василиса была достойным противником, так что лежа солнечным деньком на завалянке и наблюдая, как она развешивает белье или доит козу, Змею приходилось придумывать реплики позабористее.

— А это развивает ум и воображение... — Змей остановился на секунду, произнес эту фразу в пространство и двинул дальше. Что делать, если ты живешь один в лесу, то поневоле начинаешь разговаривать сам с собой, и ничего постыдного в этом нет.

— Нет, ничего постыдного нет. Ни-че-го. Я все-таки Змей, мне по должности положено... — к изумлению Змея, его мысли снова вернулись к убитому солдату. Душевная тошнота его никак не отпускала, даже неспешная двадцатиминутная прогулка по лесу не помогла исправить ситуацию. Его мучило, и яркий солнечный день был не в радость.

— Да что же это такое... — берлога была уже совсем рядом, но Змей вдруг совершенно выбился из сил, сел на землю и вытер со лба липкий пот. Дышать было трудно, в горле стоял комок, ватные лапы не слушались своего хозяина. Его зверски тошнило, и эта тошнота была совсем не душевного свойства. Немного посидев, Змей сделал над собой усилие и поднялся на ноги. Впереди маячили ворота его берлоги, и нужно было во что бы то ни стало до них добраться. Что будет потом, он не думал, он поставил себе цель и двигался к ней нетвердой походкой.

Ворота были темные, почерневшие от дождей и времени, украшенные прихотливой резьбой на тему чудовищных зверств Змеевых предков. Что и говорить, резчик был талантлив, правда имени его история не сохранила, а сам Змей сумел узнать только то, что мастер был плох на голову, страдал кошмарами, а поэтому был благополучно съеден Змеевой бабушкой по окончании работ. Тем не менее, ворота получились замечательные — сверху украшенные змеиными головами, подкованные лучшим железом, они одним своим видом должны были внушать ужас всему живому. И с этой своей функцией они прекрасно справлялись, особенно учитывая то, что Змей украсил забор черепами и еще кое-где по периметру расставил на шестах скелеты.

Но сейчас ему было некогда любоваться воротами, под влиянием нового ощущения в брюхе, он спешно открыл запор трясущимися лапами, и кинулся к отхожей яме. Минут пятнадцать он отсутствовал, а потом выполз — бледный, обессиленный, и потащился закрывать ворота. Но успел дойти только до середины двора...

Через час ворота так и оставались открытыми, а бедный Змей уже не знал, чем к горшку поворачиваться — передом или задом. И ему не становилось легче.

— Зачем было жрать его? Вот зачем? — задавал он себе вопрос в промежутках между желудочными спазмами. Действительно, Змей уже давно не ел людей, и совершенно отвык от такой пищи. Не то, чтобы он был вегетарианец, но людьми брезговал, зная, насколько нечистоплотен средний житель Страны Вечной Осени. А этот солдат, похоже, был

настоящим разносчиком инфекции, потому что у Змея поднялась температура и началась ломота в мышцах. Икая и старательно сдерживая рвотные позывы, он заполз в берлогу и взял с книжной полки медицинский справочник:

— Острое пищевое отравление... Так я и знал...

Перспектива была нерадужная. В особо серьезных случаях отравление заканчивалось конвульсиями и смертью, а в том, что его случай серьезный, Змей не сомневался ни секунды. Что же делать? Бегать и паниковать сил уже не было, чем лечиться он не знал, оставалось только помирать. Но помирать Змею отчаянно не хотелось, он был еще совсем не старым по меркам ящеров, каких-то 209 лет, прожитых в Дремучем лесу, показались ему одним мгновением.

И тут он вспомнил о Василисе. Глаза его вспыхнули надеждой — она не даст ему пропасть, это уж точно, да и если помирать, то не в одиночестве. Он сунул книжку на место, вытер пот занавеской и пополз в сторону башни.

После бегства солдата Василиса сначала поплакала, потом ей надоело и она немного поубиралась в комнатах. Но настроение было плохое, и работа не спорилась. Зеркало, как оказалось, по углам загадили мухи, но оттирать было лень, да и собственное отражение ее не радовало: Василиса в свои 42 года была крепкой, приземистой женщиной, фигура ее свидетельствовала об изрядной силе, но не отличалась изяществом. Лицо было широкое, с толстым носом и маленькими серыми глазками, жидкие светлые волосы она заплетала в косу, которую иногда укладывала во круг головы, а иногда оставляла болтаться просто так. Короче, обычная сорокалетняя тетка, ничем не примечательная.

Настроение испортилось окончательно, она завязала на тряпке узел и снайперским ударом прикончила муху-злодейку, которой при обычном раскладе еще бы жить да жить. Но тут со двора раздался шум. Встревоженная Василиса выглянула в окно и обомлела: посреди двора на брюхе валялся Змей, уже успевший обгадить ей клумбу. Кубарем скатившись по лестнице, она выскочила во двор и подбежала к зеленому:

— Змей, ты чего? Тебе плохо? — Но ящер не подавал признаков жизни. Шкура его была холодной и мокрой, чешуя потускнела, могучие лапы беспомощно лежали вдоль туловища. Василиса не на шутку перепугалась:

— Змей, Змеюшка, ты скажи хоть что-нибудь. Хоть «мяу», хоть «хрю»... Голос подай, если жив... Пожалуйста, миленький... Вот беда-то!

В ответ на ее стенания в брюхе Змея что-то заурчало, судорожно дернулось, и выплеснулось фонтаном, едва не окатив ее с ног до головы. И, надо же такому случиться — Василиса, с отвращением глядя на то, во что превратились ее клумбы, вдруг заметила среди содержимого Змеева желудка шлем. Тот самый шлем с козырьком, который утром помещал ей рассмотреть лицо солдата. Она медленно выпрямилась, лицо ее было суровым.

— Ну что же, я отомщена. Держись, Змей, я тебе помереть не дам. — Решительным шагом, прямо по вонючим лужам, Василиса двинулась к сараю. Быстро запрягла свою единственную лошадь в повозку и забе-

жала в дом за шалью. Змей приоткрыл глаз и с немым отчаянием смотрел на эти манипуляции — неужели Василиса бросит его одного, больного и беспомощного?

— Слушай, Змей, тебя лечить надо. — Она присела возле его морды и жалеючи погладила по щеке. — Тут без хорошей ведьмы не справиться. Но ты не волнуйся, я тебе привезу самую лучшую. В Амаранте есть ведьма по имени Ирья, говорят, она только мертвого не вылечит.

— В А-а-ам-а-ан-те-е?! — отчаяние Змея можно было понять, до Амаранты два часа езды быстрым ходом, да обратно столько же.

— Не переживай, я быстро. У меня Сивка знаешь как летает — не успеешь оглянуться, уже вернусь. Ты потерпи, потерпи, я скоро.

Василиса прыгнула в повозку, щелкнула кнутом и была такова. Змей остался совсем один, только испуганная коза жалась к забору, да птицы кричали в зарослях.

— Надо мной кричат. Ждут, чтобы глаза выклевать. Вот приедет Василиса, а я уже остыл...

И Змей заплакал.

Но Василиса приняла верное решение, при сильном отравлении лечиться народными средствами — наверняка помереть, в подобных случаях необходима профессиональная помощь. Кто, кроме ведьмы, может найти нужное лекарство или подобрать противоядие? Ведьма помогает человеку появиться на свет, ведьма лечит детские недуги, ведьма дает юноше мазь от прыщей, а девушке гадает на любовь. Ведьма видит тело и душу насквозь, она знает прошлое и предвидит будущее, в руках ведьмы потрепанная колода карт — но нет оружия могущественнее.

Когда-то ведьмы были просто женщинами из народа, наделенными особым даром, они селились, где хотели и делали что угодно. Кто-то предпочитал лечить людей, кто-то животных, кто-то вообще ограничивался гаданиями да приворотами. Нередки были случаи, когда две ведьмы в одном селении устраивали настоящие войны за право жить и практиковать именно в этом месте. Конец этой вольнице положила королева Брижитт: отныне в каждом селении могло быть не более одной ведьмы, а в городах и больших селах сообразно количеству жителей, но каждая из них могла практиковать только в своем округе. Ведьмам вменили в обязанность оказывать населению медицинскую и ветеринарную помощь, а прочие сферы деятельности оставили на их усмотрение. Кроме того, каждая девушка, желающая стать ведьмой, должна была пройти обучение у опытной наставницы, чтобы знать свое ремесло непонаслышке.

Вот так, потихоньку и помаленьку, ведьмы выделились в отдельное сословие, возможно, самое свободное в Стране Вечной Осени — они не платили никаких налогов, не подчинялись никому, кроме короля или королевы, однако, была у этой свободы и обратная сторона. Ведьма обязана была всю свою жизнь служить людям, и не имела права отказать в помощи в случаях, связанных с жизнью или здоровьем. Оплата за их услуги была сугубо добровольной и оставалась на совести человека. Что греха таить, многие этим бессовестно пользовались. Поэтому очень немногие из ведьм были богаты и имели семьи.

Однако, нелегкая их жизнь, полная самоотречения и служения, а также уникальные способности породили в обществе уважение и страх. Быть ведьмой, может, было не столь приятно, как министром, но не менее почетно. Даже самые богатые и высокородные семейства считали за честь отдавать своих дочерей в обучение к ведьмам. Но для всех, для богатых и для бедных, вход в эту дверь был один: только та могла стать ведьмой, которая имела к этому талант. А талант, он как дождевая капля — падает, куда хочет. Вот и работали по городам и селам Страны Вечной Осени графские дочери вперемишку с крестьянками.

Но не происхождением и не богатством отличались ведьмы друг от друга, а своей силой и умением, добротой и умом, в общем-то, как и все обычные люди. Не каждая могла достойно выдержать искушение, были и такие, кто занимался темными делами — проклинал, насылал порчу или наговаривал смерть. Так что, ведьма ведьме рознь, одна вылечит, другая в могилу загонит. Но ведьма Ирья, к которой мчалась Василиса, обладала безупречной репутацией: она жила и практиковала в Амаранте около двадцати лет, и, по слухам, ее помощью пользовался сам король и члены его семьи, хоть это и не афишировалось. Но ценили ее в народе не за это, а за то, что не было никого лучше нее, кто бы умел вылечить человека от тяжелой болезни или помочь в трудной ситуации.

Ирья была высокого происхождения, Ирья София ДеГрассо, она была дочерью князя ДеГрассо, первого советника и друга короля Ольгерда, отца нынешнего монарха. Однако, вступив на путь служения, она оставила родной дом и поселилась в предместье Амаранты, в котором незадолго до этого умерла старая ведьма. В этом предместье ей предстояло прожить всю жизнь, но такая участь ее не страшила. Она любила говорить, что если у тебя есть дар, то он тебя призовет, и не будет иной дороги, и обретишь ты счастье, которое только тебе предназначено.

Обрела ли Ирья счастье, неизвестно, но славой и почетом ее жизнь не обидела — когда она выходила из дома, каждый встречный кланялся ей и уступал дорогу. Казалось, не было в Амаранте человека, который не знал бы Ирью, хотя она была всего лишь одной из девяти ведьм, практикующих в столице, причем не в самом престижном ее районе. И хотя сама Василиса в жизни не болела, но была наслышана о ее таланте, так что даже не подумала о ком-нибудь поближе к дому.

Впрочем, Сивка действительно был рысаком, и вожжи в крепкой хозяйской руке только придавали ему энергии — путь до столицы он пролетел как на крыльях. Василиса несомненно отбила бы себе что-нибудь важное, если бы не волновалась до такой степени, что не могла усидеть в коляске, и непрерывно вертела кнутом над Сивкиной головой. По родным-то по ухабам да с такой скоростью! Тетка из ума выжила — думали встречные прохожие, едва успевая отпрыгивать с дороги.

Прогрохотав под Малиновыми воротами и едва не подавив стражу, Сивка вылетел в тесный лабиринт узких городских улочек. Вот здесь пришлось притормозить, Василиса плохо знала город, да и о том, где живет Ирья, она имела весьма туманное представление. Вроде как Синюю башню надо оставить по правую руку, потом ехать прямо и вверх, потом

свернуть направо, потом еще раз, но уже налево... Василиса выдохнула и вытерла пот со лба, кругом, куда ни посмотри, были дома, дома, дома — до самого неба. Все так закручено, все так запутано. А-а-аа, ладно, разберемся, сыромятные вожжи заскрипели в крепкой руке, и только искры полетели из-под копыт.

Сколько времени прошло с момента отъезда Василисы, Змей не знал, он все так же лежал во дворе башни, будучи не в силах пошевелиться. Сколько он себя помнил, ему еще никогда не было так плохо. Желудок его уже давно был пуст, но спазмы все накатывали и накатывали, не давая несчастному ящеру ни единой передышки. И тошнота — ужасная, невыносимая тошнота стискивала горло, не давала дышать воздухом, даже думать и то мешала.

— Помру я, наверное... — мелькало у него в голове на вдох.

— Скорее бы я помер... — проносилось на выдох, вместе с очередным позывом. И так до бесконечности. Внутри все горело, но лапы медленно наливались ледяным холодом, который растекался по телу, подбираясь к сердцу. Змей и сам не заметил, как замерз, солнце, сначала щедро гревшее его, куда-то спряталось. Тени удлиннились и стали глубже, по земле потянуло прохладой. День угасал. В такое время в лесу стояла особенная тишина — ночные звери еще не проснулись, но дневные уже спешили на ночлег, ибо неровен час. И этот неровный час наполнялся молчаливой тревогой, смутным беспокойством, сквозившим в неясном бормотании листьев.

Змей не любил заката, он всегда старался занять себя чем-нибудь, лишь бы не предаваться мыслям в одиночестве. Вчера, например, он читал увлекательную книгу о генетических болезнях жуков-короедов, а позавчера очень удачно схватился с Василисой по поводу козы, которая регулярно объедала кору с яблонь. Змей предложил ее задрать, но Василиса, хоть и проклинала злосчастное животное последними словами, никому бы не позволила ее обидеть. Змей это прекрасно знал, но ему доставляло удовольствие дразнить Василису, и видеть, как она кипит.

— Я тебе серьезно говорю, я ее когтем р-раз... и будет тебе козлятина. А что, пельменей наделаешь. Это ж сколько можно терпеть, пятую яблоню портит, как будто ей жрать нечего. — Ящер хищно косился желтым глазом и стучал хвостом по земле, бедная коза забивалась в стайку, а Василиса топала ногами и ругалась.

— Ирод зеленый! Оставь животную в покое — она вон, опять пятый угол ищет с перепугу! У нее стресс постоянный от тебя, проклятого, она не доится совсем! Ну погоди, сейчас я тебе выпишу подорожную! — и она кидалась на Змея с мокрой тряпкой, а тот, подобрав хвост, только успевал уворачиваться, к вящему удовольствию козы Машки.

Но сегодня Змей был неопасен, любая курица могла его обидеть, не говоря уж про козу, у которой все-таки рога есть. Однако Машка не спешила мстить, она осторожно обошла вокруг больного, аккуратно переступая через зловонные лужи, и остановилась на безопасном расстоянии. Большие круглые глаза ее обвели обидчика и уперлись в беспомощно поджатый хвост — похоже, ее впечатлило, что такое грозное оружие уже

не служило своему хозяину. Изумленно покачав бородой, она вздохнула и вернулась к забору, где ее внимание привлек сочный лопух.

— Маша, Ма-а-аш... — Змей позвал ее так тихо, что она сначала не слышала. А когда расслышала, то не поверила своим ушам: этот слабый и жалобный голос не мог принадлежать свирепому ящеру.

— Маш, иди сюда... Иди, я не обижу...

Хуже нет, чем помирать одному, а тут все же душа живая. Змей звал ее в безотчетной тоске, ему хотелось чувствовать, что он не один, но глупая Машка только пучила глаза, и в нерешительности перебирала копытцами.

— Помираю я, понимаешь... Скоро совсем помру, так хоть ты со мной побудь. — Змей передохнул немного и сморгнул непрошеную слезу, — Плохо мне, Маша. Подойди же, не бойся, я тебя не съем.

Недоверчивая Машка подошла поближе, напряженно всматриваясь в желтый зрачок ящера, пытаясь прочесть его намерения. Змей не шевелился. Тогда она сделала еще пару шагов, вытянула шею и обнюхала его морду. Пах он скверно, слов нет, но видеть его немощным, распростертым у своих копыт, было приятно — Машка подняла голову и радостно выдохнула:

— Бе-е-eeee!!!

— Коза ты, Маша... Коза и есть... и не по батюшке с матушкой, а по душе своей козлячьей. Пошла вон! — Змей из последних сил щелкнул челюстями, и рогатую как ветром сдуло. — Чтоб над тобой в твой смертный час так бляели...

В наступившей тишине одиночество ощущалось особенно остро, тем более что уже начало смеркаться и предметы постепенно утрачивали свои очертания — мир вокруг становился призрачным. А может, это перед глазами все расплывалось, Змей не знал, он устал и измучился. Голова раскалывалась на части, в ушах шумело, и тошнило, тошнило, тошнило...

За шумом в голове он не сразу расслышал цоканье копыт и треск ломаемых веток — Василиса неслась во весь опор, прокладывая по зарослям новую дорогу. Внезапно вылетев из кустов, она круто затормозила перед самым носом Змея, Сивка еле удержался на ногах, а бричку эффектно протащило по двору. Но зато уже через секунду Василиса обнимала его за шею и с тревогой заглядывала в глаза:

— Змей, ты живой? Отвечай мне, не молчи! Отвечай, кому говорю!

— Ммммууу... — только и смог вымолвить несчастный. По грязной морде потекли слезы, Василиса всплеснула руками и заголосила на всю округу:

— Змеюшка, родненький, ты посмотри, кого я привезла! Это тебе не хухры-мухры, это Ирья — самая великая ведьма во всей Амаранте! Да что там в Амаранте, во всей стране! Ирья, иди сюда, не бойся его, он только с виду страшный, а так и мухи не обидит.

Последняя фраза Василисы Змею не понравилась, что это она придумала: мухи не обидит? И зачем говорить такое при посторонних: прищуренным глазом он выделил из полумрака высокую фигуру, закутанную в темный плащ. Женщина приближалась нетвердой походкой:

— Черт бы тебя побрал, Василиса! Всю душу вытряхнула... — голос у нее был негромкий, мягкий, но с той глубокой металлической ноткой, которая поневоле заставляет к себе прислушиваться. — Уфф, дайте мне отдышаться, а то я сейчас составляю компанию этому тошнотику.

— Ты бы посмотрела его скорее, а то, боюсь, помрет.

— Не помрет, раз до сих пор не помер.

Ирья поставила на землю небольшой чемоданчик и откинула капюшон, черные волосы упали ей на лоб, откуда были немедленно сброшены привычным движением головы.

— Ох и укачало же... — согнувшись и упершись руками в колени, Ирья сделала несколько глубоких вдохов, а потом выпрямилась и критически осмотрела местность.

— С ума сойти, первый раз в жизни вижу столько пакости в одном месте. Ну, здравствуй, Змей, будем лечиться.

— Зззбээ-э-э-у-у-уй! — ответил вежливый Змей.

Ведьма удивленно подняла брови, но ничего не сказала. Она открыла свой саквояж и достала оттуда блестящую железяку подозрительного вида. Змей скосил глаза, насколько мог, но так и не понял, что же это такое. А Ирья, подобрав юбки, бесстрашно прошлепала к больному, оставившись для начала у его брюха:

— Урчит? — она прислушалась к происходящему внутри. Змей смутился и решил что-то возразить, но ведьма подняла палец, призывая к тишине. Все замолчали, даже Василиса прекратила причитать и испуганно притихла. Послушав некоторое время, Ирья выпрямилась и обошла ящера с кормы.

— Понос был? — твердой рукой она схватила грязный хвост, подняла его и заглянула туда, куда Змей даже маме заглядывать не разрешал. — Был. Когда это началось?

— Днем все началось, он ко мне приполз уже больной, а с утра все хорошо было. Я как выгляну с башни — ба-а-а-тюшки...

— Помолчи, Василиса, я не с тобой разговариваю. Итак, учитывая строение пищеварительной системы ящеров, он должен был что-то съесть в промежутке между десятью и двенадцатью часами утра. — Ирья помолчала, задумчиво покачивая своей железякой. — А теперь вспоминай, что ты ел, потому что противоядие мы тебе будем подбирать в зависимости от характера отравления.

Змей отвел взгляд в сторону, смущенно кашлянул и поджал хвост. Ирья нахмурилась:

— Что ел, спрашиваю? Чего молчишь? Ты же не собачка, чтоб какашки с земли подбирать, или я ошибаюсь?

Если бы Змей мог краснеть, он был бы пунцовым. Мучительный стыд за свое положение, да еще утреннее недовольство убийством солдата поднялись в его душе, комом прокатились по горлу и почему-то плюхнулись в желудок, откуда и начали новый путь наверх. Змей сцепил зубы, задержал дыхание, напрягся насколько мог, чтобы не оконфузиться при ведьме. Его мгновенно прошиб пот, глаза чуть не вылезли из орбит, а лапы совершенно онемели, но тошнота только усилилась. Однако самое

плохое было то, что Ирья именно сейчас решила осмотреть его пасть — ни раньше, ни позже!

— Открой рот. Открой, не бойся, я только посмотрю.

— Ммм-м-м-м-м-мм!!!!

— Да не мотай ты головой!

— Ммм-м-м-м-м-ммММММ!!!!

— Ну что ты будешь делать?! Василиса! Помоги мне!

Василиса бросилась на помощь — вдвоем они вцепились Змею в челюсть, переглянулись и резко дернули вниз. Змей не ожидал такой напасти, но зубов не расцепил, в результате чего здорово треснулся подбородком о землю, аж искры из глаз посыпались.

— Давай, Василиса, и-и-иии р-р-рраз!

Сообразив, что его сейчас стошнит, а в покое его не оставят, ящер отчаянно замотал головой, пытаясь стряхнуть настырных женщин, но силы были неравны. Чувствуя, как по пищеводу поднимается мерзкий комок, бедный Змей замычал что было сил и попятился назад. Сквозь сжатые зубы его фонтаном брызнула слюна, и тут до Ирьи дошло: она схватила Василису за руку и потянула в сторону:

— А ну отойдем, что-то мне это не нравится...

Вовремя, ох как вовремя! Измученный Змей больше не мог сдерживать души прекрасные порывы, он расцепил зубы и окатил поляну содержимым своего желудка, искренне удивляясь тому, что там еще что-то осталось после целого дня подобных откровений. Однако осталось, и теперь Василиса с Ирьей сами могли видеть, что именно зеленый ел на завтрак.

— Да, положение серьезное. Если его до сих пор тошнит, и главное есть чем — дело дрянь... — посерьезневшая ведьма отряхнула подол и стала рыться в чемоданчике. Василиса испуганно ойкнула и схватилась за козу, которая под сурдинку жевала ее передник. А Змей, безучастный ко всему на свете, лежал ничком на земле и уже еле дышал.

— Нашла. Сейчас хотя бы тошноту снимем. — Ирья достала темно-коричневую склянку, — Василиса, принеси водички. Постой... а это что?

Ведьма вдруг выпрямилась, пристально вглядываясь в какую-то кучку, темневшую среди непереваренных остатков змеева завтрака. Уже порядком стемнело, и ей пришлось подойти поближе, чтобы рассмотреть:

— Батюшки! Так вот какое дело... — темный предмет оказался грудной клеткой славного воина. Потыкав ее палкой для верности, Ирья с отвращением отвернулась:

— Людей жрал... Василиса, как ты живешь тут с убийцей, тебе не страшно? — но, несмотря на такие слова, в голосе ведьмы звучало не столько осуждение, сколько задумчивость. Коричневая бутылка отправилась обратно в саквояж, зато снова появившийся металлический предмет непонятного назначения, так впечатливший Змея поначалу, а Ирья закатала рукава и снова подошла к его морде.

— Змей, мне нужно тебя осмотреть. Хочешь, не хочешь, а пасть придется открыть, так что давай лучше по-хорошему. Ну вот, так я и ду-

мала: отек горла и слизистой носа, покраснение глаз, повышенное слюноотделение.

— Что-то серьезное? — напуганная Василиса все так же прижимала к себе козу, хотя Машке это давно уже перестало нравиться, да только кто бы ее спрашивал!

— Ну как ты думаешь, Василиса, — если он загадил тебе весь двор, и целый день пытается протянуть ноги, это серьезно или нет? Иди печь топи, будем варить лекарство.

Ирья подняла чемодан и сосредоточенно зашагала по направлению к башне, оставив Василису, Змея и Машку недоумевать по поводу диагноза.

Обычно Змей очень любил такие теплые вечера, когда Василиса разжигала огонь в печи и что-то готовила. Стрекотали цикады, тихо светились окна в башне, отбрасывая на улицу красноватый отблеск, и вкусно пахло какой-нибудь стряпней. Вот и сейчас, печь жарила на полную мощность, окна полыхали багровым огнем, хлопали двери. Василиса металась туда-сюда, но вся эта суета только действовала на нервы. Ирья, судя по запаху, заварила большую кашу, но будет ли от нее толк, Змей не знал. Ему уже пришлось выпить горсть каких-то пилюль, но заметного улучшения не последовало, и готовящееся варево он ждал с большим скепсисом.

В вечернем небе вспыхивали и гасли огоньки, белый дымок поднимался над башней. Ирья уже закончила готовку и вышла на крыльцо, посмотреть на состояние больного.

— Ну как ты, жив? — голос ее звучал насмешливо, и это раздражало Змея. — Микстура готова, сейчас остынет немного и можно пить.

Она присела на чурбачок напротив него, вытирая руки белым полотенцем:

— Слушай меня внимательно. Есть в мире хищники, которые могут убивать, все их существо приспособлено к этому: у них острые зубы и длинные когти, у них здоровый желудок и крепкая нервная система. Они внушают страх, но сами страха не испытывают, для них чужая смерть — естественная потребность.

По-прежнему делая вид, что вот-вот умрет, Змей все-таки наострил уши, и даже слегка покачивал головой в такт Ирьиным словам о хищниках — мол, плавали, знаем.

— Так вот, все это к тебе не относится. Ты не убийца.

Если бы перед носом Змея ударила молния, он бы так не удивился. А ведьма продолжала, не моргнув глазом:

— Если ты думаешь, что сегодня ты случайно отравился, я тебя разочарую. Наверняка с тобой и в прошлом случалось нечто подобное, только не так сильно. Было легкое кишечное расстройство, плохое самочувствие, головные боли — я права? Да, и людей ты уже очень давно не ел? Сегодня был первый случай за много лет?

Теперь Ирья старательно вычищала палочкой грязь из-под ногтей, время от времени поглядывая на онемевшего Змея мефистофельским взглядом. Она, казалось, совсем не нуждается в ответах на свои вопро-

сы, и задает их больше из удовольствия смотреть на его замешательство. А он совсем растерялся, припоминая подробности и понимая, что она совершенно права: все описанные ею симптомы действительно имели место быть.

— Ну... это... не любитель я до человечины. Ты же знаешь их, иродов, они если раз в год помоются, и то слава богу, а уж белье постирать... — Змея передернуло. — Не могу я, меня от одного запаха выворачивает...

Ирья подняла правую бровь, и принялась ковыряться в ухе все той же палочкой, лицо ее было безучастным, но Змей смог прочесть на нем что-то такое, что вызвало в нем неудержимое желание объясниться.

— Я тебе говорю, я брезгую! Убить пожалуйста, а есть эту пакость не могу. Я и не хотел его есть, это случайно получилось. Говорю тебе — случайно! Я вообще думал, что только погоняю его по лесу и все, а он... зубочисткой своей давай мне в глаз тыкать... Я что, смотреть должен был, как мне глаза выкалывают?!!!

Ведьма, казалось, совсем его не слышала, она была поглощена рассматриванием содержимого своего уха, извлеченного на свет при помощи незаменимой палочки. Комок серы представлял собой такой интерес, что она даже не шевельнулась, когда Змей начал новую тираду.

— Ты не слушай Василису, она тебе что попало наговорит. Привыкла тут, что я ее не трогаю, и решила, что меня и бояться нечего. Это она зря, ох, как зря! Я ведь и задрать могу под горячую руку, мне человека убить, что тебе высморкаться. Да у меня в роду тридцать колен чудовищ, я потомственный убийца без стыда и совести! Что ты на меня так смотришь?!!!!

— Да я на тебя вообще не смотрю. — Ирья невозмутимо вытерла палочку о подол, — А что ты так бесишься-то?

Змей замолчал, сбитый с толку простым вопросом. И правда, почему он так раскипятился? Повода вроде не было. Но ощущение, словно над ним смеются, никак его не покидало, и это было неприятно, даже хуже тошноты. Тошнота, кстати говоря, немного отступила, наверное поэтому Змей смог так пламенно объясняться с Иррей.

Вытирая руки передником, подошла Василиса. Лицо ее было уставшее и обеспокоенное, даже в тусклом свете фонаря виднелись запавшие глаза и резкие морщины в уголках губ:

— Ирья, похлебка твоя остыла. Я со дна почерпнула, попробовала — можно пить.

Ведьма отреагировала неожиданно резко:

— Что значит «попробовала»??!?! Я надеюсь, ты ее в рот не брала?

— Да не брала, не брала... Я пальцем пощупала, вроде не жжется. Может, уже будем поить, сколько ему, бедному, мучиться?

Что входило в состав ведьминоho снадобья, сказать сложно. На вкус напоминало клюквенный кисель с чесноком, а запах... Про запах Змей еще долго не мог вспоминать без содрогания. Однако ему пришлось выпить все до последней капли под зорким присмотром женщин. Когда ведро наконец закончилось, несчастный ящер с трудом перевел дух и попытался расслабить челюсти, сведенные гримасой отвращения:

— Фпафибо, конефно, но такой дьяни я в жифни не пил...

— Не ел бы всякую дрянь, не пришлось бы пить, — отрезала Ирья. Она подобрала чурбачок, на котором сидела и заторопилась к башне. — Пойдем, Василиса, а то потом будешь до утра отмываться.

Это она к чему — удивился Змей. Но толком подумать не успел: измученный желудок скрутило чудовищным спазмом, за пять минут он словно пережил этот кошмарный день еще раз, только в ускоренном темпе. Глядя на зеленого, бьющегося в конвульсиях, и на перепуганное лицо Василисы, Ирья вдруг расхохоталась — громко, всласть, от всей души:

— Да не бойся ты, не помрет твой ненаглядный. Сейчас вся гадость из него выйдет и ему сразу полегчает, вот увидишь.

И правда, через полчаса стало легче. Наверное потому, что хуже быть просто не могло. Змей уже и стыда не чувствовал за свое положение, тихо лежал посреди двора, окруженный зловонными лужами. Спустилась ночь, стало совсем темно, и беспорядок во дворе можно было опознать только по запаху. Впрочем, Змею было все равно, а Василиса, надо отдать ей должное, даже бровью не повела. Она принесла фонарь и храбро, словно полководец перед битвой, осмотрела поляну. Потом сходила в сарай за метлой и принялась за работу.

Ирья продолжала что-то варить на кухне, ее тень была хорошо видна в окне. Неторопливо помешивая варево, она держала другой рукой какую-то книжку, перелистывая время от времени. Забавно, если она читает детективы, подумал Змей, приоткрыв глаз. Немного думать и поднимать веки — это все, на что он был сейчас способен. По спине больно шоркала Василисина метла, но отползти в сторону или хотя бы повернуться сил не доставало.

— Лежи, лежи... Я сейчас тебя обмету аккуратненько, и все будет хорошо. Не дело в луже плавать. — Теплая ладонь легла ему на голову, и это было приятно. — Как ты? Полегчало? Напугал ты нас, даже Ирья занервничала...

Василиса присела на корточки рядом с мордой Змея и понизила голос до шепота:

— Как тебе Ирья? Сильна, правда? И главное — не задается. Я думала, она меня и на порог не пустит, знаменитость все-таки, а она вон какая. Я с ней разговаривала, как будто сто лет ее знаю. Знаешь что, — даже в потемках Змей видел, как Василиса нервно теребит поясok своей линялой кофты: — я ее хочу попросить: ну... может на мнеглаз какой... или этот, венец безбрачия...

От неожиданности у Змея даже голос прорезался:

— Венец безбрачия???!!! Разжижение мозгов у тебя, а не венец безбрачия!

— Не ори на меня!

— Я не ору, это ты орешь! — засипел Змей, и перебранка продолжилась на пониженных тонах. — Уж замуж невтерпех? Так надо было идти сегодня, что ж не пошла, кавалер знатный был!

— Где он теперь, этот кавалер? Ты случайно не знаешь? Выйдешь тут замуж, когда всякие пресмыкающиеся пастью щелкают!

Подошедшая ведьма с интересом вслушивалась в их яростный шепот:

— Надо же, как ему быстро полегчало! — она поставила на землю большой горшок с вонючим пойлом и огляделась вокруг.

— Василиса, у тебя шланг есть для поливки? Ты бы лучше из шланга двор помыла, и быстрее будет, и чище. Да и Змея не мешало бы сполоснуть немного. Кстати, это тебе — пей, пей, не бойся, тошнить больше не будет.

Она подождала, пока Змей выпил, забрала посуду и двинулась обратно в башню. Змей проводил ее недобрым взглядом.

Вечер был теплый. Василиса поливала двор из шланга и чувствовала, что даже не зябнет в легкой флисовой кофточке. Ирья уже собралась и теперь давала последние наставления больному:

— В течение недели ешь только кашу на молоке. Овощи пока не надо, мясо тем более, а вот бульон куриный можно. Воздержись немного от излишеств, тебе только на пользу пойдет — постройнеешь.

Змей возмущенно фыркнул.

— И все то, что я тебе сказала, в силе. У тебя, голубчик, сильнейшая пищевая аллергия на человечину. Сегодня ты отделаешься поносом, а в следующий раз может наступить отек дыхательных путей и смерть. Думай сам, так ли оно тебе надо. Василиса, смотри за ним, раз у него самого ума не хватает.

Ведьма разговаривала ласково и немного насмешливо, и яркие зеленые глаза ее светились в лунном свете. Повернувшись, она подхватила на плечо котомку, и махнула рукой на прощание.

— Ирья, да куда же ты? Сейчас я Сивку запрягу и доставлю тебя домой в лучшем виде! Подожди минутку.

— Э нет, я вам еще пригожусь, — засмеялась Ирья. — Василиса, я серьезно, не суетись. Я буду дома гораздо раньше, чем ты думаешь.

Она надела на голову капюшон, сделала пару шагов в направлении леса и слилась с темнотой, окружавшей башню, словно растворилась. Василиса осталась с больным Змеем.

Змей, теперь еще и мокрый, трясся в ознобе. Пришлось собрать все одеяла, какие были, и укутать его от ушей до хвоста.

— Ну как, тепло?

— Нормально. Неприятная эта Ирья, мне не понравилась. Шарлатанка наверняка, только и знает, что зубы бабам заговаривать... — раздражение Змея выплеснулось наружу. Но на сей раз Василиса не дала себя завести.

— Что ты говоришь такое? — тихо сказала она ему, плотнее укутывая его в одеяло. — Ирья великая ведьма и знает что делает. Я вот тоже всегда говорила, что ты слабохарактерный. Да молчи уже... Интересно, как это она домой доберется?

Василиса вздохнула, глядя в небо. На фоне лунного диска бесшумно махала крыльями большая птица.

Глава 2. ШЕПОТ

Солнечное утро обещало прекрасный день, облаков не было. Вода в канале отражала только безупречную синеву неба и вихрастую голову Орландо, перегнувшегося через парапет.

— Это мост «Одиннадцать часов»?

Мог бы и не спрашивать. По ту сторону горели золотом лилии на кованной изгороди парка Мередит — такая красота не встречается на каждом шагу.

Несколько метров, и Орландо оказался в округе Ла-Уньон — отполированная медная полоса между мостом и тротуаром уведомила его об этом. Самые богатые люди королевства селились здесь, разбивали сады, строили в их глубинах роскошные особняки и наслаждались тишиной в сердце столицы.

Черешневый бульвар, на который свернул Орландо, был больше похож на аллею парка. Широкую дорогу обрамляли тротуарчики для прогулок. Вдоль них тянулись высокие заборы, скрывающие частную жизнь тех, кому не приходилось каждый день зарабатывать себе на хлеб. Время от времени раздавалось цоканье копыт, кованые ворота открывались, выпуская всадника на чистокровном скакуне или нарядный экипаж, и больше никакие звуки не нарушали благословенный покой этого места. Орландо даже старался ступать тише, чтобы соответствовать обстановке.

Надо было торопиться, ему было назначено на 8 утра, а он даже не знал места — адрес на красивой визитной карточке еще нужно найти. Орландо ускорил шаг, и изящные ворота, густые сады, высокие заборы полетели мимо него быстро-быстро. Так хотелось остановиться, внимательно рассмотреть эту красоту, но он спешил, дав себе слово при первой же возможности вернуться.

Черешневый бульвар, 27 — наконец сказала блестящая медная табличка на высоком заборе. Забор был каменный, а по верху тянулась чугунная решетка с остриями. Ворота были дубовые, обшитые медными листами с искусной чеканкой, повторявшей изображение на визитной карточке, но вот незадача — ручки на них отсутствовали. Дверного молотка или звонка тоже не было, и что-то подсказало парню, что стучаться бесполезно, для всякой деревенщины они не открываются. И Орландо побежал вдоль стены, начиная волноваться — смешно потерять такое хорошее место в первый же день из-за отсутствия дверного молотка.

Пробежав почти до самого конца, он увидел маленькую деревянную дверь, посеревшую от времени и почти незаметную на фоне каменной кладки. Рядом с дверью висел шнур с медной ручкой, отполированной множеством ладоней. Сердце екнуло, Орландо выдохнул, несмело взялся за ручку, закрыл глаза и дернул. Раздался негромкий мелодичный звон.

— Как-то тихо... А если меня не услышат?

И он затрезвонил что было сил, едва не оторвав шнурок.

— Я здесь, я здесь, я пришел! Впустите меня!

— С дуба рухнул?! Чего трезвонишь, как полоумный?! Ты кто вообще?

Мужчина лет пятидесяти с побитым оспой лицом и большим кривым носом недружелюбно смотрел на него из калитки. Орlando выпустил шнурок и протянул носатому визитку:

— Я к господину Кавалли. По поводу работы. Мне на восемь назначено.

Четвертая кастрюля картошки за день, на указательном пальце правой руки налилась сукровицей, большая мозоль от ножа. Орlando аккуратно обернул ее тряпочкой, но боль все равно давала о себе знать. Интересно, неужели господа так любят картошку?

Кухня была низкая и довольно грязная, что было странно для богатого дома. Множество кастрюль, сковородок, тазов, сотейников и другой утвари, назначения которой он не знал, громоздилось на полках и под полками, на столах и под столами. Справа — небольшое подслеповатое оконце и дверь во двор, которая никогда не закрывалась, слева — выход в дом, а между ними столы, шкафы и засаленный буфет, закрывавшийся на ключ. Большая печь, на которой постоянно что-то шкворчало, располагалась у противоположной стены, и сейчас Орlando сидел на трехногой табуретке в тесном промежутке между ней и кухонным столом. Его задачей было чистить картошку и овощи, носить дрова, подметать, убирать мусор, и слушать постоянную брань кухарки, которая искренне считала, что если в предложении нет матерных слов, то оно не содержит полезной информации.

Кухарка была женщиной в самом расцвете сил — как она сама о себе говорила, то есть навскидку ей было лет пятьдесят. Если сделать поправку на полноту и неряшливость, то сорок пять, но энергии у нее было на восемнадцать. Звали ее Жанетта.

— Так, шевели колготками, дохляк, тебе еще морковку чистить... — перед Орlando плюхнулся грязный мешок, отчетливо пахнущий гнилью. Заглянув внутрь, он быстро отдернул голову:

— Она же гнилая!

— Ишь ты, а я и не знала! — Жанетта зависла над парнем, руки в боки, поза угрожающая. — Из свежей морковки любой дурак приготовит, а ты вот из такой приготовь, которая воняет. Тоже мне, умник нашелся.

Сдерживая отвращение, Орlando запустил руку в мешок — под пальцами скользило что-то мягкое, расплываясь и оставляя на руке склизкий след. Что здесь происходит? Неужели господа не в состоянии позволить себе нормальную морковь? Да и картошка, честно говоря, не первой свежести.

Вообще его новое место работы оставляло странное впечатление: господский дом был прекрасен. Пусть Орlando не мог считать себя знатоком архитектуры, но он оценил добротную каменную кладку и дубовые балки толщиной в человека. Побывать внутри было бы пределом мечтаний, но место кухонного рабочего где? Правильно, на кухне.

Орlando не роптал, нет. Напротив, он считал себя редким счастливым — где это видано, чтобы парень из деревни нашел работу в городе в первый же день, да не абы где, а в богатом доме. Но вот что было странно: кухня, кладовая и колесный сарай — а это были единственные помещения, куда Орlando мог входить, отличались неряшливостью

и плохо скрываемым беспорядком. Снаружи это все выглядело не-плохо, но стоило только войти внутрь, как сразу бросались в глаза грязь и отсутствие хозяйского догляда. Засаленные столы, разбитые стекла в буфете, лужи на полу в кладовой — казалось, что никому в этом доме ни до чего нет дела.

Думая об этом, Орlando не переставал чистить картошку, но нож был тупой, и дело двигалось медленно. В конце концов, почему нельзя наточить ножи?! И он решительно поднялся, бросив обратно в кастрюлю очередную картофелину.

— Куда это ты намылился? — Жанетта отвлеклась от фарша, который, как и морковь, тоже пах неважно, но Орlando ничего ей не ответил. Он подошел к буфету и стал рыться в ящиках в поисках ножей. Собрав на кухне все ножи, которые только смог найти, игнорируя возмущенные кухаркины вопли, парень хлопнул дверью.

Рябой и носатый Флавио работал слесарем. Вернее он им числился, так как, судя по состоянию садового и кухонного инструмента, слесарь в доме отсутствовал. Вот и сейчас вместо работы он предпочел стаканчик сливянки и поспать в сарае.

— Подъем! Уже утро!

Если честно, то Орlando никогда не разговаривал в таком тоне с человеком старше себя, но сейчас он был очень зол. Флавио с трудом разлепил веки и изумленно воззрился на рыжего новобранца:

— Ты чего, пацан? Маму потерял? Сейчас найдем... — и он начал процесс вставания на ноги, что должно было обратить наглеца в бегство. Но тот почему-то не убежал в ужасе, а вывалил на пол целую кучу ножей.

— Все это нужно наточить и очень быстро — у меня работа на кухне стоит из-за тупых ножей. И еще: у штыковой лопаты черенок треснул, а совковая вообще с него слетает. Так что спать некогда, принимайся за работу.

— Да ты чё... — Флавио захлебнулся возмущением. Он придвинулся вплотную к Орlando, сжимая кулаки, дыша перегаром, и бешено вращая глазами, налитыми кровью. Но тот не двигался с места, стоял и смотрел на слесаря презрительно и холодно.

— Ты что придумал, щенок? Думаешь, ты приказал, и я кинулся что-то делать? — голос Флавио понизился до угрожающего шепота. Он пристально смотрел в глаза Орlando, пытаясь взглядом передать душившее его бешенство. Однако парень не отводил глаз, и чем яростнее становился взгляд Флавио, тем холоднее был взгляд Орlando.

— Тогда я сделаю это сам. И расскажу господину Кавалли, а заодно поведаю, где я тебя нашел и в каком состоянии. Твое лицо ясно говорит почему сливянка в буфете такая жидкая.

Флавио заморгал глазами с глупым видом, такого он не ожидал. Он вообще не ожидал неприятностей от сегодняшнего утра, но они, похоже, пришли всерьез и надолго:

Откуда этот паршивец узнал про сливянку? По спине слесаря пробежал холодок, он знал, что управляющий господин Кавалли, как любой нормальный вор очень не любит, когда воруют у него. А сливянку в буфе-

те он считал своей, и если бы узнал, что Флавио давно приспособился открывать дверцу отмычкой и разбавлять спиртное, то гнев его был бы ужасен. Пока он обдумывал все это, то с изумлением обнаружил, что кулаки сами собой разжались, спина согнулась, и лицо приняло гораздо более приветливое выражение.

— Ты это... через полчаса зайди за ножами. А лопаты я к обеду сделаю.

Было уже далеко за полночь, снаружи шел дождь, громко шлепая по земле и деревянному порогу, но Орlando дверь не закрывал. После целого дня, проведенного в смраде, ночная прохлада казалась ему наслаждением, а шелест дождя успокаивал и приносил умиротворение в его душу. Постояв немного на пороге, подышав свежим воздухом, он распахнул дверь и принялся мыть пол в кухне. Сложно сказать, мыли ли этот пол когда-нибудь вообще, но то, что за последний год тряпка его не касалась, это точно. Все, что падало на пол, проливалось или просыпалось, так и оставалось лежать, пока не засыхало или не втаптывалось башмаками, и сейчас, стиснув зубы, Орlando пытался победить эту первобытную грязь.

Все давно ушли. Жанетта удалилась в свою каморку, было слышно иногда, как она ворочается и кряхтит во сне. Даже кошка и та отправилась на ночную охоту, оставив парня заканчивать работу в одиночестве. Но он не жаловался.

Что заставляло его мыть пол в час ночи, после целого дня напряженного труда? Внутреннее глубокое отвращение, которое он испытывал к неряшеству.

— Я вымою, потому что не могу видеть, как пища готовится в грязи. Все начинается с мелочей: с чистого пола, с острых ножей, со свежих продуктов. И не говорите мне, что это нормально — мешать фарш из тухлого мяса пополам со свежим!

В сердцах он шлепнул тряпку в ведро, разогнулся, чтобы хоть на минутку дать отдых пояснице, и обомлел: скрестив руки на груди, на него молча смотрел управляющий.

— Господин Кавалли... Доброй ночи... А я тут пол мою, а то грязно очень... — Орlando даже растерялся слегка, хотя с управляющим они были уже знакомы. Тот не ответил, но задумчиво посмотрел на чистый кусок пола — разница была заметна невооруженным глазом.

— Это тебе Жанетта поручила?

— Нет, я сам. Просто я подумал, что это кухня и в ней должно быть чисто. Но я быстро, не волнуйтесь, минут пятнадцать и все будет готово.

Орlando подхватил тряпку и с утроенной энергией принялся скрестить доисторические лужи. Из-под стола были видны только блестящие ботинки управляющего, которые подошли к буфету, задержались там ненадолго, а затем решительным шагом покинули кухню.

Выдохнув немного после ухода Кавалли, парень не стал расслабляться, несмотря на то, что чувствовал сильную усталость. Он постановил себе — домыть, убрать ведро с тряпкой, и спать. Однако когда пол уже сверкал чистотой, тряпка сушилась на печке, а ведро стояло на своем месте, Орlando задержался на минутку у входной двери. Дождь кончился,

но редкие капли все так же барабанили по опавшим листьям, было свежо и холодно. Он посмотрел немного на небо, влажное и чистое, как пол в кухне, улыбнулся и запер дверь.

Утром Жанетта не сразу сообразила, что случилось. Стоя за кухонным столом, она кожей чувствовала, что в мире что-то не так, но никак не могла сообразить, что именно. А Орландо, ухмыляясь себе под нос, чистил песком большую медную сковородку. Его забавляла кухаркина физиономия, на которой ясно читались душевные муки по поводу неожиданной перемены:

— Я ничего не пойму, что-то не так сегодня. Вот как будто не моя кухня. Слышь, Игнасио, ты ничего не замечаешь? И запах какой-то странный...

Старый истопник, задремавший около печки, поднял голову и оглядел кухню мутным взглядом:

— Да пол он помыл. Что, не видишь, что ли — чисто, как в господских комнатах. У тебя, неряхи, вечно было грязи по колено, а парень взял и помыл, даже зайти приятно.

Жанетта устала на пол. Нельзя сказать, что пол блестел, но, по крайней мере, цвет досок стал виден.

— Пол он помыл. Ты тут что, самый умный? Тоже мне барин! По грязному полу ему ходить образование не позволяет, видите ли.

Глаза ее стали злыми, а по лицу пробежала нехорошая усмешка. Схватив со стола горшок с очистками, она одним махом вытряхнула его под ноги, и, злобно хохоча, стала втаптывать каблуками.

— Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! Будешь знать, как командовать на моей кухне!!

От мощного кухаркиного пинка горшок улетел к противоположной стене, жалобно звякнул и рассыпался на мелкие осколки. Онемевший Орландо опустил глаза и попытался продолжить свое занятие, но кровь бросилась ему в голову, он почти ничего не видел. Руки парня тряслись, а Жанетта все пыталась заглянуть в лицо, чтобы посмотреть, какое впечатление произвели ее действия.

— Что глазки прячешь? Виноватишься? Или слезки там роняешь в тазик?

Ее сальная, красная физиономия была ненавистна Орландо, но он переломил себя, нечеловеческим усилием поднял голову и посмотрел ей в глаза, холодно и надменно.

— Все в порядке. Это ваше рабочее место, можете свинячить сколько захотите. Ваше дело мусорить, мое дело убирать. — Он бросил чистую сковородку на стол и сгреб в тазик гору глиняных тарелок. — Вечером опять помою.

— Во дает! — восхищенно присвистнул Игнасио, а Жанетта, криво усмехнувшись, покачала головой и вернулась к овощам и мясу. Орландо еще не мог усмирить трясущиеся пальцы, но внутри все вдруг успокоилось. Он сказал себе, что если будет нужно, он будет отмывать этот чертов пол каждый вечер. Он отмоев буфет и окна, он приведет кухню в порядок, и ни одна Жанетта в мире не помешает ему это сделать.

Мужик сказал — мужик сделал. Несмотря на саботаж со стороны кухарки, дела потихоньку пошли в гору: пол окончательно отмылся, ножи были острые, через окно стал виден двор, да и треснувшее стекло в буфете заменили. Жанетта с ужасом поняла, что ей угрожает чистый передник.

А Орlando работал как заведенный: целый день с утра до ночи он чистил, мыл, подметал, выносил мусор. Не было ни единой минуты, чтобы он сидел и бездельничал — все горело в его руках.

— Я не успею ложку положить, а он ее уже помыл! — восклицала Жанетта, и было непонятно, то ли она жалуется, то ли хвастается. — Что это он все время моется, больной, что ли? А зануда-то какой, просто сил нет! Скажите мне, откуда такие берутся!

Орlando занял собой все ее мысли, даже дворецкому она выложила полный спектр переживаний, и господин Кавалли выслушал ее очень внимательно, хотя терпеть не мог пустую болтовню. Мало того, всегда чопорный и высокомерный управляющий даже снизошел до того, чтобы задать кухарке несколько уточняющих вопросов.

— Вот увидишь, Игнасио, господин Кавалли поставит его на место. Где это видано, чтобы человек, работающий без году неделю, учил меня как картошку чистить! Он еще попляшет, козлячья морда, он у меня будет тише воды, ниже травы. Это я тебе обещаю.

А Орlando чистил кастрюли и улыбался себе под нос — он не знал какое раздражение вызывает у окружающих даже его улыбка. Вот сейчас он улыбался, радуясь тому, как с каждым взмахом щетки медные бока кастрюли блестят все сильнее и сильнее. Как красиво и приятно, когда в такой кастрюле варится что-то вкусное!

Увлеченный своим делом, он не заметил, как скрипнула дверь, ведущая во внутренние покои, и на пороге появился господин Кавалли. Игнасио торопливо поднялся со своего теплого местечка возле печки, и застыл в полупоклоне, Жанетта оторвалась от разделки мяса и радостно заулыбалась:

— Здравствуйте, господин Кавалли, доброго вам утречка! — не голос, а медовый пряник. — Скоро все готово будет, вот, котлетки делаем господам на завтрак. Да и не только господам. Уж я вам самую лучшую подам, не сомневайтесь. Зажаристую, с корочкой, все как вы любите.

Но Кавалли не ответил на приветствие, он прошел мимо Жанетты и остановился возле Орlando. Глаза кухарки вспыхнули азартным огнем, она метнула быстрый взгляд на Игнасио: «Я же тебе говорила!», но старый истопник так и стоял в полупоклоне, внимательно изучая свои ботинки. А Орlando, который наконец заметил управляющего, опустил кастрюлю, вытер руки передником и снова улыбнулся. Вместо приветствия.

Господин Кавалли медленно обвел взглядом гору вымытой посуды, блестящую кастрюлю, и остановился на Орlando, разглядывая его в упор в течение нескольких долгих секунд.

— Значит это ты тут порядок наводишь? — раздался его густой и сочный бас. И пока Орlando думал, что ответить, вмешалась Жанетта:

— Он, сударь, все он. Лезет, куда не просят, думает о себе черт знает что. Я так считаю, нечего бедному человеку нос задирать и думать без приказа, для того господа есть. А наше дело свою работу исполнять и не умничать. Вот сегодня, например, взялся кастрюлю эту чистить, а зачем ее чистить, коли она и так чистая? Все равно ее на огонь ставить, закоптится, да и песок расходует почему зря. Или мясо разделявать, уж я-то собаку съела на мясе, я двадцать лет на кухне, а этот сопляк меня учит...

— Да вы у печени желчные протоки не вырезаете, она от этого жесткая делается и горчит! — не выдержал Орландо. — Разве трудно пять минут потратить и все хорошо почистить?

— Ишь, какой умный! Я двадцать лет печенку готовлю, и еще никто не жаловался! И не кому-нибудь готовлю, а господам! Господа кушали и спасибо говорили! — Жанетта шваркнула ложкой по столу. Лицо ее покраснело, заправленные пряди выбились из-под платка, придавая ей устрашающий вид. Но господин Кавалли даже не повернулся, только поднял руку, призывая к молчанию:

— Ты закончил? — спросил он Орландо, указывая взглядом на кастрюлю.

— Да. То есть нет... я хотел еще дно отполировать.

— Потом отполируешь. Иди за мной. — Он повернулся на каблуках, и быстро вышел из кухни, так и не вытащив руки из карманов. Растерянный Орландо снял передник и выбежал за ним в пыльный коридор, соединяющий кухню с жилыми помещениями.

Управляющий ждал его возле двери, ведущей в столовую. Дальше этого коридора Орландо еще никогда не заходил, кухонному рабочему не полагалось показываться господам на глаза. Но сегодня господин Кавалли словно забыл об этом, он открыл дверь и кивком головы пригласил парня следовать за ним в столовую.

Орландо казалось, что они прошли не один, а несколько домов — коридоры и залы сменяли друг друга, и не было им ни конца, ни края. Они миновали столовую, белую с золотом, в середине которой стоял огромный стол, за которым могло поместиться человек сто. Стол был светлого дерева с позолотой, наборной крышкой с узорами и вензелями, и вокруг него стояли стулья — да что там стулья, целые кресла! На стенах висели картины, а с высокого потолка свисала неопишущей красоты люстра: тонкая, ажурная, с хрустальными подвесками. Орландо чуть шею себе не свернул, пытаясь рассмотреть ее получше.

Из столовой, полной света и воздуха, они вышли в коридор, похожий на галерею: с левой стороны были только огромные окна от пола до потолка, а с правой висели портреты в тяжелых позолоченных рамах. Суровые господа и томные дамы в старинных костюмах внимательно рассматривали деревенского парня, спешащего за элегантным дворецким. И непонятно было, то ли они одобряют его, то ли осуждают за наглое вторжение.

Но коридор кончился, и они вышли в большую залу, сердце дома — именно сюда попадали гости через центральный вход. Зала была круглая

и очень торжественная, обитая темными дубовыми панелями, обставленная рыцарскими доспехами и прочими атрибутами благородного семейства. Окон в ней было всего два, поэтому даже в самый солнечный день в зале царил легкий полумрак, а свечи в кованых подсвечниках никогда не тушили. На паркете красовался узор — огромный круг, в центре которого сидела лисица с кинжалом, и было много слов на непонятном языке. Эта же лисица была выткана на гобелене, висевшем прямо напротив входа, в пролете огромной лестницы, ведущей на второй этаж.

Из залы вело несколько дверей, но все они были закрыты, и господин Кавалли прошел мимо них, не останавливаясь. Он направился сразу на второй этаж по центральной лестнице, Орlando последовал за ним. Поднимаясь по широким ступеням, покрытым бордовым ковром, заглушающим шаги, он сам себе завидовал. У гобелена с лисицей большая лестница заканчивалась, и наверх убегали две лестницы поменьше — одна справа, другая слева. Управляющий пошел направо, поднялся и остановился в небольшом коридоре, у стены, затянутой зеленой тканью. В полумраке было видно несколько дверей, за ручку одной из них и взялся Кавалли:

— Это комнаты господина герцога. Сейчас мы пройдем в спальню, и я расскажу, для чего мы сюда пришли.

Он нажал на ручку, и взору Орlando открылась самая великолепная спальня из всех, что существовали в мире. Просторная, светлая комната, обитая нежно-фиолетовым шелком в мелкий цветочек, с большими окнами и ковром, в котором тонули ноги. Но самое главное — кровать с балдахином, такая большая, что на ней можно было бы устроить танцы. А какие там были шкафчики! Изящные, резные, с позолоченными ручками, настоящее произведение искусства. Орlando стоял, открыв рот, и начисто забыл, что его привели сюда не просто так.

— Здесь его светлость изволит почивать. Эта маленькая дверь ведет в гардеробную, где хранятся туалеты его светлости. Напротив — ванная, там герцог умывается и, ну сам понимаешь... Дальше по коридору комнаты сына его светлости, юного виконта, но он нечасто здесь ночует. Если ты заметил, то слева от главной лестницы есть еще покои, раньше они принадлежали ее светлости герцогине, но она скончалась одиннадцать лет назад. Так что теперь там никто не живет, а комнаты используются для гостей, когда его светлость изволит кого-то принимать.

Кавалли сделал паузу.

— Так вот, с сегодняшнего дня ты больше не работаешь на кухне, твоей обязанностью будет уборка господских комнат. Это чрезвычайно ответственная работа, его светлость господин герцог очень строг в отношении чистоты своих покоев. Если найдет где пылинку — пиши пропало, а если испортишь что-нибудь, не сносить тебе головы. Я никогда не доверял уборку непроверенным людям, так что тебе оказана великая честь, надеюсь, ты понимаешь это?

Управляющий сделал страшное лицо, но Орlando не мог сдержать счастливой улыбки. Мысль о том, что теперь он будет здесь работать, за-

топила радостью все его существо, выплеснувшись наружу самой искренней, самой солнечной его улыбкой. Кавалли даже опешил:

— Ты что, идиот? Я ему говорю, что если он тут хоть одну царапинку оставит, я с него шкуру спущу, а он лыбится как ненормальный!

— Нет, сударь, что вы, я понимаю. Я буду очень стараться, я все сделаю, чтобы оправдать ваше доверие. Господин герцог будет доволен, я клянусь! Это надо же, я теперь буду здесь работать, я эту красоту буду каждый день видеть. Вы не представляете, как я счастлив! Да я просто везунчик!

Рябая физиономия парня сияла, как медный грош. Управляющий вздохнул и велел ему убираться на кухню.

— Завтра с утра начнешь. В шесть часов подойдешь ко мне, я скажу тебе, что делать, а теперь ступай. И не болтай там.

— Да, сударь, слушаюсь, сударь!

На следующее утро он приступил к выполнению своих новых обязанностей. Это оказалось легко и приятно, в красивом месте все делалось само собой, а счастливая улыбка не сходила с лица. Он чистил, мыл, натирал и полировал, как будто был художником и готовился к выставке своих работ. Да и как иначе, если работа доставляла ему радость. Каждую ручку на серванте он натирал до блеска, каждую паркетину надраивал до зеркального блеска, и не было в господских комнатах ни единого уголка, куда бы он не залез с тряпкой. Кавалли, даже если бы захотел, не смог бы ни к чему придраться, но он, казалось, был доволен, и Орlando не слышал от него ни единого слова нареканий.

Однако или слова Кавалли о строгости герцога были поэтическим преувеличением, или у герцога было свое представление о чистоте, но комнаты новому лакею достались в запущенном состоянии. Когда первое восхищение обстановкой прошло, Орlando понял, что в доме царит грязь — тщательно прикрытая коврами и мебелью, но самая настоящая грязь. То, что было на виду, еще кое-как убиралось, но в дальние уголки человеческая рука с тряпкой отродясь не заглядывала. Роскошные фарфоровые вазы зарастали изнутри жиром и пылью, люстры лопались от грязи, а под кроватью спокойно можно было разводить грядки.

Орlando пришел в ужас. Он чувствовал жалость к прекрасным, но заброшенным вещам, о которых никто не заботился. С искренним сердечным участием он мыл их, чистил, и иногда чинил, чувствуя, как они ему благодарны. Глупо, но юный лакей даже давал им имена, и здоровался, проходя каждое утро:

— Здравствуй, Фелиция (пузатой фарфоровой вазе в коридоре).

— Привет, Энрике (изящному кованому торшеру в спальне).

И даже если бы кто-то объявил его сумасшедшим, он бы только улыбнулся. Это было его царство, его подданные, зависящие от его воли, и он был добрым монархом.

Впрочем, работы было не очень много — основательно отмыв все в первый раз, он только поддерживал чистоту, а это было намного легче. Герцог, как ни старался, не мог пачкать быстрее, чем Орlando убирал. Хотя сюрпризы, безусловно, случались. Особенно тяжело было после приемов,

ибо гости герцога умудрялись здорово загадить помещение. Орландо возмущался до глубины души, и не потому, что ему приходилось делать грязную работу, а потому, что не понимал, как благородные люди могут вести себя настолько неблагородным образом.

Однажды утром он, как всегда, убирал в спальне герцога — постель была смята и залита вином, по всей комнате разбросана грязная одежда. Стирка не входила в обязанности Орландо, он только собирал белье и относил в прачечную. Вот и сейчас он собрал простыни в корзину и взялся за одежду, но подняв брюки, он услышал, как из кармана что-то выпало. Наверное, монетки — подумал Орландо, и тщательно вытряс брюки. Но это были не просто монетки, четыре золотых септима, больших и тяжелых, лежали перед ним на полу.

Орландо никогда не держал в руках настоящих золотых, он с огромным любопытством поднял их и долго рассматривал, тер пальцами, даже попробовал на зуб, пока не вспомнил, что время идет. Тогда он бросил брюки в корзину к простыням, сложил монеты стопочкой на прикроватном столике, и заторопился в прачечную.

День выдался тяжелый. Честно признаться, к вечеру даже трехжильный Орландо чувствовал себя уставшим. Он сидел, сторбившись за столом на кухне, и хлебал суп без всякого аппетита.

— Что ты ложкой по тарелке возишь? Ешь все подряд, не ковыряйся! Или мы теперь господа такие, что нам куриный суп есть зазорно?

— Жанетта, ну причем тут суп? Я устал просто, потом поем, ты мою тарелку спрячь куда-нибудь, а то много тут желающих.

Он поднялся и оглядел кухню, которая за время его отсутствия потеряла прежний блеск: пол снова почернел и засалился, а в раковине подпирала потолок огромная гора немытой посуды.

— Давай я тебе помогу посуду помыть, а то она скоро бегать будет. На своих ногах.

Жанетта прибрала его тарелку в сервант.

— Ну куда тебе мыть, ты и так устал. Я разве не вижу, как ты там полощешься, вон худой стал, как весенний грач.

— А разве я когда-нибудь был толстым? — Орландо рассмеялся, повязывая передник, — нет, Жанетта, кто родился крестьянином в Плеризле, тому толстым не бывать. А посуду я мыть люблю, я отдыхаю, когда ее мою. Вещи, Жанетта, иногда совсем не такие, какими кажутся.

Кухарка поморщилась:

— Терпеть не могу, когда ты начинаешь умничать. Попомни мои слова: думать — вредно, особенно если ты родился крестьянином в Плеризле. Твое думанье тебя до добра не доведет. Вот скажи мне, чего тебе не хватало? Сидел себе на кухне: в тепле, в добре, так нет, потянуло его господские комнаты убирать! А господа они, прости, такие свиньи, что хуже свиней гадят. И вот, теперь ты работаешь с утра до ночи, чистишь герцогские горшки. Тьху! — Несмотря на то, что именно она косвенно поспособствовала его повышению, Жанетта переживала случившееся как личную обиду.

— Это тоже работа. И я горшки не выношу, я убираю в комнатах, а там очень красиво. Понимаешь, мне приятно там находиться, следить за порядком, приглядывать за вещами.

— Приглядывальщик... Ты поаккуратнее там с приглядом, а то кто-нибудь что-нибудь приглядит, а тебе гляделки вырвут. На такого дурачка грех не спихнуть, что он понимает, деревенщина. Будут потом твои мамка с папкой пирожки в тюрьму возить из деревни.

— Мамки с папкой у меня нет, умерли, когда мне шесть лет было, так что пирожки возить некому. И не такой уж я дурачок, как тебе кажется. Я у своей тетки до восемнадцати лет жил из милости. Она меня терпеть не могла и всячески старалась со свету сжить. И не смогла, а уж как старалась! Если я у нее тогда не пропал, то теперь уж точно не пропаду.

— Больно много петушишься.

Беседа была прервана появлением управляющего, который был немного бледен и без лишних слов приказал Орландо следовать за собой. Быстро.

Что же могло случиться? Перебирая в уме все возможные варианты и начиная волноваться, Орландо почти бежал за господином Кавалли. Тот не соизволил объясниться, только бросил сквозь зубы, что его светлость герцог желает немедленно видеть его. Вот незадача! Неужели что-нибудь случилось с паркетом, ведь рецепт состава для полировки был непроверенный. Волнуясь все больше и больше, он вошел вслед за управляющим в жарко натопленную спальню.

Орландо никогда не видел эту комнату вечером, и сейчас она показалась ему чужой и незнакомой, как будто милая и скромная девушка вечером принарядилась для панели. Пахло духами и алкоголем, на прикроватном столике стоял хрустальный графин с коньяком, и лежали все те же четыре септима. А в кресле, обычно придвинутом к стене, сейчас сидел человек и рассматривал на свет игру оттенков коньяка в стакане с толстыми стеклянными стенками. Это был герцог Карианиди собственной персоной.

Тогда ему было где-то около пятидесяти, яркие белые пряди на висках прорезали черноту волос, но в целом это был еще вполне бравый мужчина. Высокий, худой, с длинным носом и длинным лицом, которое казалось еще длиннее из-за зачесанных назад волос и бородки-эспаньолки, он вполне соответствовал среднему представлению о среднем герцoge. Поэтому Орландо сразу поклонился максимально усердно.

— Ваша светлость, — спина Кавалли услужливо изогнулась, — позвольте вам представить Орландо, вашего лакея, которого вы пожелали видеть. Именно этот молодой человек убирал сегодня ваши комнаты.

У Орландо сердце екнуло: «убирал их сегодня» — точно с паркетом неладно! Он стоял, согнувшись, прижав руки к бокам, и боялся взглянуть на герцога.

— Так это вы, юноша... — голос у него был низкий, но какой-то неустойчивый, напоминавший расстроенный контрабас, — подойдите поближе, я хочу вас хорошенько рассмотреть.

Орландо приблизился на пару шагов, собрался с духом и поднял голову — в общем, герцог оказался не страшный. Глаза-жуки под кустистыми бровями нервно бегали, избегая прямого контакта с собеседником, рот был немного скошен, в бороде и голове много седых волос, но в целом ничего особенного. Да и по тону его речи не было похоже на то, что Орландо грозит увольнение или порка, разговаривал он расслабленно.

— А я давно хотел посмотреть, кто это убирает в моей спальне... Джеронимо, — Кавалли угодливо согнулся, — я что-то не припомню у нас такого рыжего работника, он что, новенький?

— Да, Ваша светлость, совсем недавно взяли. Он из деревни в город пришел, на заработки.

— Понятно. — Герцог помолчал, потом отпил из стакана, — скажи мне, юноша, как тебя зовут?

Орландо только открыл рот, но Кавалли оказался быстрее:

— Орландо, Ваша светлость.

— Откуда ты?

И снова Кавалли его опередил.

— Из Плериэля, Ваша светлость, из деревни... деревни... Да какая разница!

Герцог хихикнул:

— И правда, никакой. Скажи мне, Орландо, это ты убирал сегодня в этой комнате?

— Да, Ваша светлость.

Орландо был озадачен: герцог был уже слегка пьяненький, и следить за его мыслью было непросто.

— Скажи мне, а тебя когда-нибудь наказывали за воровство?

Вопрос был странноватый: ответишь «да» — признаешься в воровстве, ответишь «нет» — вроде как тоже воровал, но не попадался.

— Я, Ваша светлость, никогда не воровал, и за воровство меня не наказывали.

— А я накажу. За вранье. Не воровал он... Все воруют! — его светлость сделал очередной глоток и обнаружил, что стакан быстро закончился. Нетвердым движением он налил себе очередную порцию.

— Я нашел на столике четыре септима. Откуда они могли здесь появиться? Я знаю откуда, они лежали в кармане моих брюк. А где брюки? Где брюки, я спрашиваю?

— В прачечной, Ваша светлость, я отнес их в стирку, потому что они были грязные.

— Молчать, болван! Ты что это хочешь сказать? Что герцог Карианиди ходит в грязных штанах? А? Потомок друга короля Ольгерда, камергер короля Ибрагима, кавалер всех орденов Страны Вечной Осени и с грязным задом?

Смешно сказать, но брюки герцога действительно были очень грязны, и как раз с задней стороны — видимо его благородие сидел на совсем не благородных поверхностях. К счастью, Орландо сдержался, и, приняв придурковатый вид, бодро отпрапортовал:

— Простите, Ваша светлость, я хотел сказать, что отнес брюки в прачечную, потому что Ваша светлость может одевать только самое лучшее и самое чистое!

— Вот так-то лучше. А то — с грязным задом... Я вот хочу знать, почему ты деньги не украл? Положил тут стопочкой, дескать, это вы все воры, а я один тут честный.

Брови у Орlando ползли все выше и выше, ну где это видано, чтобы благородный и образованный человек нес такую чушь! И ладно бы был пьяный, а то ведь так, выпивши... Но герцог не унимался — он разглагольствовал минут сорок, периодически заправляясь из графинчика, и к концу и правда напился, стал запинаться и мямлить. Видя такое его состояние, Кавалли сделал Орlando знак убираться, что тот исполнил с превеликим удовольствием.

Вернувшись на кухню, он обнаружил, что Жанетта уже ушла. Тогда он достал из буфета остывший суп, и взялся есть, но из головы все не шла сегодняшняя встреча. Образ герцога как-то не мог улечься в его сознании. Из всей его долгой речи Орlando понял две вещи: а) его хвалят за честность; б) герцог, похоже, дурак.

Странно, очень странно, хозяин роскошного дома должен ему соответствовать, а тут... клоун какой-то. Неприятное чувство осталось после знакомства с ним. Орlando доел суп, посидел немного и помыл за собой тарелку. Неслышно ступая по полу, с улицы зашла кошка и уставилась на парня янтарными глазами: она прекрасно знала, у кого можно попросить что-нибудь на ужин. Но теперь Орlando был на кухне не хозяин, и предложить трехцветной красавице ему было нечего. Подождав немного, она разочарованно отвернулась и так же неслышно покинула кухню. Орlando остался один.

Да черт с ним, с этим герцогом! Я не для него работаю, а для себя!

Орlando старался неукоснительно следовать своим словам — усилием воли он заставлял себя думать не о хозяине дома, а только о работе: о паркете, о своих любимых вазах, о чистоте белья. Более-менее это ему удавалось, хотя заходя каждое утро в спальню и обнаруживая там бардак, он вспоминал герцога и его передергивало.

Однако если Орlando не стремился к общению со своим хозяином, то последний делал все, чтобы о нем не забывали. Он умудрялся оставить после себя феерическую грязь — Орlando ядовитой слюной брызгал, убирая в туалете или спальне. Мало того, молодой лакей постоянно стал находить деньги. Он аккуратно складировал находки на секретер, но назавтра появлялись все новые, причем в самых неожиданных местах. Орlando просил Кавалли поговорить с герцогом, чтобы тот внимательнее относился к деньгам. Однако управляющий как-то странно отреагировал, и была на то своя причина.

Его светлость герцог Карианиди нашел себе новое развлечение — вместе с Кавалли он прятал монеты по всем углам и тщательно записывал, где и сколько спрятал — испытывал лакея на честность и старательность. Это выяснилось одним прекрасным утром, когда Орlando нашел в кармане герцогского камзола бумажку с записями. Взбешенный таким иди-

отизмом, он положил эту бумажку на самое видное место, а сверху — найденные деньги, давая понять, что ему все известно. С каждым днем Орlando все больше убеждался в том, что герцог — дурак.

Пятница не задалась с самого начала: с утра Орlando здорово схватился с Жанеттой из-за плесени на овощах. Вообще-то кухарка была права — он больше на кухне не работал, и нечего было совать свой нос. Но даже натирая паркет в коридоре, он продолжал мысленную перепалку с Жанеттой, его задевало, что стоило ему уйти, весь труд пошел прахом. Действительно, на кухне теперь царила привычная грязь, все было на своих местах, и только у одного дурака-лакея душа болела.

Он уже практически закончил с паркетом и предвкушал полировку любимого серванта, как в коридоре раздались шаги управляющего — теперь Орlando мог лучше любой собаки определить: кто идет, в чем идет и чем портит паркет.

Кавалли носил щегольские лакированные туфли, подбитые мягкой кожей, поэтому шаги его были почти беззвучны и почти безвредны для драгоценного дерева, но был на его левой подошве один гвоздик...

— Господин Кавалли, позвольте, я на вашем левом ботинке подошву перебую, там не очень хорошо сделано.

— Я их месяц назад подбивал.

— Так это ничего не значит! Если у сапожника руки кривые, то хоть бы и вчера, разницы никакой.

— Что значит — кривые руки? Я их у лучшего сапожника в Амаранте чинил! Ты кто такой, чтобы судить о его работе?

— Да там в левой подошве гвоздик такой маленький, незаметный совсем торчит... но паркет царапает!!!!

Управляющий обалдело уставился на лакея, потом снял с ноги ботинок и внимательно рассмотрел подошву — действительно один маленький гвоздик чуть-чуть выпирал, это можно было почувствовать на ощупь. Пока он раздумывал, Орlando выхватил у него ботинок и мигом загнал гвоздь поглубже углом мраморного пресс-папье.

— Вот так лучше.

— Да ты ненормальный... — пробормотал Кавалли, надевая ботинок. — Хорошо что Его светлость тебя не видит. Идем за мной, хватит тереть этот сервант, скоро дыру протрешь.

Они спустились вниз по главной лестнице, пересекли холл и вошли в одну из дверей, которая до сего дня всегда была закрыта. Это была просторная комната, стенами в которой служили шкафы с книгами. Несмотря на три больших окна и солнечный день, в ней царил легкий полумрак, тюлевые занавеси поглощали излишний свет. На стене справа располагался камин с резным мраморным порталом и решеткой, которая, несмотря на то, что была отлита из чугуна, казалась легкой и воздушной. Перед камином стояли два кожаных кресла и маленький кофейный столик, но сейчас на нем были винные бутылки. Завершал обстановку массивный письменный стол возле окна, на котором почему-то вместо бумаг громоздились грязные тарелки.

Кавалли подождал минуту, пока Орlando оглядится, и обвел рукой комнату:

— Все это нужно убрать, чтобы было в лучшем виде. Вечером сюда придут гости, поэтому все должно блестеть. У тебя два часа, приступай. Если что, я наверху. — И он вышел, оставив лакея одного среди чудес.

Какое-то время Орlando молча созерцал неповторимое спокойствие библиотеки, но потом вспомнил, что время ограничено, и перевел свои мысли на деловой лад: уборка требовалась существенная, но за два часа всего не сделаешь, поэтому он решил ограничиться наведением порядка на видимом пространстве, а остальное можно будет потом потихоньку доделать. Бутылки, окурки, грязные тарелки переместились в корзину, камин был быстренько почищен, пыль вытерта, пол подметен. Паркет бы надо натереть, но не успею, — подумал Орlando, — да и книги в шкафах очень пыльные.

Закончив уборку, он обошел библиотеку еще раз, чтобы удостовериться, что ничего не пропустил. Книги, стоявшие в шкафах, действительно были настоящим пылесборником, его хозяйственный глаз не мог этого не отметить. Он вынул наугад пару штук, прошелся пальцем по корешкам — так и есть, а уж что творилось в шкафу за ними и вообще словами не передать. От такого количества пыли сразу засвербило в носу, пришлось срочно потереть переносицу, чтобы не чихнуть, и отойти подальше.

В руках Орlando осталась небольшая коричневая книжка с дряхлым переплетом, давно потерявшим позолоту — «Славные подвиги рыцаря Теодора Имборского». Отвернув наугад какую-то страницу, он попробовал прочесть пару абзацев, в которых рыцарь Теодор избавляет от тюрьмы базарного воришку, ставшего впоследствии его верным оруженосцем. Плутватый парень попал в серьезный переплет, воруя с лотков у крестьян, но на его счастье ему попался рыцарь, который поверил в то, что у мерзавца дома семеро детей и большая жена, а воровство — сугубо от нужды. Страница за страницей и становилось ясно, что рыцарь Теодор — такой же болван, как и герцог Карианиди, а его слуга умный и хитрый тип, умело манипулирующий своим господином.

Орlando очнулся, когда хлопнула дверь в холле, это господин Кавалли шел проверить его работу. Спешно запихнув книгу обратно, он торопливо оглянулся — вроде все было в порядке, и только тут понял, что не запомнил номер страницы. Хотя какая разница, лакею все равно нельзя пользоваться библиотекой.

Весь день до вечера Орlando вспоминал прочитанную книгу, ему до ужаса хотелось узнать, чем же кончилось дело у Теодора Имборского и его верного оруженосца. Наскоро сжевав холодный ужин, он ушел к себе, лег на сундук и принялся мечтать. Взгляд его рассеянно скользил по ситцевой занавеске, отгораживавшей угол от остального мира, переносился на облупленную стену и сундук, служивший ему постелью — в мечтах он был далеко, мчался на боевом коне с мечом в руках... Нет! Он был королем, он сидел на возвышении и слушал доклад своих министров, он решал, что же нужно сделать в стране, чтобы все ее жители, даже самые простые, могли жить свободно и счастливо. Первым делом он упразднил

рыцарей — зачем нужна эта банда бездельников, которые шарятся туда-сюда в поисках приключений, мешая другим жить и работать. Может и не стоило так круто с ними, но тут, наверное, сказалась его личная неприязнь к Теодору Имборскому, а может к герцогу Карианиди.

Полет мысли прервала Жанетта, грубо отдернув занавеску:

— Чего разлегся? Иди дров мне наноси на завтра, а то Игнасио спиной мается.

Так хотелось послать ее куда подальше, но, в конце концов, не гнать же больного и старого истопника на холод. Орlando нехотя поднялся, накинул куртку и пошел в сарай.

Последние дни заметно похолодало, к ночи вообще наступала стужа, у Орlando даже уши покраснели, пока он бегал туда-сюда за дровами. Но, пробегая мимо задней стены дома, он вдруг заметил, что створка окна в библиотеке не закрыта — он сам оставил ее днем, чтобы проветрить, а потом впопыхах позабыл. Надо бы закрыть. Но не мысль о том, что в дом могут забраться воры, тревожила Орlando, а кое-что другое.

Приготовив дрова и проследив, что Жанетта ушла в свою комнату, он прокрался через кухню до буфета, взял огарок свечи и спички, и осторожно двинулся во двор. Снаружи никого не оказалось, даже огонь в окне слесарки не горел — видимо Флавио тоже улегся рано.

Окно библиотеки было выше человеческого роста, но разве ж это препятствие для молодого и энергичного человека — в два счета Орlando подтащил к стене пустой ящик и был таков! В тишине спящего дома каждый звук отдавался эхом, поэтому ботинки пришлось снять. Первым делом он зажег свечу и запер дверь изнутри, а во избежание совсем уж любой неожиданности он плотно занавесил окна. Свечей в библиотеке было много, поэтому Орlando решил не тратить свой огарок. Он зажег несколько красивых белых свечей в торшере, взял с полки вожденную книжку, устроился в кресле и почувствовал себя герцогом.

Ночь пролетела незаметно. Когда часы на камине показали три, Орlando понял, что пора идти. С превеликим сожалением он оторвался от книги, вернул ее на место и тихонько выскользнул в окно. Через минуту он уже лежал в своей постели, счастливый, с ощущением чего-то нового и радостного.

Когда Жанетта толкнула его в бок, он не сразу очнулся. Казалось, Орlando только глаза закрыл, моргнул и выморгнул. Но грозная фигура кухарки, нависавшая над ним, не оставляла сомнений в том, что он безнадёжно проспал.

— Вот черт! — он подскочил, схватил куртку и убежал без завтрака.

К счастью, Кавалли тоже не любил рано вставать, так что опоздание Орlando осталось незамеченным, жалко только что не поел. Сегодня он решил начать с ванной, чтобы к пробуждению герцога все блестело. Несмотря на то, что спал всего два часа и совсем ничего не ел, Орlando чувствовал себя бодрым и энергичным — хоть землю паши. Работы хватало, после вчерашнего омовения на полу ванной остались лужи, которые даже за ночь не высохли, поэтому он снял куртку, закатал рукава и принялся за дело.

Потом он убирался в спальне и гардеробной, уже по привычке шаривая все углы в поисках запрятанных денег, но на сей раз не чувствовал раздражения, только удивление: у герцога целая библиотека, неужели он всю ее прочел и ему теперь нечем заняться? А если так, то почему бы не купить еще книг, ведь у него денег куры не клюют. Если бы он был герцогом, он бы не успокоился, пока не перечитал все книги в мире. Но герцогская корона в ближайшие тысячу лет бедному лакею не грозила, поэтому приходилось придумывать кое-какие хитрости.

Завидев Кавалли, Орlando подошел и доложил ему о текущих делах: в спальне закончились свечи, в умывальнике где-то глубоко засорился слив и надо бы позвать слесаря, в библиотеке жуткая грязь, которая требует капитальной и систематической уборки. Кавалли рассеянно выслушал его и велел спуститься за свечами.

— А библиотека?

— Ах да, библиотека. Вот ключ, работай. Герцог пользуется ей нечасто и только по вечерам, так что днем можешь убираться в свое удовольствие. Если библиотека будет нужна, я тебя предупрежу. — И он удалился, покручивая на пальце медное кольцо с ключами. — Скажешь Флавио, что я велел слив проверить. Не забудь.

— Да, сударь, прямо сейчас скажу. — Орlando сжал в ладони маленький холодный ключ. Сердце его гулко билось, он не ожидал, что задуманное удастся так легко. Теперь он хозяин, и может читать, сколько влезет. Дубликат ключа Орlando сделал в тот же день.

Повесть о славных подвигах Теодора Имборского закончилась довольно быстро, вслед за ней пришла очередь других рыцарских романов, которых у герцога было в изобилии. Одаренный живым умом и воображением, Орlando представлял себе заброшенные замки, тенистые аллеи и молчаливые лесные озера, красота и романтика происходящего в книгах наполняла его душу тоской по приключениям. Натирая паркет, он грезил о морях и дальних странствиях, чародеях и русалках. Интересно, а ведьмы — они волшебницы или нет? Может они тоже обладают волшебной силой, только не умеют ей пользоваться? Или умеют, но скрывают ото всех, потому что на самом деле служат могущественному правителю, решившему завоевать весь мир? Орlando грезил наяву.

Искушение бежать в библиотеку сразу после завтрака было очень велико, но Орlando сдерживал себя — он выработал свою систему, по которой он мог выкроить два часа на чтение в течение рабочего дня, ну и ночью — насколько хватит сил. Сил пока хватало, но Жанетта стала замечать, что он плохо выглядит: осунулся, похудел, глаза провалились. Рассматривая себя в зеркале, Орlando был вынужден с ней согласиться: коричневые тени под глазами, нездорового цвета кожа не украшали его и без того заурядную физиономию. Надо меньше читать и больше спать, заключил он, но как страстно влюбленный, не мог остановиться. Он читал все подряд, жадно и беспорядочно.

Теперь, когда перед ним стояла необходимость выкраивать время на чтение, он довел систему уборки до совершенства: ни одного лишнего движения, ни одной потерянной минуты. Это не значит, что он стал хуже

работать, нет — он просто стал тратить на работу гораздо меньше времени.

Каждый день он подолгу находился в библиотеке, имитируя масштабную уборку. Но несмотря на то, что большая часть этого времени уходила на чтение, уборка тоже продвигалась вперед семимильными шагами. Каждый шкаф, каждая полочка, каждый закоулок были им тщательно обследованы — он начал с первого шкафа справа от камина и двигался вперед по часовой стрелке. Для начала он освобождал полку от книг, тщательно вытирал пыль и обрабатывал дерево полиролью, потом наступала очередь самих хранилищ мудрости. В библиотеке герцога было много старинных книг, в кожаных переплетах, украшенных тиснением и позолотой — глаз не оторвать. У Орlando даже руки тряслись, когда он прикасался к этим бесценным экземплярам. Многие из них находились в плачевном состоянии, отсырели, были изъедены жучками или просто рассыпались в труху.

Орlando откладывал в сторону книги, которые, по его мнению, нуждались в срочном ремонте — он планировал поговорить об этом с Кавалли, чтобы тот в свою очередь, поговорил с герцогом. Починка книг требовала специальных знаний, и, несмотря на свою внезапно вспыхнувшую страсть, Орlando бы не взялся за эту работу. Тем не менее, уборка позволила ему оценить состав библиотеки Карианиди, благодаря хорошей памяти, он уже очень быстро ориентировался в том, что там есть, чего нет, и где что лежит.

Практически все рыцарские романы были им освоены, браться за специальную литературу он пока не решался, и размышлял, чего бы еще такого интересного почитать. Сегодня он убирал уже третий шкаф, натирая до блеска металлические части, и любясь медовой глубиной орехового дерева. Запах бумажной пыли, воспоминаний, времени — неповторимый запах библиотеки смешивался с резким химическим запахом полироли, но Орlando нравилась эта смесь. В библиотеку входили чистота и порядок. Натерев до блеска полку, он принялся за книги, тщательно исследуя каждую на предмет ее состояния. Среди множества книжек этого шкафа была одна, на которую он положил глаз — это был толстый том по истории войн короля Сигизмунда.

Дойдя до нее, он отложил книжку в сторону. Она не была такой же грязной как остальные, ее стоило только слегка протереть. Обложка была обтянута синим бархатом, а уголки были медные, с тиснением, и закрывалась книга за миниатюрную защелку, украшенную каким-то камушком. Красота, ничего не скажешь.

Присев на ступеньку лестницы, Орlando немного повоевал с защелкой, но сумел-таки открыть ее аккуратно, ничего не сломав. На толстых, глянцевых листах была написана история одного из самых кровавых царствований в истории Страны Вечной Осени. Но Орlando этого еще не знал, он с восхищением разглядывал аккуратный мелкий шрифт, причудливо выписанные заглавные буквы и конечно же картинки, которые во множестве попадались на страницах. Карты, стрелки, схемы

— все это было чудно и непонятно для юноши, впервые в жизни отк-
крывшего такую книгу.

Дух захватывало. Орlando не вытерпел, заткнул тряпку за пояс и углубился в чтение. Это оказалось даже увлекательнее рыцарских романов, реальная, живая история, написанная талантливейшей рукой, поразила его воображение с первых страниц. Он понимал, что сейчас читать не следует, надо отложить книгу и убираться, но не мог противостоять искушению. Минуты летели, а он все сидел на лестнице, поглощенный чтением и даже не слышал приближающихся шагов в коридоре.

Кавалли, а это был он, шел предупредить Орlando, что сегодня нужно управиться поскорее, так как его светлость ждет гостей и библиотека будет нужна. Уже спустившись с лестницы, он обратил внимание на абсолютную тишину, но тут зазвенел колокольчик у входной двери — кто-то незваный явился к герцогу с визитом.

Этот колокольчик услышал и Орlando, но такое случилось время от времени. Ничего необычного в этом не было — управляющий просто спровадит непрошеного гостя и все. Он перевернул очередную страницу и меж пальцев его выскользнул белый листок, спланировал самолетиком и приземлился на пол. Пришлось встать.

Листочек явно выпал из книги, но это не была оторванная страница. Листы в книге были пожелтевшие от времени, а листик — тоненький, беленький, как будто вчера положенный. Подняв с пола, Орlando развернул его и увидел строки, написанные витиеватым почерком:

«Милостивый государь, я возьму на себя смелость утверждать, что наша вчерашняя встреча является залогом долгого и счастливого сотрудничества. В свете последних событий, невозможно долее наблюдать, что дела находятся в плачевном положении, казна пуста, и что прихоти безнравственного монарха ведут государство к гибели. Но еще более губительным видится путь, на который толкает страну Его безумное Величество: разве возможно допустить, чтобы древняя кровь, истинная гордость королевства оказалась уравненной в правах с батраками и нищими? Никогда дворяне не платили податей, и теперь не станут — иначе зачем существовать самой судьбой определенному порядку, который выдвинул достойных, оставив скверну прозябать в нищете? Но кругом царит ложь, несправедливость и круговая порука, недостойные люди окружают столь же недостойного монарха и никто не осмеливается поднять голос в защиту чести и достоинства истинных аристократов.

Вы, по своему происхождению, незаурядному уму и выдающимся заслугам являетесь единственным, природным вождем для всех, несправедливо притесняемых несправедливою властью. Вы можете повести за собой всех, чьи сердца жаждут перемен, Вы можете зажечь этот факел, который разожжет пожар негодования. Так будьте же нашим предводителем, будьте нашим знаменем! И пусть король Ибрагим и его жадная свита получают по заслугам!

Умоляю Вас, Ваша светлость, не хранить это письмо — шпионы короля повсюду, они могут быть и в вашем доме. О следующей встрече

я и маркиз Фредриксен известим вас дополнительно. Примите мои уверения в совершеннейшей преданности»

И в этот момент открылась дверь — вошел Кавалли. Он был явно не в духе, и вид книг, лежащих на полу, кротости ему не добавил:

— Что здесь происходит? Почему такой бардак?

Орландо, если честно, не сразу сообразил, кто перед ним и чего ему нужно — записка произвела на него эффект хорошего удара по голове. Но, сделав над собой усилие, он рассеянно почесал голову и сказал:

— Да вот, сударь, страничка из книги вылетела, не могу найти из какой именно. Вы не разговаривали с господином герцогом насчет переплетчика?

Очень своевременный ход, Кавалли мгновенно забыл про листок в руке лакея и почувствовал себя неловко:

— Мммм... нет еще. Некогда мне, видишь — я занят.

— Обязательно поговорите, сударь, господин герцог вас уважает и к вашим словам прислушивается.

— Ладно, ладно, поговорю... Я это, пришел сказать, что библиотека сегодня понадобится, так что заканчивай по-быстрому.

Он потоптался еще немного и быстро вышел. Орландо выдохнул. Найденный листок он положил на место, быстро протер книги и расставил их, как было. Можно было пообедать, но Орландо чувствовал, что сейчас ему необходимо побыть одному и обдумать содержимое записки.

Как всегда в таких случаях, он вышел на Черешневый бульвар и стал прогуливаться неторопливым шагом. Было у него одно любимое место — качели в саду графа Саиди. Он часто останавливался у ажурной решетки и смотрел сквозь нее на романтическое и умиротворяющее место, представляя себе, что он там, на деревянной скамеечке, раскачивается тихонько взад и вперед, задевая ногами ярко-желтые кленовые листья.

Но сейчас он был слишком взбудоражен. Это надо же, герцог Карианиди замешан в заговоре! Но ведь он полный болван — или умело притворяется? Впрочем, вряд ли, не был бы болваном, не хранил бы такие письма в книгах. И что же теперь делать? Донести на герцога? Именно так и следовало поступить, но что-то шептало Орландо, что он так не поступит.

— Если баре дерутся, у холопа чуб трещит. Постою-ка я подале от барской драки, пусть сами разбираются. Я ничего не видел, никаких писем не читал, да я вообще читать не умею, где мне в деревне выучиться? Ой, права была Жанетта, сильно умному нашему брату быть нельзя. Пойду-ка я супу поем.

Но найденная им записка не была последней. Теперь он внимательно просматривал каждую книгу, перед тем как поставить ее на полку и, к своему удивлению, находил еще письма, причем с каждым разом все интереснее и интереснее.

В письмах частенько упоминались имена маркиза Фредриксена и графа Амоладу. Орландо были знакомы эти люди, они частенько наведывались к герцогу, чтобы пошептать в библиотеке. Маркиз Фредриксен был толстенький, низенький человечек лет сорока пяти, с лицом, усыпан-

ным бородавками. Он носил бархатные камзолы попугайских расцветок, и все время крал в прихожей гостевые зонтики. Но Орlando не любил его за то, что он имел привычку лепить жеванные табачные катышки на ручки кресла в библиотеке. Каждый раз, отдирая присохшие комочки, он морщился от отвращения, и костерил глуповатого маркиза на чем свет стоит.

Второй же, граф Амоладу, был человеком скрытным. Смуглый, черно-волосый, он одевался неприметно и ходил бесшумно, паркет не царапал, но Орlando он не нравился еще больше. В отличие от Фредриксена, этот человек мог представлять из себя угрозу, он выглядел гораздо умнее своих товарищей. Хотя учитывая, что его имя упоминалось в письмах чаще других, он вовсе не так умен, как кажется. Но герцог, похоже, форменный болван — это надо же, хранить письма с проектами заговора в собственной библиотеке! И теперь лакей был в полном курсе его дел.

Орlando знал не только из писем, что положение в стране не очень. Он жил обычной жизнью, общался с людьми, иногда ходил на рынок — цены были высоки, а народ беден. Король не очень-то утруждал себя управлением, он больше увлекался охотой и женщинами. Ему бы это охотно простили, если бы он вдруг не заимел намерения поправить дела в королевстве. Причем таким кощунственным способом, что даже страшно: король решил, что раз крестьяне и торговые люди платят налоги, то неплохо бы и дворянству делать то же самое. Совсем ума лишился.

Так было написано в письмах, в которых герцогу Карианиди настойчиво предлагали роль освободителя страны от безумного монарха, и, возможно, его преемника. В одной книге Орlando нашел генеалогическое древо Сигизмундовичей, правивших страной много веков подряд. Начало династии положил король Сигизмунд, некогда удельный князь Плеризельский. Династия продолжалась по прямой линии 315 лет, вплоть до кончины королевы Брижитт, которая не имела наследников. После нее править стала ее невестка, жена, вернее вдова старшего брата королевы — так чистота династии оказалась несколько подпорченной. Однако это не помешало множеству других королей и королев спокойно сидеть на троне Страны Вечной Осени, причисляя себя к Сигизмундовичам, равно как и нынешнему королю Ибрагиму.

Карианиди же были выходцами из Тридесятого царства, оказавшими неоценимую услугу правящей династии — они перешли вместе со своими землями и людьми под юрисдикцию Страны Вечной Осени, что позволило замкнуть границу страны в горном кольце Таг-Тимир. Королева Брижитт совершенно справедливо оценила это как великую услугу, и возвела главу рода в герцогское достоинство. Однако, не вполне доверяя новоприобретенным патриотам, она поспешила реквизиловать в казну приграничные земли возле Драгунаты, взамен пожаловав Карианиди угодья в Плеризеле. Все остались довольны, кроме Збигнева, повелителя Тридесятого царства, который навечно предал анафеме род Карианиди.

И еще одно занятное письмо Орlando откопал в документах: автор этого письма, пожелавший остаться неизвестным, писал герцогу Карианиди о том, что после королевы Брижитт правила королева Мириам, вдо-

ва принца Огюстена, старшего брата Брижитт. У нее было двое детей — старший от первого брака с неким князем Фазрухом, и младший — от принца Огюстена, который впоследствии и стал королем под именем Сигизмунда II. Старший же, носивший титул князя Фазруха, стал мужем некоей благородной девицы и отцом не менее благородной девицы, которая, достигнув совершеннолетия, вышла замуж за одного из Карианиди, и являлась пра-пра-прабабушкой Его Светлости.

— Но это же знает каждая собака! — подумал Орlando. Но самое интересное только начиналось. Автор письма утверждал, что брак Мириам с князем Фазрухом был насильственным — родители девушки пошли на это, чтобы прикрыть грех. Какой мог быть совершен грех, что принц Огюстен пошел на отречение от престола, только чтобы жениться на женщине с ребенком, когда она овдовела? Он уступил право на престол своей сестре ради Мириам, и, по воспоминаниям, очень любил ее старшего сына. Это может значить только то, что первый сын королевы Мириам вовсе не был князем Фазрухом, а являлся законным наследником престола! А так как у него была одна-единственная дочь, то она принесла право на корону Страны Вечной Осени в род своего мужа — герцога Карианиди. В доказательство автор приводил воспоминания различных людей о том, что принц Огюстен обожал Мириам с подросткового возраста, о том, что родители принца были против этого брака, и даже о том, что княгиня Мириам Фазрух родила здорового мальчика на седьмой месяц после замужества.

— Все это конечно, увлекательно, но это полная чушь. Через триста лет доказать, что Огюстен являлся отцом этого мальчика, невозможно, а без доказательств это домыслы, которыми старухи развлекаются на заваинке. С жиру бесится Его Светлость, пухнет от безделья.

БУММ!!! Гулко стукнули часы в гостиной, и Орlando очнулся. Была уже половина третьего, и следовало поспешить, чтобы успеть все убрать до прихода герцога.

247-е выдалось пасмурным и холодным. С самого утра шел дождь, и не то чтобы нормальный грибной ливень, а мелкий, противный сеянец. Дождь проникал под навесы, в оконные рамы, сыпался мелким горохом за шиворот. Неба вообще видно не было, сплошное серое месиво висело над головой, и, подобно погоде, все были хмурыми и неприветливыми.

Жанетта плохо выпалась, злобно ворчала, а суп был здорово пересолен. Но Орlando больше занимало другое — куда-то пропала кошка. Она не приходила ужинать, и на завтрак тоже не явилась, сейчас был уже обед, но ее никто так и не видел.

— Кошка не приходила? — с беспокойством спрашивал он у кухарки, глядя на заветрившееся мясо в миске.

— Нет. Не знаю, где ее носит. Может, в сарае дрыхнет?

— В такую погоду? Смотри, вон и мясо несъеденное.

Жанетта почесала голову:

— М-дааа... Пришла бы уже что ли — если кошка пропадает, это дурной знак, попомни мое слово.

По поводу суеверий Орlando не очень беспокоился, а вот за кошку переживал — она была молодая и глупая. Надев плащ истопника, он обошел весь двор, пытаясь обнаружить беглянку, но только зря вымок.

— Циля, Циля, Циля, кыс-кыс-кыс...

Никого. Он решил обследовать и господский сад — вообще-то слугам не разрешалось туда заходить, но Орlando подумал, что в такую погоду даже Кавалли носа на улицу не высунет, не говоря уж о герцоге.

Сад был словно закутанный в серую простынь. Стена морозящего дождя ограничивала видимость пятью шагами — было ясно, что если Циля не сошла с ума, она не будет сидеть здесь в холоде и сырости. Орlando повернул назад, и вдруг услышал тихий скрип — отворилась задняя калитка. Кто это мог быть? Герцог дома, Кавалли тоже, да и слуги никуда не выходили...

Он тихонько отодвинулся за дерево, накрывшись плащом. Словно тати в ночи, стараясь не шуметь, мимо него прошли шесть или восемь человек, одетых в черную форму королевской тайной полиции.

— Вы трое — охранять выходы, остальные — за мной. Я буду говорить, а вы — в библиотеку. Сами знаете, что мы ищем... — и черные фигуры растворились в пелене дождя.

Вот это дела! Орlando быстро и бесшумно выбрался из сада и поспешил на кухню. Так. Панику поднимать не стоит. Он быстро вошел, снял плащ и даже что-то ответил на вопрос Жанетты о пропавшей кошке. И так же быстро исчез в коридоре, ведущем в господскую часть.

Как бы хорошо ни готовились полицейские к своему визиту, но Орlando в этом доме жил. Он изучил его как свои пять пальцев, и через минуту был в библиотеке. Сердце его отчаянно билось, но голова была холодной — он понимал, зачем пришли сюда эти люди, и также понимал, что времени у него в обрез. Минуты две они там потолкуют в зале, а потом пойдут сюда, за это время нужно вытащить из книг все ненужные бумаги и успеть уйти. Задача не из легких.

А зачем мне это нужно? Герцог сам натворил глупостей, пусть и выпутывается как знает. Мое-то какое дело? Никакого — поспешил ответить он сам себе, но... разве я хочу всю жизнь мыть полы и вытирать пыль?

Одна секунда и Орlando решился. Он презирал Карианиди за пустоту и глупость, но через герцога он мог совершенно изменить свою жизнь. И он начал действовать: семнадцать книг в пяти шкафах, и не более пяти минут на все. Нельзя было делать ни одного лишнего движения: одно, другое, третье... а голоса в коридоре приближались, и, судя по тону, там назревал скандал. Орlando метался от шкафа к шкафу, отчаянно стараясь ничего не задеть и не уронить.

— Не пушу! Что вы себе позволяете! Да вы вообще знаете, кто я?!! Попрощайтесь со своей работой, и с хорошей жизнью заодно!!!

— Молодец... молодец... ори громче, — Орlando доставал двенадцатое письмо. Оставалось еще два шкафа. Все движения его были рассчитаны как по нотам: бесшумно открыть дверцу — раз, достать с полки нужную книгу — два, вытряхнуть на кресло содержимое — три, поставить на место — четыре, закрыть дверцу — пять.

Когда содержимое последней книги скользнуло в кресло, ручка двери резко опустилась. Орландо замер, чувствуя, как сердце остановилось на мгновение. Вверх, потом вниз, потом снова вверх — голос герцога звучал у самой двери. Первым побуждением было забиться под стол, ослабшие ноги подогнулись, и ладони моментально вспотели. Но, вопреки порыву, он аккуратно собрал письма, сунул их за пазуху и застегнул куртку. Движения были несуетливыми, и даже медленными. Орландо огляделся, подошел к окну и открыл задвижку. Выскользнул на подоконник, и только там заметил, что лестницы снаружи не было. Когда он лазил в библиотеку через окно, она всегда там стояла, но уже давно он ходил через дверь, чем и воспользовался слесарь, пристроивший лестницу в сарай.

Катастрофа. Стоя на узком каменном подоконнике, Орландо думал, как бы ему спрыгнуть в сад, ничего не сломав и не попавшись шпикам. Но было поздно — щелкнул ключ и шесть или семь человек одновременно ворвались в библиотеку. Это было безумие — скрытый от глаз бархатной портьерой, Орландо скорчился на залитом дождем подоконнике. А если вдруг кто-нибудь решит ее отдернуть?

Страх сжимал горло, сжимал пальцы, которыми он держался за деревянную раму. Сердце колотилось так громко, что он начинал всерьез бояться, что люди в библиотеке его услышат. Сейчас все бумаги герцога были при нем, и если его поймают, он погиб. Никто в целом мире не мог себе представить, как страстно Орландо желал оказаться как можно дальше от этого места! Но не мог — он был в ловушке, за углом под деревом притаился сыщик, Орландо мог слышать, как он переминается с ноги на ногу. А в библиотеке шел масштабный обыск — нужно отдать им должное, сыщики явно знали, где искать. Весь недавний маршрут Орландо, от одного шкафа к другому, был ими повторен в точности, но увы — птички улетели. Судя по нарастающему шуму, обыск принял сплошной характер, а Орландо, все так же цепляясь окоченевшими пальцами за раму, размышлял на тему: откуда у тайной полиции такие подробные сведения?

Если бы лакей мог видеть сквозь портьеру, то герцог Карианиди показался бы ему достойным зрелищем — бледный и дрожащий, он прислонился к столу, словно искал опору. Глаза его ввалились, за пять минут он постарел на десять лет. Не смея протестовать, он только молчал и трясся. Но, по мере того, как обыск безуспешно продвигался, лицо его становилось все более и более непроницаемым. Нет, он совсем не был героем, но происходившее потрясло его не меньше, чем сыщиков, и от изумления он лишился не только дара речи, но и каких-либо видимых эмоций.

Библиотека больше походила на поле боя, многодневный кропотливый труд Орландо пошел прахом. И чем больше книг печально ложилось на пол, тем выше поднимал голову герцог Карианиди:

— Ну что, господа, вы нашли, что искали? Я хочу знать, до каких пор будет продолжаться этот цирк? Может в оранжерею пройдем, в цветочках покопаемся? — голос его креп с каждой минутой. Он уже и ножку выставил вперед, и грудь выпрямил.

— Извините, Ваша Светлость, — начальник полиции с совершенно багровой физиономией склонился перед герцогом. Впечатление было такое, как будто не он сам кланялся, а ему на плечи положили каменную плиту. — Прошу покорнейше нас извинить, мы выполняем свой долг, не более того.

— Такие вещи не прощаются, милейший. Вы совершили очень большую ошибку, я бы сказал — роковую. Так что не взыщите, теперь мой ход. И я бы попросил вас избавить меня от своего присутствия.

Начальник полиции с усилием выпрямился и, пошатываясь, вышел из библиотеки, сопровождаемый растерянными подчиненными. Герцог проводил их надменным взглядом, и жестом велел Кавалли проводить непрошенных гостей. Едва за управляющим закрылась дверь, он рухнул в кресло и обхватил голову трясущимися руками. Чудом, невероятным чудом он избежал гибели, сам не понимая как. Но куда могли деться эти семнадцать писем? В чьих руках они теперь находятся? Его светлость снова облился холодным потом.

Испуг был настолько силен, что он не сразу расслышал тихий скрип оконной рамы. Остолбенев окончательно, герцог молча смотрел на мокрого, зачочневшего лакея, ввалившегося в комнату через окно. Первым делом Орlando закрыл раму, а потом прошел к камину и протянул к огню негнущиеся пальцы. Тепло ударило волной в голову, налило свинцом веки, зажгло кожу на щеках, и поползло вниз по ногам. Орlando молча стоял и наслаждался им, закрыв глаза и протянув вперед руки. Когда он наконец открыл глаза, то увидел перед собой герцога, смотрящего в его лицо безумным взглядом, и вспомнил, зачем он здесь.

Много мыслей роилось в его голове по поводу своего хозяина, и не было среди них ни одной лестной. Со вздохом Орlando достал из-за пазухи письма, пересчитал их и отдал потрясенному герцогу. Теперь он мог идти, но обернувшись в дверях, показал на камин и сказал негромко:

— Там им самое место, — и аккуратно закрыл за собой дверь.

Глава 3. КРИК

Прошла уже неделя с тех пор, как в дом приходили сыщики. Все улеглось, Орlando не упоминал о произошедшем. Он вообще не видел герцога, а кроме герцога и разговаривать об этом было не с кем. Самое главное было то, что он нашел Цилю, и теперь, когда его любимица блаженно дремала возле печки, он обнаружил, что совершенно забыл про герцога и его письма.

— Интересно, сжег он их наконец или опять разложил по книжкам? — усмехнулся парень про себя. Сегодня он закончил уборку рано, а раз выдалась свободная минутка, можно и что-нибудь хорошее сделать, например, пересмотреть свой гардероб на предмет дырок. Очень приятно сидеть в дождливый день возле печки, слушать кошачье мурлыканье и не спеша штопать прохудившийся носок.

— Жанетта, скажи мне, душа моя, ты когда научишься руки мыть? Хорошо, что господин герцог не видит, как готовятся его котлеты, а то его бы тошнило целую неделю.

— Это ты мне скажи, в кого ты такой зануда? Неудивительно, что ты до сих пор не женат — ни одна девушка в здравом уме за тебя не выйдет.

— Печально, но факт, Жанетта. А может дело не в моем скверном характере, а в том, что мое сердце уже занято? — Орlando принял томный вид.

— Фу-ты, ну-ты... И кто эта несчастная?

— О-о-оо, это неприступная и жестокая женщина, которая не замечает моих страданий. Но она прекрасна, как воскресное утро, когда его светлость дрыхнет до обеда! Как свежая булка с мясом, как зарплата без взысканий! И если бы она еще мыла руки и пол в кухне, цены бы ей не было! — и он расхохотался.

Жанетта сделала вид, что страшно рассердилась, даже махнула кухонной тряпкой в сторону Орlando.

— Все бы тебе ржать, охальник! Даже и не мечтай, я верна Игнасио!

— Ах так! Игнасио, нам придется драться. Ты меня слышишь? Выбирай оружие — зубочистки или сковородки?

Услышав свое имя, Игнасио проснулся и закрутил головой, силясь понять, почему Орlando с Жанеттой дружно хохочут. Пока он соображал, дверь в кухне отворилась, и вошел озабоченный Кавалли.

— По какому поводу веселье?

— Извините, сударь, мы просто шутим. Его светлость желает чего-нибудь?

Кавалли потер переносицу.

— Да. Он желает тебя видеть, Орlando. Интересно, что ты натворил?

— Не могу знать, сударь, вроде все было нормально. — Орlando отложил носок и сменил выражение лица на более озабоченное.

— Следуй за мной. И без шуточек, пожалуйста.

Герцог принял его в библиотеке. За прошедшую неделю он здорово осунулся и постарел — плечи ссутулились, под глазами набрякли мешки. Он курил, и вся комната плавала в сизом мареве. Увидев Орlando, он отпустил удивленного управляющего, сказав, что желает говорить с ним наедине.

Орlando был готов к такому разговору, а вот герцог заметно нервничал. Перво-наперво его интересовало, как Орlando узнал про письма.

— Ваша Светлость, я убирал в библиотеке, а как вы знаете, я делаю это на совесть. Мне не составило труда их найти, но никто и никогда бы об этом не узнал, если бы не счастливый случай. Да-да, Ваша Светлость, считайте, что вам крупно повезло. Я знал, где письма, я вышел в сад искать кошку и увидел полицию, я успел их забрать, и никто не отдернул портьеру и не увидел меня, сидящего на подоконнике. Просто невероятное везение!

Герцог слушал молча, сигаретный мундштук в его длинных пальцах дрожал. Он был подавлен. А Орlando решил рискнуть еще разок:

— Вы меня простите, Ваша Светлость, но что это за тайна, если ее может узнать любой лакей? Вам следует быть осмотрительнее и не доверять никому, тем более в таких делах.

— Ты прочел бумаги? Да как ты посмел? — черные глаза Карианиди вспыхнули гневом.

— Очень хорошо, что посмел — иначе вы бы сейчас сидели в другом месте. А вы лучше задайте себе вопрос, почему полиция вообще к вам пришла?

Гнев герцога утих, как по волшебству.

— Вы вот переживаете, что король заставит вас платить налоги, а я бы на вашем месте переживал, что он не станет этого делать. Есть более простой способ — обвинить в измене богатого человека, казнить его и отобрать имущество.

Орландо брякнул первое, что пришло ему в голову после прочтения «Истории царствования славного короля Петри», который охотно практиковал данный способ. И, судя по тому, как побледнел Карианиди, он попал пальцем в небо.

— Наверное мне стоит кое-что объяснить... — герцог нервно теребил бородку. — В Стране Вечной Осени два могущественных рода. Три. Но третий... третий...

Он запнулся.

— Есть я, герцог Карианиди. Есть князь Сапатеро. Мы приближены к королевской особе и вместе со своими приближенными составляем двор. Разумеется, мы не ладим — Сапатеро со своим дурным влиянием совсем прибрал короля к рукам. Это он подsunул ему в постель Маринку Эрдоган.

Орландо внимательно слушал.

— Но в отличие от меня, Сапатеро все в долгах, как и Его Величество, и постоянно ищут, где бы пошакалить. Есть еще третий — князь Аль-Нижад со своими родственниками. Они очень богаты, но редко появляются при дворе. Они основывают предприятия и копят деньги, как какие-нибудь менялы. На какого из Аль-Нижадов не посмотри, он то глава банка, то торговой концессии, то еще чего. Торгаши, а не аристократы.

— А кто богаче, вы или Аль-Нижад?

— Я. Но это если брать одного князя, а если всех их, то, наверное, они. Какое это имеет значение?

Навязчивая и неприятная мысль крутилась в голове у Орландо, и он пытался поймать ее за хвост, но пока не получалось.

— Если бы я был король... предположим. И мне очень нужны были деньги. А рядом у меня три человека: один гол, как сокол, другой богат и одинок, третий богат и окружен толпой таких же богатых родственников. Кого бы я выбрал на роль жертвы? Вас, Ваша Светлость.

— Почему меня?

— У вас есть деньги, и с вами возни меньше. Я бы не рискнул ворошить осиное гнездо Аль-Нижадов. Да, собственно, есть неопровержимые доказательства, что выбрали именно вас — у вас уже была полиция.

Не странно ли, что эти господа сразу двинулись сюда, как будто кто-то снабдил их инструкцией по поиску?

Орландо запнулся, испугавшись того, что сказал. Он покраснел, потупился и втянул голову в плечи, ожидая расправы. Но герцог молчал, и Орландо рискнул поднять глаза.

— Как ты думаешь, кто это мог быть? — герцог выглядел растерянным и жалким. Ситуация была серьезной, раз уж он решил просить совета у лакея.

— Тот, кому выгодно ваше падение. Все на свете делается ради выгоды.

Карианиди нервно затаился. Орландо, не любивший запаха курева, ругнулся про себя и постарался отодвинуться подальше.

— Послушай... У меня есть к тебе предложение. — Его Светлость встал и подошел вплотную, разглядывая парня в упор. — Я хочу иметь своего человека в доме. Мне нужен... ну, личный помощник. Человек, который будет моими глазами и ушами. Ты прав, кто-то шпионит за мной. Надо найти этого шпиона, а заодно я хочу знать, что думают мои слуги.

Брови Орландо поползли вверх, чего-чего, а подобного предложения он не ожидал. Стать шпионом, чтобы найти шпиона? Извините, не на такую благодарность он рассчитывал, сидя под дождем на подоконнике.

— Простите, Ваша Светлость, а зачем? — Орландо не смог сдержать усмешки, — иных вещей лучше не знать.

— Как это не знать?! Я хочу знать, кто выдал меня полиции!

— Это точно не ваши слуги. Выдал вас кто-то из так называемых друзей, и при этом, возможно, воспользовался сведениями от кого-то в доме. Причем и это не факт, потому что вы сами могли рассказать или показать «доброжелателю», где хранятся письма. Ищите корень зла, а не рубите ветки. Попробуйте вспомнить, как все началось, и кто пишет вам вещи, которые лучше говорить с глазу на глаз? Кто втягивает вас в подобные предприятия, а главное — зачем?

Герцог сидел с ошарашенным видом. Орландо, засунув руки в карманы, прохаживался перед камином. Еще утром он бы не посмел так говорить со своим господином, но сейчас действовал по наитию и был убежден, что поступает правильно.

— Вы действительно хотите знать, о чем думает кухарка Жанетта, или насколько нравится ваш новый костюм слесарю Флавио? Шпионство мелкого пошиба, Ваша Светлость, пользы не принесет. Если вы недовольны расходами на дом, это можно поправить, если вы недовольны работой слуг — это тоже можно поправить. Но нет нужды влезать в головы к людям. Исполняйте свои обязательства, требуйте от них исполнения своих, и все будет хорошо.

Орландо намекал на заработную плату, которую герцог Карианиди не имел обыкновения выплачивать вовремя, но тот намек не понял. Он обалдело смотрел на своего лакея, открыв рот. А Орландо понял, что нащупал нужный рычаг — именно такой стиль общения с герцогом мог принести ему успех. Трусоватый и слабовольный, Карианиди подсознательно искал, на кого бы опереться, а этот юноша, несмотря на молодость, внушал ему чувство спокойствия.

— Но... что ты предлагаешь?

— Я?

Орландо остановился. Сейчас он мог сыграть ва-банк и выиграть, а мог потерять все и еще быть поротым за наглость. Но трус потому и называется трусом, что никогда даже не попробует свою удачу.

— Я предлагаю вот что: я могу стать управляющим в вашем доме вместо господина Кавалли. Уверен, что сэкономлю вам много денег и сделаю вашу жизнь более комфортной.

— Но... а как же шпион?

— А шпион... выйдет вон... — загадочная улыбка заиграла на губах парня. Герцог прикрыл рот ладонью:

— Ах вот оно что... Хорошо, Орландо, действуйте, я поручаю это вам, но я хочу быть уверен, что буду в безопасности.

— Не извольте беспокоиться, Ваша Светлость, я вас не подведу. Но для вашей безопасности моих усилий мало, вам придется и свои приложить.

Герцог испуганно закивал.

Орландо повернулся и вышел из библиотеки насколько мог ровно. Оказавшись в холле, он прислонился к стене, боясь упасть. Переворот в его судьбе совершился слишком быстро, он даже и мечтать не мог, что герцог назовет его на «вы» и сделает управляющим. Был ли он уверен в предательстве Кавалли? Нет, совсем нет, но получилось очень удачно — формально Орландо его не обвинял, а уж что там герцог себе надумал, это дело десятое. В конце концов, даже если Кавалли и не предатель, то он просто вор и скотина, и доверять ему нельзя.

Вернувшись на кухню, Орландо кинулся к буфету, вытащил лист бумаги и карандаш и почувствовал дурноту. Внезапное головокружение прервало его лихорадочное движение и заставило оглянуться по сторонам. Кругом была все та же кухня, грязная и засаленная, да кухарка с истопником — вот и весь его жизненный опыт. Ну не безумие ли думать, что неотесанный деревенский парень в состоянии управлять домом герцога Карианиди? Безотчетный страх сковал Орландо, он почувствовал сильнейшее желание кинуться к герцогу и отказаться от новой должности.

— С тобой все хорошо? — Жанетта выглядела испуганной. — Что тебе старый хрыч сказал-то? Выгонит?

— Выгонит... — Орландо бессознательно повторил за ней последнее слово. — Выгонит? Как бы не так!

Он схватил бумажку и исчез в своем углу, оставив Игнасио с Жанеттой недоумевать по поводу случившегося.

Вечером герцог собрал весь персонал в холле. В свете настенных факелов и огромной сияющей люстры, он выглядел помпезно и торжественно — некоторые из слуг были здесь впервые и испуганно молчали, подавленные величием господского дома.

— Однако, — подумал Орландо, — при вечернем освещении все выглядит намного роскошнее, свечи скрадывают несовершенства. Никогда не буду убираться при свечах!

Он еще не освоился с мыслью, что ему больше не придется убираться. Никто в доме, кроме герцога, об этом не знал. Даже Кавалли, хоть и не понимал, что происходит, не выказывал особого беспокойства — мало ли что может прийти в голову Его Светлости с похмелья.

Герцог появился торжественно, словно готовил парадный выход. Он спустился по боковой лестнице из своих покоев и остановился на площадке, возвышаясь над всеми.

— Добрый вечер. Я собрал вас, чтобы сделать важное заявление. С сегодняшнего дня у вас будет новый начальник. Я долго наблюдал и наконец нашел достойного человека, который будет руководить этим домом, а вы все будете исполнять его распоряжения. Он будет вправе отдавать приказы, поощрять и наказывать вас, и он же будет нести ответственность за все происходящее. Для вас его слово — закон, превыше которого только мое слово. Все понятно?

Тихий ропот, как ветерок пролетел над собравшимися людьми. Знамо дело — новая метла по своему метет, а простому человеку чем меньше перемен, тем лучше. Кто знает, что там будет впереди, а к господину Кавалли уже привыкли. Не к добру это...

— Итак, позвольте мне представить нового управляющего.

Герцог сделал призывный жест рукой, и Орlando, отделившись от толпы, поднялся на несколько ступенек. Теперь он стоял рядом с герцогом, и видел своих товарищей у подножия пути, который он так быстро и счастливо одолел.

— Аахх... — единым вздохом пронеслось по залу. Герцог поднял руку, призывая к молчанию.

— Вы все знакомы с Орlando, — он сделал паузу, а потом продолжил с многозначительным нажимом, — господином Орlando. С этой минуты он является моим управляющим вместо господина Кавалли и будет исполнять все его обязанности. А господин Кавалли будет переведен в мое загородное поместье.

Закончив речь, Его Светлость сделал приглашающий жест, давая понять Орlando, что теперь его очередь выступить. Орlando достал из кармана исписанную бумажку и почувствовал, что пальцы совершенно мокрые.

— Я хочу поблагодарить Его Светлость за оказанную честь, и клянусь, что оправдаю высокое доверие. Я так же хочу поблагодарить моего предшественника, господина Кавалли, за проделанную работу. Тем не менее, в текущем положении дел есть некоторые моменты, которые необходимо исправить...

Интересно, поняла ли Жанетта, напряженно слушавшая своего бывшего товарища, что теперь ей придется каждый день мыть пол?

В жизни Орlando многое изменилось — теперь он не спал ночами, но не потому, что читал, а потому что ему срочно надо было вникнуть в большой объем новой информации. Он забрал у Кавалли ключи и приходно-расходные книги там же, на лестнице, не дав ему ни малейшего шанса опомниться. Плевать он хотел на оскорбления разъяренного дворецкого, но бухгалтерия была для него китайской грамотой. Орlando по-

нимал, что, обозвав его неучем и деревенщиной, Кавалли был не так уж неправ.

Но он был упрям, и сдаваться не собирался. Теперь он один занимал целую комнату — мансарду с большим окном, выходившим на крышу. Высокие деревья, росшие в саду, днем создавали тень, а вечером умиротворяюще шуршали, навевая сон. На крыше жили голуби, и это обстоятельство особенно нравилось Орландо. Ему приятно было просыпаться под их озабоченный клекот и негромкое топотание.

Комната раньше была нежилой, но новый управляющий распорядился не менять в ней ничего, только вымыть до блеска и поставить стол у окна. Низкий скошенный потолок, некрашеный пол, кровать, шкаф и стол — вот и вся обстановка господина Орландо. Есть ли смысл становиться господином, если живешь так просто? Но это была мысль, достойная кухарки.

Уже почти стемнело, верхушки деревьев выделялись черными силуэтами на фоне неба. Голуби притихли, готовясь ко сну. Будет дождь, подумал Орландо, втянув ноздрями влажный воздух. Он распахнул створки окна и зажег свечу — на столе громоздилась груда бумаг, их все надо было рассортировать, изучить и понять, а это труд немалый. Но душа его была полна радости.

В процессе работы начало выясняться кое-что интересное. Орландо выписывал все, казавшееся ему непонятным, подозрительным или просто любопытным, и листы бумаги быстро покрывались записями. Несмотря на то, что на кухне он не работал уже несколько месяцев, он был в курсе всего происходящего. Но сколько он не силился, он не мог вспомнить, чтобы Жанетта готовила телячью вырезку. Или, например, утиную печенку высшей категории. Мясо, привлекавшее его внимание, было не лучшего сорта, а то и вовсе несвежим, но если верить счетам мясника, в дом герцога регулярно поставлялись мясные деликатесы. Орландо взял отдельный лист бумаги и стал подсчитывать общее количество, а закончив, даже присвистнул: согласно приходно-расходной книге, Его Светлость в день съедал полтора телянка, пару гусей и трех куриц.

— А неплохой у него аппетит! — он расхохотался. В конце концов, расходы были распределены для тщательной проверки. Завтра с утра он решил обойти наиболее подозрительных поставщиков, чтобы к обеду сделать доклад герцогу и не быть голословным.

— Я был у мясника, Ваша светлость, но разговаривал с его подмастерьем. — Орландо разложил перед герцогом несколько бумаг. — Смотрите: вот обычные отпускные цены на мясо, по этим ценам его покупают все, в том числе приказчики из господских домов. А теперь сравните их с ценами в наших накладных — видите разницу?

Герцог старательно морщил лоб, пытаясь вникнуть в суть сказанного. А Орландо подождал немного, давая ему переварить информацию, и продолжил:

— Я сделал вид, что хочу ммм... немного подзаработать за счет своего господина, и спросил — возможно ли делать приписки в накладных о том, что поставлено скажем, две телячьи туши вместо одной?

— Зачем? — тупо спросил Карианиди.

— Затем что разницу пополам. Вы можете с уверенностью сказать, сколько мяса Вы съедаете каждый день? А колбас? Вот, например, сколько телят, гусей и кур вы съели в прошлом месяце?

— Ммммм...

— Согласно приходным накладным, Ваша Светлость изволила скушать 46 телят, 68 гусей и 93 курицы. 46 телят! Это целое стадо. Никогда бы не подумал, что Вы так прожорливы.

До герцога, похоже, начало доходить — он изменился в лице и стал стремительно багроветь. Орландо краем глаза это отметил и усмехнулся про себя, перелистывая записи:

— Теперь о винах. Виноторговец по имени Шобле в природе не существует, зато существует печать с его именем, которую я нашел в столе господина Кавалли. За текущий год господин Кавалли — Шобле получил от Вашей светлости за вино 228 золотых септимов. Вопрос в том, были ли эти деньги просто украдены, или Кавалли все же поставлял вам вино, но гораздо более дешевое.

Орландо снова перелистнул свои записи.

— Бакалея...

— Хватит! — Карианиди, совершенно красный, хватил кулаком по столу. — Позовите сюда этого мерзавца! Немедленно!

Впредь при таких вещах лучше не присутствовать, сделал вывод Орландо, глядя как разъяренный герцог орет на бывшего дворецкого. С другой стороны, ему было все равно — Кавалли действительно оказался вором и получил заслуженную кару. Но выпороть — этого Орландо не ожидал, он не мог представить валяжного и элегантного дворецкого привязанным к позорному столбу. Хотя в целом, герцог Карианиди обошелся с ним по-божески, повелев вернуть украденное, выпороть и выгнать — в противном случае его ожидала тюрьма.

— Вот я и обзавелся первым смертельным врагом, — подумал Орландо, поймав на себе его жгучий взгляд, полный ненависти. Но переживать по этому поводу было некогда.

Орландо поставил себе целью не допускать воровства в хозяйстве. А как это сделать? Как удержать людей, которым недоплачивают за их труд, и которые считают себя вправе это компенсировать. Кухарка крадет продукты, истопник — уголь, слесарь — инструмент, а также все, что плохо лежит в пределах досягаемости. Горничные воруют наволочки и полотенца, конюхи — овес, а управляющий... управляющий ворует деньги.

Только сейчас Орландо понял, какое море возможностей таит его новая должность. Ничего удивительного, что Кавалли ими усердно пользовался. Если вести себя умно и осторожно, не нагнать и не делать грубых промахов, то в скором времени можно составить себе неплохое состояние, а потом уйти со службы и начать собственное дело. Но воровство ему было отвратительно, дело, а не деньги привлекало его в первую очередь. Поэтому он даже не задумался всерьез над открывающимися перспективами, предпочтя с головой погрузиться в рутинные дела.

— Объясняю еще раз: вот сюда ты пишешь наименования продуктов, а сюда — сколько получила из кладовой. Потом, по мере приготовления, записываешь расход и подсчитываешь остаток на конец дня. Например, по строке «курица»: у тебя утром были курицы на кухне?

— Нет.

— Вот, значит в графе «остаток на начало» мы пишем ноль. Сегодня ты взяла в кладовой курицу для бульона, так?

— Ну...

— Баранки гну... Раз взяла, значит пишешь в графу «приход» цифру один. Когда сварить ее, запишешь в графу «расход» цифру один. Потом посчитаешь на конец дня: утром был ноль, одна курица пришла и одна ушла, в итоге что?

— Да иди ты лесом, умник! Мне это все зачем? Я тут буду куриц считать, а готовить ты будешь? Или Его Светлость у плиты постоит? Ну, давайте, я посмотрю на этот цирк!

Жанетта подбоченилась и смотрела исподлобья, ничего хорошего этот взгляд не предвещал. Но Орlando не собирался сдаваться, он думал целую неделю, прежде чем его осенило: каждый человек отвечает за свой участок работы, так пусть он и отвечает за воровство в пределах своего участка. Ведь если кухарка будет отвечать своим жалованьем за все, что находится в пределах кухни, она уже не позволит Игнасио по-дружески прибрать кусок-другой мяса. А он, в свою очередь, перекроет ручеек угля, текущий в дом племянника Жанетты.

Но он даже не представлял, какую бурю в стакане воды вызовет его нововведение.

— Ты вообще кто??? Сопля зеленая!!! Позавчера из стайки вылез, а все туда же!!! Начальник хренов!!! Да я тебе твою бумагу, знаешь, куда засуну??? И скажу, что так и было... — легкие у Жанетты были замечательные. А уж темперамент — любое сопрано позавидует.

— Я всегда знала, что ты говнюк, как только твою крысиную морду увидела, сразу поняла! И даже не думай, что теперь ты большой начальник — как был кухонным полomoем, так им и остался! То, что ты подси-дел господина Кавалли, еще не делает тебя управляющим. У него статья была и обращение, сразу видно, что большой человек. Он сам жил и людям давал жить! А ты кто???!!! Кто, я спрашиваю???!!!

Разъяренная женщина надвигалась на него, крича и брызгая слюной. Позади нее, в кухню набились все сочувствующие — радостно было наблюдать за унижением выскочки. Глядя поверх плеча Жанетты на их физиономии, Орlando вдруг понял, насколько далеки они друг от друга. Их мир ограничивался возможностью поспать подольше, пожрать побольше и поработать поменьше. Ничто другое их не интересовало, разве что публичное избиение лакея, непостижимым образом ставшего управляющим.

Злоба поднялась в нем, заполняя горло чем-то едким и удушливым, как печной дым. Сейчас вор Кавалли стал в их глазах кумиром, пострадавшим от несправедливых наветов. А Жанетта — трибуном и разящим мечом справедливости.

Вне себя от желания бить эти сальные физиономии, Орландо схватил с плиты сковородку и со всей злости шваркнул ей по столу, перед самым носом Жанетты. Рыбины и растопленное масло полетели во все стороны, кухарка испуганно отпрянула. А Орландо, уже не владея собой, продолжал гвоздить раскаленной сковородкой, загоня женщину в угол между столом и печью.

— Кто я, ты спрашиваешь??? Кто я??? Ну так я тебе объясню. Я — управляющий этим домом, я имею полное право каждого из вас разложить на солнышке и выпороть на восход и на закат. Каждого!!! — он повернулся к толпе, все еще сжимая в руках сковородку. — Когда я говорю что-то делать, это значит, что вы будете это делать, хотите или нет. Я не обсуждаю, я приказываю!!!

Он снова повернулся к Жанетте, поднес сковородку к самому ее лицу. Она стояла бледная, с трясущимися губами, прижавшись к стене, уже и не помышляя возражать.

— А ты будешь заполнять этот чертов отчет каждый день, и будешь заполнять его правильно. И ты больше не будешь воровать продукты с кухни. А ты не будешь воровать уголь!!! — сковородка указала на Игнасио, который поспешил отодвинуться подальше.

— И вообще, здесь больше никто не будет воровать!!! Если я кого-нибудь поймаю на воровстве, я его выпорю. Зверски!!! Мало того, я сдам вора в полицию! Если не умеете жить честно, будете сидеть в тюрьме. А теперь — марш отсюда, и чтобы я больше не видел, что вы слоняетесь без дела!

Кухня мгновенно опустела. Орландо бросил сковороду на стол и еще раз повернулся к кухарке.

— Убери здесь все и вымой. Пол ты будешь мыть ежедневно, и еще — если я хоть раз увижу немытые руки или грязь под ногтями, пеняй на себя.

Он повернулся и ушел к себе, а Жанетта тихо сползла по стене и заплакала.

После кухонного происшествия никто не обсуждал его нововведения, но легче не стало — Орландо и слуги всего лишь вышли на новый уровень противостояния. Не смея открыто ему перечить, они перешли к скрытому саботажу. О дружеских посиделках в кухне можно было забыть навсегда. Орландо и сам не ожидал, что будет так тяжело: он всегда подходил к людям прямо и не держал камней за пазухой. А теперь все вокруг него были просто набиты этими пресловутыми камнями.

Его бывшие товарищи или хмуро молчали, завидев его, или начинали пресмыкаться, что было еще хуже. Жанетта выучилась масляно улыбаться и быстро-быстро тараторить про отчеты, когда он заходил на кухню пообедать, но в глубине ее глаз жила ненависть.

— Скажи мне, Жанетта, неужели ты действительно не понимаешь, что мы все здесь получаем зарплату за то, что работаем? — Теперь он был господин управляющий, и ему полагался не просто жидкий суп, а первое, второе и третье.

— Нам, господин Орландо, понимать не положено, мы люди темные. Вот отчет осилим, и то хорошо. Вы кушайте, котлетки сегодня особенно удались, на них два килограмма мяса ушло, Игнасио видел. Да все видели...

— Разве я тебя спрашивал, сколько мяса ушло на котлеты?

— А то скажете потом, что кухарка мясо ворует. Я женщина простая, мне неприятности не нужны. Вы бы сами на кухню почаще заходили, смотрели сколько чего и куда уходит...

Она тарахтела и тарахтела, а Орландо с горечью чувствовал свое одиночество. Жанетта отгородилась от него невидимой стеной, которую он уже не в силах был разрушить. Аппетит пропал как по волшебству. Он поднялся, поблагодарил кухарку и попросил впредь приносить ему еду в комнату.

За трудным днем последовал трудный вечер. Скандал разразился в прачечной — дюжина герцогских рубашек была начисто испорчена. По настоянию Орландо, при стирке белья прачки всегда добавляли синьку, чтобы избавиться от желтизны, но на этот раз синька произвела неожиданное воздействие — тончайшее кружево на воротничках и манжетах пожелтело и расползлось.

Орландо вертел в руках одну рубашку за другой, лихорадочно соображая, как можно поправить дело, но вынужден был признать, что рубашки придется выбросить. Прачки рыдали и клялись всем на свете, что все было как обычно.

— Ваша милость, мы ничего такого не делали! Только синьки немного добавили, как вы велели...

— Как я велел... — Орландо прекрасно понимал, куда они клонят. — Но вы же раньше стирали эти же рубашки и добавляли синьку. Что на этот раз произошло?!

— Дело в том, господин... — женщины замялись, — Дело в том, что раньше мы синьку не добавляли. Вы уж простите нас, но мы всегда по старинке стирали, думали, что господин герцог доволен и ладно. А тут раз такое дело...

— Какое дело?! — начал свирепеть Орландо. Было ясно как день, что происшествие на кухне ему еще не раз аукнется, но откровенной подлости он не ожидал. — То есть вы хотите сказать, что до вчерашнего дня не выполняли распоряжений управляющего, считая их необязательными? И только после того, как я вынужден был поставить Жанетту на место, вы сделали так, как я велел?

Прачки переглянулись. На лицах их промелькнула тревога — как-то с неожиданной стороны зашел их новый начальник.

— А ну, покажите мне синьку!

Банка с синькой была та самая, в которой он принес ее из лавки. Никто в доме не разделял его пристрастия к бытовой химии, поэтому она долго оставалась закрытой. Орландо открыл ее — вроде синька, но удививший в ноздри резкий запах насторожил его.

— Почему она так пахнет?

— Так кто ж ее знает, господин. Мы бабы темные, ко всяким ба- сурманским штукам не приучены. Вы сказали добавить — мы доба- вили, а уж как она пахнет... Кто ее знает, может ей так положено.

Старшая из прачек, высокая рябая Латифа смотрела ему прямо в гла- за. И этот взгляд говорил Орlando: «Ну, кто кого?».

— Что ж... Сами скажете мне, кто добавил хлорку в синьку или будем выяснять? Я объясню разницу: если вы все расскажете, вы отделаетесь штрафом, а если я узнаю сам, последствия будут плачевные. И так?

Но женщины, потупившись, молчали. Их злонамеренное упрямство действовало на Орlando, как красная тряпка на быка. Сейчас он все на свете бы отдал, только чтоб узнать, кто налил хлорку в банку, но в пра- чечной стояла тишина — и это было ему ответом.

Немного успокоившись у себя наверху, он понял, что конкретный виновник вряд ли будет установлен, да и не нужно его искать. Это мог быть кто угодно — настроение среди работников obsługi было нерабо- чее и напоминало пассивную забастовку.

У него была одна мысль, но он не решался ее озвучить герцогу: штат можно было сократить почти вдвое. Избавившись от лишних людей и грамотно организовав труд, он мог бы полностью занять оставшихся, не оставляя им возможности лодырничать.

— А ведь стоящее дело.

Мысли Орlando потекли в нужное русло, он встал, сунул в карман ли- сток и пошел докладывать герцогу о происшествии с рубашками.

К счастью Его Светлость был еще трезв. Нельзя сказать, чтобы он был счастлив по поводу рубашек, но и гнева не выказал. А вот предложение Орlando его заинтересовало:

— Это я буду в два раза меньше тратить на зарплату слугам?

— Нет, сударь, столько же.

— Но ты же сказал, что собираешься уволить половину?

— Совершенно верно. А остальным повысить жалованье в два раза.

— Это еще зачем? У меня тут не богадельня.

— Именно так, Ваша Светлость, не богадельня — оставшиеся будут работать за себя и за уволенных, а любой труд должен оплачиваться.

Ценность идеи Орlando в глазах герцога сразу рухнула, но парень не унимался:

— Подумайте, Ваша Светлость, помимо жалованья есть и другие ста- тьи расходов на прислугу: питание, одежда, вот эти статьи уменьшатся в два раза. А уж сколько воруют ваши слуги! Если они будут получать в два раза больше, они будут держаться за место, дорожить своей рабо- той. Мало того, мы сможем выбирать самых лучших и переманивать кого угодно.

— Я еще лакеев не переманивал...

— Ваша Светлость, личность лакея не имеет значения, но имеет зна- чение чистота вашей комнаты. Если лакей хорош, вы никогда не будете его видеть, но будете ощущать чистоту и комфорт. Если кухарка хороша, вы будете радоваться обедам и ужинам, а не находить волосы в супе. Если люди ценят свою работу, они не будут лениться и воровать, и вы ощутите

это по содержимому своего кошелька. Вот! — он положил перед герцогом проект своей «реформы». — При сокращении штата в месяцы мы сможем сэкономить до 12 септимов, что даст нам годовую экономию в 144 септима. Сколько стоит новая карета, которую купил господин Амоладу? 130, если я не ошибаюсь?

Вот это было правильно! Глаз герцога сразу загорелся:

— То есть ты хочешь сказать, что выгнав половину своих людей, я смогу купить карету?

— Я хочу сказать, что вы переплачиваете лишним людям столько, что могли бы покупать по модной карете каждый год.

Карианиди откинулся в кресле и стал теревить бородку, усмехаясь про себя:

— Надо же, а ведь он вчера горшки чистил. Хорошо, Орландо, делайте, что считаете нужным. Я завтра уезжаю в поместье и пробуду там неделю, надеюсь, к моему приезду новая карета будет стоять у парадного.

Рано утром, глядя вслед уезжающей герцогской карете, Орландо вздохнул — предстояла битва. Он уже составил список на увольнение, теперь предстояло его озвучить. Каждый, чье имя было в списке, должен быть собрать свои вещи, сдать рабочее место и покинуть дом до вечера. Было ли это жестоко? Может быть, но Орландо думал только о деле.

Эту фразу ему пришлось повторять про себя весь день, слушая вопли, рыдания, а то и просто брань тех, кому уже нечего было терять. Флавио так и вовсе кинулся на него с кулаками, а когда все-таки оказался за воротами, еще долго стоял там и кричал, что подкараулит подлеца Орландо и засадит ему в бок перо.

Вопреки ожиданиям молодого управляющего, радости в глазах оставшихся он не заметил. Он вообще не был уверен, что двукратное повышение оплаты труда дошло до их сознания. Но увольнение товарищей, новые обязанности и слом привычного уклада они поняли очень хорошо. Во внезапно опустевшем доме царили растерянность, уныние и злость.

Вечером за ужином, Орландо произнес речь, которая должна была вдохновить оставшихся на трудовые свершения, ибо они были теперь самыми высокооплачиваемыми слугами в Амаранте. Но с каждым словом он чувствовал, как его порыв угасает, тонет в трясине холодного, отчужденного молчания. Он заканчивал речь, уже сам себе не веря.

Орландо чудовищно устал. Ноги гудели, шумело в голове, болела губа, которую все-таки зацепил своим кулаком слесарь, да и на душе было плохо. Больше всего на свете ему хотелось просто поговорить с кем-нибудь, кто понял бы его, ну или хотя бы не осудил. Он спустился на кухню — было темно и тихо, Жанетта уже легла, наверное. В темноте вспыхнули зеленым светом кошачьи зрачки:

— Циля, Циля, кыс-кыс-кыс... Иди сюда, моя девочка... Иди на ручки...

Прижимая к груди теплое кошачье тельце, Орландо вернулся к себе. Разобрал постель, лег, и долго слушал ласковое мурлыканье, поглаживая Цилю. А за окном дождь стучал по крыше и ненавязчиво вставлял свои реплики в кошачий монолог. И это были лучшие на свете собеседники.

Он проснулся от ощущения солнца на лице. Было тихо. Орландо поднял голову и посмотрел в окно — стояло яркое утро.

— Ничего себе! Это сколько времени сейчас? — он глянул на часы и обомлел. Половина десятого! Почему никто его не разбудил? Он выскочил из постели, лихорадочно натянул штаны и кинулся вниз по лестнице, на ходу застегивая куртку.

Залетев на кухню, он столкнулся с непривычной тишиной. Кастрюли и сковородки висели на своих местах, словно их развесили еще вчера. Печь была холодной, похоже, что ее с утра не разжигали.

— Жанетта! Где ты? — Никто не отвечал. Ах, да, она же теперь сама должна ходить на рынок! Хотя какой рынок в десять утра? Орландо вышел во двор — тишина. Оставшиеся после ночного дождя лужи быстро впитывались, и двор высыхал буквально на глазах. Каморка Флавио была пуста, из прачечной не доносилось ни звука. Грязное белье так и лежало грудой на полу, тазы были сухими. Чувствуя все нарастающую тревогу, Орландо метался по ограде, звал тех, кто остался, и даже тех, кто ушел. Забежав в дом, он увидел, что уборка и не начиналась, оставленные метлы и швабры лежали без дела, а в спальне герцога был привычный кавардак.

Что могло случиться? Куда все делись? Возвращаясь на кухню, Орландо вдруг увидел, что дверь в комнату Жанетты открыта, шкаф пуст, а по полу валяются брошенные тряпки и обрывки упаковочной бумаги. Никого. Только голодная кошка жалась к его ногам.

Он был совершенно один в пустом доме.

Что делать? Орландо был уничтожен. Теперь ему было совершенно ясно, что он поспешил, и что он не должен был так прямолинейно подходить к задаче.

— Управляющий... Великий администратор...

Обида и злоба душили его, как давеча в прачечной. Что он сделал этим людям, за что они его возненавидели? Он не обкрадывал их, подобно Кавалли, он никогда не оскорблял их и не повышал голоса, но они все равно его ненавидели. Даже своевременную выплату жалованья они восприняли с подозрением.

— Что делать? Что делать? Что делать?

Надо было поесть и успокоиться. Кухонный шкаф был пуст, пришлось сходить в кладовую, принести молока, пару яиц и кусок мяса для Цили. Быстренько сообразив омлет, Орландо мрачно пережевывал его и думал, что теперь делать.

— Через семь дней вернется герцог, а в доме только я и кошка. Красота! И где я найду нужных людей за это время?

В какой-то момент он даже был готов кинуться искать ушедших и умолять их вернуться. Но потом здравый смысл все же взял верх:

— Я могу найти людей, но на это нужно время. Искать, спрашивать у знакомых... А что, если... Цили, ты гений! — Орландо бросил вилку и убежал из кухни, оставив Цилию заканчивать завтрак.

Решение проблемы было простым, как все гениальное. Орландо заплатил немного денег герольдам Синей башни и они во всеуслышание

объявили о том, что в благородный дом требуются люди для работы. Условия отличные, жалование большое.

И люди слышали. К обеду дом герцога Карианиди был в осадном положении. Теперь Орlando мог отбирать самых лучших и не хотел себя ограничивать, но побеседовать с каждым у него не было возможности. Тогда он влез на ворота и закричал, обращаясь к толпе:

— Все меня слышат?!

Монотонный гул несколько утих, большинство лиц повернулось к нему.

— Отлично. Теперь я попрошу вашего внимания. Мне требуются люди для работы по дому, а именно: кухарка, кухонный рабочий, лакеи, конюх, слесарь, прачки, псарь, сторож. Я попрошу вас разбиться на группы: кто претендует на место конюха, встаньте, пожалуйста вот здесь, слева. А кухарки — чуть поодаль. Спасибо.

Работа была не из легких. Орlando разговаривал сразу с группой, выясняя, кто умеет работать, кто уже работал и почему уволился. Он старался набирать людей из деревень, еще не успевших обнагнать и поистаскаться в городе. Как бы там ни было, но за два дня он сумел набрать персонал, которым был почти доволен.

Конечно, новые люди еще не знали дома и его порядков, кое-кто даже и своей работы толком не знал, но зато они пришли и приняли с готовностью его условия. Не было ни сопротивления, ни желания показать ему, что он наглый выскочка. По чистому листу он мог спокойно писать любой текст.

Он расставил людей по рабочим местам, каждому разъяснил его обязанности, но что-нибудь постоянно шло не так. Новички забывали, что и как делать, путались в усадьбе, ломали инструмент, ругались друг с другом. По итогам первых дней Орlando понял, что кое-кого придется еще раз поменять, но на сей раз он был спокоен. Сейчас его главной задачей было достойно встретить герцога и наладить текущую, ежедневную работу.

Последнюю ночь перед приездом Его Светлости Орlando вообще не спал — проверял и перепроверял чистоту комнат, расположение вещей, качество провизии. Он затеял большое дело, и спрос будет именно с него, если что-то не получится.

Герцог приехал под вечер, пьяненький. Фонари, которые Орlando распорядился зажечь в саду, придавали обстановке парадный, торжественный вид. Проезд и дорожки были тщательно выметены, кусты подстрижены, медная дверная ручка и та блестела как новенькая.

— А ничего тут у вас, миленько, — поведал герцог Карианиди заплетаящимся языком. Орlando поморщился — он не хотел, чтобы у новых людей первое впечатление о господине было испорчено. Но, похоже, так думал только он — все остальные стояли, благоговейно склонившись. Им для счастья было достаточно присутствия высокой особы, качество особы их не беспокоило.

— Добро пожаловать домой, Ваша Светлость, — произнес Орlando так, как это всегда делал Кавалли, — желаете поужинать?

— Поужинать? — герцог начал заваливаться вбок и ухватился за дверцу кареты, что должно было означать задумчивость. — Нет, поужинать я не желаю. А вот выпить желаю. Принесите мне коньячку. Ну и так, закусить чего-нибудь. А что это вы все тут выстроились? Меня встречаете? Ну, молодцы, молодцы... Кстати, Жанетта, это платье тебе идет, ты в нем стройнее выглядишь. И даже моложе как-то...

Нетвердой походкой герцог двинулся наверх, а Орlando приказал новой кухарке, которая действительно была моложе и стройнее Жанетты, нарезать грудинку, лимон и сыр, а сам пошел в кладовую за коньяком.

— Когда ж ты напьешься уже, алкаш чертов... Занялся бы ну хоть чем-нибудь.

Но если ты рожден герцогом Карианиди, то все, что ты должен делать — есть, пить, спать и тратить деньги. С этими обязанностями Его Светлость прекрасно справлялся. Он мог пренебречь приемом у короля, но выпивкой никогда не пренебрегал. В нечастые трезвые моменты, он замечал, что дела его идут неплохо — дом содержался в идеальном порядке, Орlando каждый месяц представлял ему полный отчет о доходах и расходах, а также смету на будущий месяц. Да и готовила новая кухарка не в пример лучше предыдущей.

Герцог был весьма удивлен, когда наконец понял, что в доме не осталось ни одного знакомого человека кроме Орlando.

— Ну, ты даешь! И ты их набрал за ту неделю, что меня не было?

— Я их набрал за два дня, Ваша Светлость. А за ту неделю, что вас не было, я успел кое-кого и поменять, и даже не по разу.

Орlando работал в библиотеке за письменным столом, а скучающий герцог ошивался рядом, не зная, чем заняться.

— Теперь мы с Вами можем выбирать, у нас самая высокая оплата в городе, но и работают наши люди за двоих. Только это не помеха, крестьянин к труду приучен, и будет с удовольствием работать, если видит, что его труд ценят.

В промежутки между обедом и завтраком Орlando работал в библиотеке. Он испросил на это разрешения под предлогом того, что там его не беспокоят назойливые слуги. Правда, иногда его беспокоил назойливый герцог, если бывал трезв, и не намечалось никакого развлечения. Вот и сейчас он рассеянно бродил по библиотеке, пробуя пальцем полки, но нигде не было и малейшего намека на пыль.

— Даже и не старайтесь, все равно не найдете. Библиотека под моим особым контролем, я с парней шкуру спущу, если найду хоть пылинку.

— Бывает же такое, недавно ты сам тут убирался и не помышлял стать управляющим.

— Разве это плохо?

— Нет, но если бы не твое везение и моя решимость покончить с воровством в доме, ты бы и сейчас убирался в спальне.

— Если бы не моя решимость спасти некоего ммм... беспечного вельможу и помочь ему в тяготах повседневной жизни, вы бы продолжали обогащать Кавалли, есть котлеты из тухлятины, и могли бы огрести серьезных приключений. Так что это еще вопрос — кому повезло. — Орлан-

до оторвал взгляд от столбиков с цифрами. — А теперь представьте, сколько способных молодых людей работает лакеями и горничными, и сколько Кавалли обворовывают своих хозяев? Возьмите вон с той полки книжечку. Нет-нет, левее...

— Что это?

— Это альманах за прошлый год, в нем есть статья о развитии горного дела в провинции Ферсанг. Там, оказывается, есть месторождения железной руды — и очень богатые.

Герцог плюхнулся в кресло и раскрыл альманах. Несколько минут он изучал предложенную статью:

— И что? Тут написано, что до реальной разработки месторождения еще очень далеко, сейчас идут только разведочные работы.

— Именно. А знаете, почему? Нет кадров. Нет хороших горных инженеров, приходится приглашать из-за границы. Не хотите этим заняться?

— Чем? Разработкой месторождения? Оно принадлежит королю.

— Но не король же будет в нем работать с лопатой. Откройте школу, пригласите хороших специалистов, объявите открытый набор — и через несколько лет у нас будут свои собственные инженеры и техники. Дело двинется быстрее, да и вам будет, чем заняться.

— То есть ты хочешь, чтобы я, герцог Карианиди, потомственный кавалер ордена Золотого Листа, возился со школярами и вытирал с доски? — Его Светлость забросил альманах и принялся считать полоски на паркетном узоре.

— Нет, — сухо ответил Орlando, — Вы можете просто дать денег и свое имя. Заодно и в историю войдете, как благодетель нации, щедрый и прогрессивный человек. А уж если захотите действительно этим заняться, то обнаружите, что жизнь может быть очень интересной, если знаешь, зачем живешь.

— А ты знаешь, зачем живешь? — Разговор стал очень интересным, скуку герцога как рукой сняло. Он перегнулся через спинку своего кресла и внимательно разглядывал молодого управляющего.

Орlando отложил перо.

— Пожалуй, знаю. — Его лицо было очень серьезным, видно было, что он действительно обдумывает ответ. — Я не думаю, что в жизни может быть какая-то конкретная цель, вроде «стать королем и умереть» или «заработать миллион». Я чувствую, что у меня есть силы и я хочу сделать как можно больше. Совсем недавно я убирал горшки, но я убирал их хорошо, и мой труд был вознагражден. Теперь я стараюсь работать как можно лучше в новой должности, я постоянно ищу, что еще я могу улучшить в этом доме. И это наполняет мою жизнь смыслом.

— Кто знает, что еще ждет впереди... — закончил за него герцог. — Да ты, честолюбец, друг мой. Опасный человек. Ну, спасибо, что предупредил, хоть буду знать, откуда прилетит, если что.

Он улыбнулся.

— Слушай, сегодня вечером у меня будут гости.

— Так почему Вы заранее не сказали? Надо же все приготовить!

— Их будет немного, и мы посидим тихо. — Он еще раз хитро улыбнулся, — так что никаких особенных приготовлений не надо. Немного выпивки и холодные закуски. Подашь все сюда, в библиотеку, да камин надо разжечь, с ним уютнее. Ладно, я пошел, а то у тебя работа не спорится.

Герцог был совершенно прав насчет камина — вечер выдался холодный и ветреный. Деревья в саду угрожающе скрипели и махали черными руками на фоне набухшего дождем неба. Но в библиотеке было жарко натоплено, окна закрыты плотными портьерами, а в камине приятно потрескивало пламя. Кресла были расставлены полукругом, так, чтобы свет от камина освещал лицо каждого сидящего. Герцог Карианиди сидел в центре, как хозяин дома. Слева от него располагались старые знакомые — граф Амоладу и маркиз Фредрикссен. Еще левее сидел высокий, гордый старик со старомодной прической, какие носили лет сорок назад. А справа располагались давние собутыльники Его Светлости — граф Феферкухен, граф Сарне и князь Распопов. Эти трое были похожи друг на друга как близнецы: низенькие, приземистые, с отдуловатыми лицами, выдававшими пристрастие к алкоголю. И еще одно кресло справа пустовало — его обладатель, герцог Билич, ходил взад-вперед перед камином, как на импровизированной сцене.

— А вам говорю, что сейчас самое время. Если мы будем ждать, мы дождемся, что нас обложат налогами, как крестьян! Постоянное распутство плохо сказывается на умственных способностях короля, я не желаю кланяться такому сюзерену. Я хочу сильного, мудрого монарха, который даст нам справедливость! — у него был громкий голос, переходящий в хрип, когда он пытался его понизить.

— Да полно вам, Ваше Сиятельство, — протянул маркиз Фредрикссен. Он всегда растягивал слова и говорил как старая жеманница. А еще он носил мушку в форме сердечка на левой щеке и немного перебарщивал с румянами. — Справедливость... Лучше скажите, что мечтаете наконец оттягать плеризельское поместье у барона Ферро. Все мы знаем, как зовут эту справедливость.

— Позвольте, но вы тоже спите и видите герцогский титул, — вмешался Распопов, но Фредрикссена это не смутило:

— А вы — возврат родовых поместий, которые успешно промотали. Но я хотя бы не пою о справедливости.

— Довольно.

Высокий старик слева говорил негромко, но властно, с той особой убедительностью, которая бывает у людей, привыкших повелевать.

— Мы здесь не за тем, чтобы тратить драгоценное время и коньяк герцога на препирательства. Превосходный коньяк, кстати. Я согласен с Биличем, что идея короля есть кошунственная, и он недостоин занимать трон, если посягает на древние привилегии дворянства. Однако он король, и если захочет, то мы будем платить налоги. И, кстати, вы в курсе, что продажу должностей тоже могут отменить? Этот мир катится в тартарары, а мы просто сидим и грыземся друг с другом. У вас есть хоть какие-нибудь дельные предложения?

В библиотеке воцарилась тишина. Долгое время никто не решался подать голос, только дрова потрескивали в камине. Наконец решился граф Сарне:

— Какие предложения... Короля необходимо устранить от ведения дел.

— Что значит устранить, милостивый государь? Для того чтобы его устранить, его надо как минимум пленить и заточить поглубже, а еще лучше... ну, вы меня поняли.

— И королеву Зою тоже.

— И принцессу.

— Да она новорожденная еще, грудничок! Чем ребенок нам помешает? Великодушие Распопова не встретило одобрения.

— Знаете ли, чужие дети очень быстро растут. Вы хотите через семнадцать лет получить проблему в лице подросшей законной наследницы?

— А почему законной? — Вкрадчивый шепот графа Амоладу проникал в самые потаенные уголки души. — Разве король Ибрагим не узурпатор? Разве мы не знаем, что королева Брижитт была последней законной правительницей этой страны? Разве мы не знаем, что королева Мириам и ее сын Сигизмунд II — узурпаторы? Разве мы не знаем, что наследник законного короля находится среди нас?

Наступила тишина еще глубже, чем раньше. Казалось, что можно услышать сердцебиение каждого участника этой встречи. Герцог Карианди затаил дыхание, он хорошо готовился к этой встрече и много думал. Вечный скептик Фредрикссен, пожевал губы и неуверенно произнес:

— Это не доказано, друг мой. Трудно, очень трудно сделать выводы, все-таки триста лет прошло. Достойных людей много.

— Ага, например, вы, Фредрикссен, — грубо, но откровенно высказался Билич.

— А что, я не последний человек. И то, что у меня нет герцогского титула еще ни о чем не говорит.

— Да уж лучше сапожника с Лимонной улицы сделать королем, чем Фредрикссена, — взревел Феферкухен. — А что? Зачем нам благородные предки и древняя кровь, лишь бы человек хороший был, ведь так, господин маркиз?

Фредрикссен закусил губу:

— Можно подумать, вашим предком был король Сигизмунд. Я хоть не пью, как вы, господа.

— Ну да, ты ешь, — расхохотались три собутельника. — Мы против Фредрикссена, никакой казны не хватит его прокормить!

Грянул всеобщий хохот. Орlando поморщился и аккуратно вышел из темнушки с метлами, стараясь не шуметь. Он сразу понял, в чем дело, как только увидел гостей герцога, но теперь он еще и услышал все своими собственными ушами. М-да, вряд ли это стоило потерянного времени, лучше бы он месячный отчет доделал.

Поднявшись в свою мансарду, он разложил бумаги, приготовил перья и задумался: король может спать совершенно спокойно, пока у него такие заговорщики. Да и сам король недалеко ушел, страна управляет-

ся из рук вон плохо. Теперь, когда он каждый день управлял другими людьми, он начал понимать, что в большом хозяйстве по имени Страна Вечной Осени далеко не все благополучно.

Конечно, бывший лакей не мог адекватно оценить схему управления страной, но у него были глаза и здравый смысл, и он видел, что народ беден. Он никак не мог разобраться с величиной арендной платы, которую герцог Карианиди должен был уплачивать за владение землей в столице. По здравому разумению, размер платы должен быть постоянным, земля-то не изменяется в размере. Тем не менее, каждый раз, приходя к казначею, он слышал новую сумму. Мало того, он был самым ненавистным человеком в казначействе, потому что неотступно требовал расписку о полной оплате. Каждый раз это заканчивалось скандалом.

— Но почему? — думал Орlando. — Если плата законная, и я ее оплачиваю, я имею право требовать бумагу. А если казначей забудет/заболеет/потеряет должность/умрет — я что, должен платить по второму разу?

Но у казначея было другое мнение, и Орlando сильно подозревал, что тот любит корректировать размеры податей в свою пользу. Он говорил об этом с герцогом, но тот отмахнулся:

— Нужно же людям как-то кормиться, на зарплату особо не проживешь, король ее уже четвертый год не платит. Казна пуста.

Интересное дело — арендную плату платим, а казна пуста. Многого не понимал Орlando в науке государственного управления, но одно он знал точно: если бы он был герцогом, а король — его управляющим, он бы его уже давно выгнал.

Каждую свободную минуту Орlando размышлял об этом. Работа в доме наладилась, теперь она требовала все меньше и меньше присмотра, и господин управляющий частенько бывал не занят. А праздность ведет к ненужным мыслям:

— Вот если бы герцог Карианиди стал королем, я тогда стал бы государственным управителем. И что бы я сделал? Страна — не дом, тут нужны многие знания, а я необразован.

И молодой управляющий все чаще стал засиживаться в библиотеке. Но теперь он стал читать осмысленно, выбирая книги по экономике, политике, истории. Начал он с огромного тома по истории Страны Вечной Осени, который он уже читал, но теперь книга открывалась ему совсем с другой стороны. Базилевс III с его бесконечными завоевательными походами начал вызывать раздражение, зато Брижитт с осторожной внешней политикой, но глубокими внутренними преобразованиями возглавила его личный список самых уважаемых монархов.

Орlando делал из книг обширные выписки, безбожно изводя герцогскую бумагу. Заметив это, Карианиди однажды пошутил, что скоро расходы на бумагу станут неподъемны для такого скромного хозяйства, но не стал возражать против увлечения своего служащего.

Помаленьку герцог привык во всем полагаться на Орlando. Хозяйственные дела он вообще перестал замечать, а зачем ему — он жил в иде-

альной чистоте, кормили его превосходно, да и денежный вопрос как-то сам собой рассосался.

От хорошей жизни он даже поправился и стал поигрывать в карты, что серьезно беспокоило Орландо. Герцог много и часто проигрывал, при этом приговаривая, что «не везет в картах, повезет в любви». Но в любви как-то дело не двигалось, а карточные долги приходилось платить регулярно.

— Ваша Светлость, если вы будете продолжать в том же духе, мы вылетим в трубу.

— Не брызжи с утра пораньше. Видишь, голова трещит... — Карианиди отчаянно болел с похмелья. Желто-серая физиономия его способна была внушить жалость кому угодно. Только не Орландо, который уже второй месяц был вынужден изыскивать средства на покрытие герцогских расписок.

— У вас голова трещит только с утра, а у меня круглые сутки. Неужели вы не понимаете, что тратите больше, чем имеете? Вы хотите повторить судьбу князя Расопова, который именуется князем, а живет как голодранец, подчас не зная, куда голову преклонить? Это очень легко.

— Ммм... Орландо, дай похмелиться, помираю...

Бесполезно с ним, таким, разговаривать. Но стоит принести ему похмелиться, как он опять налижется, и к вечеру снова не будет на ногах стоять. А когда герцог пьян, его тянет на подвиги, и эти пиявки, Феферкухен, Сарне и Расопов, тут как тут. Трезвый-то он их не всякий раз примет, а пьяному — закадычные друзья. Черт возьми, неужели все вельможи такие обормоты? Во всяком случае, из тех, кто посещал дом герцога, приличных людей не было. Орландо вздохнул и пошел за коньяком.

— Только одну стопку для снятия головной боли. Больше не дам, мне нужно с вами серьезно поговорить.

Как умирающий в пустыне, герцог жадно набросился на спиртное. Через пару минут лицо его порозовело, глаза прояснились.

— Ну вот, теперь я себя человеком чувствую.

— Интересно, что вам мешает всегда себя им чувствовать? — Орландо зорко следил за движениями Карианиди и выхватил у него стопку, когда тот потянулся за второй. — Ваша Светлость, только одну. Для вашей же пользы.

Герцог разочарованно вздохнул и нахмурился:

— Ну что у тебя там?

— Много всего, даже не знаю с чего начать. Начнем, пожалуй, с этого: вчера ко мне явился пристав и потребовал уплатить 50 септимов по долговой расписке. Это ваша рука?

Его Светлость заморгал, пытаясь сфокусировать зрение на листке бумаги, поданном Орландо. Внизу листка было начиркано что-то, теоретически напоминающее подпись герцога.

— Черт знает... Может и моя. Не помню.

— Нет, вы все очень хорошо помните, это не ваша рука. Это какая-то каляка-маляка, и вы не имеете к ней ни малейшего отношения. Все понятно? Я сказал приставу, что это подделка, показал пару ваших под-

писей, где вы расписывались в трезвом виде, и заявил, что платить не буду. Не уверен, что он мне поверил, поэтому, возможно, он явится к вам, и вы должны будете подтвердить мои слова.

Герцог почесал голову:

— Ну ты и жулик, это, похоже, действительно моя подпись.

— Я жулик? Жулики — это ваши приятели, которые выманивают у вас деньги по пьяни. Сколько раз говорил вам — гоните их в шею.

— Не могу, — вздохнул расстроенный вельможа, — они знают.

— Что знают?

— Знают... кое-что. Не твое это дело, ступай. Тошнит меня...

— А уж как меня от тебя тошнит! — бесился Орlando, спускаясь по лестнице. Как объяснить этому высокородному идиоту, что деньги делением не размножаются? Нужно сказать, что Орlando и так не платил по половине расписок, потому что герцог в пьяном виде даже перо держать не мог, но кредиторы начали привлекать приставов, пытаясь обвинить герцога в мошенничестве. И однажды Орlando удостоился знатной головомойки за систематические отказы оплачивать любые расписки, кроме тех, которые ну уж совсем нельзя было оспорить. Карточный долг — долг чести! А где брать золото на эти долги чести?

— Ты управляющий, ты и думай. Я тебе за что деньги плачу?

Прекрасно! Отлично! Это было как раз то, о чем мечтал Орlando — работать, крутиться как угорь только для того, чтобы видеть, как все заработанное тратится впустую. Иногда Орlando до спазм в желудке ненавидел герцога Карианиди и всех его прихлебателей.

Однако сегодня герцог не напился как всегда. Ближе к вечеру он приказал позвать управляющего в библиотеку. Когда Орlando пришел, Его Светлость ходил по комнате взад-вперед, заложив руки за спину.

— Орlando, мне нужно с вами поговорить.

Ого! Если герцог называл его на вы, значит, на то была серьезная причина. Орlando поклонился и приготовился слушать, но Карианиди все так же продолжал ходить туда-сюда.

— Мне нужен ваш совет в одном деликатном деле.

Орlando поклонился еще раз.

— Ситуация, в которой я нахожусь, весьма щекотливая. Вы себя очень хорошо показали однажды, да и потом тоже. У меня нет причин не доверять вам. Понимаете, в моем происхождении обнаружались некоторые детали, доселе неизвестные. Не знаю, сможете ли вы понять...

— Постараюсь.

И герцог пустился в пространный рассказ о бурной личной жизни королевы Мириам. Орlando, ни единым движением не показывая, что ему это все давно известно, молча слушал. И когда Его Светлость выбился из сил, он все так же продолжал молчать.

— Ну что ты молчишь-то? Я тут как перед стенкой распинаясь!

— Я жду, Ваша Светлость, чем закончится столь удивительная история. Вы же мне ее рассказываете не в целях просвещения.

— Да уж точно! — герцог не выдержал и плеснул коньяка в рюмку.

— В общем, некоторые видные люди, мои друзья, считают, что король

безумен, и невозможно позволять ему и дальше разваливать страну. Они хотят низложить правящего монарха и возвести на трон меня, законного наследника.

— И?

— И я хочу знать, что вы об этом думаете. У вас есть... мысли в голове, и я вам доверяю, поэтому мне интересно ваше мнение.

Орlando задумался, ситуация действительно была щекотливая. Если герцог просил совета у бывшего лакея, значит, ему действительно не на кого было опереться. Он покачался на носках взад-вперед, засунув руки в карманы, а потом начал прохаживаться взад-вперед, точно так же, как это до него делал герцог.

— Вы хотите, чтобы я сказал вам правду, Ваша Светлость?

— Разумеется!

— Тогда имейте в виду, что она вам не понравится. Сядьте, пожалуйста, и слушайте внимательно.

Удивленный герцог покорно сел в кресло пред камином, и даже рюмку отложил, чтоб не отвлекаться.

— Начнем с самого начала: все эти рассказы о принце Огюстене и его запутанных отношениях с собственной супругой — полная чушь. Молчите! Спустя триста лет можно с легкостью сказать, что маркиз Фредриксен — правнук королевы Брижитт, несмотря на то, что у нее не было детей. Я удивляюсь, как он до этого сам не додумался. Впрочем, ладно, оставим это на совести вашего сказочника. Ваша Светлость, вы хоть раз задумывались, кто режиссер этого спектакля?

Герцог только моргал, открыв рот.

— Вам не кажется, что король, которого вы с такой легкостью зачисляете в сумасшедшие, совсем не глуп? Я охотно верю, что он недостаточно силен, и не сможет повернуть то дело, которое затеял. Но он загнан в угол, и ему нужны деньги. А что делает человек в отчаянном положении, которому нужны деньги? Правильно, берет топор и выходит ночью на улицу. Его Величество делает это несколько изящнее, но суть от этого не меняется.

Герцог Карианиди залпом выпил свою рюмку и опустил голову на руки.

— Это не король, это Сапатеро мутит воду. Я тут узнал, что он уже трижды заложил свои земли в Арпентере — ему нужно женить сына, а денег нет. Он подзуживает короля через баронессу Эрдоган. Ночная кукушка, знаете ли... Беда в том, что я впутался в это дело как последний баран. Что же мне делать, Орlando?

Орlando развел руками:

— Ваша Светлость, я не могу за вас решить, чего вы хотите, я могу только подсказать, как добиться этого.

— Я не знаю, но я не хочу на плаху. В прошлый раз меня спасло чудо, но второй раз они не промахнутся. Теперь, когда его карты открыты, Сапатеро пойдет до конца.

— Именно.

— Так что же делать? Как ни крути, а я труп.

— Ситуация сложная, Ваша Светлость. Если честно, вы в дерьме по уши, уж простите мне площадную брань. Вас может спасти или бегство или удар на опережение.

Орландо говорил тихо и медленно. Мысль его напряженно работала, вместе с герцогом он взвешивал обстановку, и находил ее угрожающей.

— Удар на опережение? Я должен уничтожить Сапатеро раньше, чем он уничтожит меня? Это невозможно, король никогда этого не позволит. Чтобы убрать Сапатеро, надо убрать короля.

— Страшно звучит, правда?

Некоторое время в библиотеке царило молчание. Оба обдумывали мысль более кощунственную, чем все криминальные письма герцога.

— Мне тоже страшно, но возможно это единственный выход. Если король провоцирует вас на заговор, идите на это, но действуйте быстрее. Нанесите свой удар раньше, сокрушите его собственным оружием. Это все, что приходит мне в голову.

Карианиди молчал, стакан в пальцах нервно подпрыгивал.

— Но это почти невозможное предприятие.

— Да, но кто знает. Я тоже не думал, что стану управляющим. Здесь важна ваша решимость и готовность идти до конца, а способы всегда найдутся. Я ничего не обещаю, просто размышляю вслух. В общем, вы посидите, хорошо подумайте и взвесьте все. А потом, если что, буду действовать я. Можете на меня рассчитывать.

Орландо снова поклонился и оставил герцога в библиотеке одного с грустными мыслями.

Этой ночью управляющий не спал. Деревья за окном тревожно шумели, даже голуби не легли спать, все тарахтели за перегородкой. Как днем в библиотеке, Орландо ходил взад-вперед и думал.

Страшно было. Лихорадочное возбуждение спало, и теперь Орландо видел всю глубину пропасти. Совсем недавно он встречал рассвет вместе с коровами, мыл горшки у герцога, а теперь руководил заговором. Да-да, он понимал, что все решения придется принимать ему, а герцог Карианиди будет просто их озвучивать. А раз принимать решения, то и отвечать за них придется, мало того, он всегда будет крайним в случае неуспеха.

Но случай успеха выглядел еще страшнее. Свеча, уже наполовину сгоревшая, шипела и коптила, выпуская черный едкий дым. Воск некачественный — подумал Орландо, а может и не воск, может, мысли мои черные горят. Когда он был маленьким, в деревне говорили, что если свеча коптит, это сгорают чертенята и прочие нехорошие сущности. Однажды его тетюшка позвала ведьму, потому что коровы начали болеть, и ее визит навсегда запечатлелся в детской памяти. Женщина бродила по подворью с зажженной свечой, и вдруг, в углу стайки пламя заплескало, задержалось, повалил черный дым, как будто и правда кто-то невидимый сгорал на нем. А потом там нашли высохшее яйцо — ведьма сказала, что это порча.

Неотступно чувствуя в груди это самое яйцо, Орландо изо всех сил пытался осмыслить произошедшее и восстановить утраченное душевное равновесие.

— Да, я рискую. Но я еще поборюсь. Не так-то просто будет обвести меня вокруг пальца, даже если против меня сам король. Берегитесь!

Когда цель ясна, двигаться вперед намного проще, и герцог мигом организовал очередную встречу. Как всегда, вечером, как всегда в библиотеке. Но на сей раз Орlando не прятался в чулане и не сидел на подоконнике, он присутствовал на собрании. Пока что молча, стоя возле камина в полутьме, и привлекая встревоженные взгляды заговорщиков.

Зато Карианиди чувствовал себя отлично: он был любезен, остроумен и приветлив, излучал уверенность и энергичность. Вот в таком состоянии он отлично подходил на роль первого лица страны.

— Итак, господа, мы здесь собрались, чтобы наконец решить, чего мы будем добиваться и обсудить план действий.

Амоладу не отрываясь, смотрел на Орlando, и в глазах его не читалось ничего хорошего. Герцог проследил направление взгляда и спокойно добавил:

— Я потом объясню, зачем здесь этот человек. Можете разговаривать, не стесняясь.

Но никто не решался начать в присутствии постороннего, пришлось герцогу самому брать инициативу в свои руки.

— В прошлый раз граф Амоладу высказал одно любопытное соображение насчет моего происхождения. Я безумно благодарен графу за проведенную работу и все же я думаю, что не стоит налегать на гипотезу об узурпации трона. Будем честны хотя бы сами с собой, господа, прошло триста лет, никаких вразумительных свидетельств тому нет и быть не может. Да и в конце концов, Сигизмунд II тоже был сыном Огюстена и Мириам, вернее, он точно был сыном Огюстена и Мириам, а поэтому его потомки имеют полное право царствовать.

Надо было видеть лицо графа Амоладу — Орlando получил истинное удовольствие, глядя, как выражение самодовольства сменяется растерянностью, а потом смесью злобы и страха. Его игра была раскрыта, и теперь он боялся, ибо не знал, какую игру ведет Карианиди.

— Так вот, оставим тронные притязания в покое. — Герцог сделал эффектную паузу, не без иронии наблюдая вытянутые физиономии своих товарищей, — Но суть дела от этого не изменится. Мы ведь затеяли великое дело не для того, чтобы переложить корону с одной головы на другую, не так ли? Мы просто не можем бездействовать, глядя как бедствует страна, мы обязаны предпринять хоть что-то и облегчить участь народа, который стонет под гнетом безответственного монарха! Так дальше продолжаться не может, и мы с вами, как люди, самой судьбой поставленные над остальными, не имеем права тихо отсиживаться в стороне, наслаждаясь жизнью.

Его Светлость в патетическом порыве любви к родине выглядел невероятно эффектно, а его гости даже не могли скрыть замешательства. Никто из них не ожидал от Карианиди такой прыти, причем в непонятном направлении. А герцог не унимался, не давая им даже минутной передышки:

— Вот вы говорили, князь, — он обратился к высокому старику, — что король Ибрагим должен исчезнуть. Причем навсегда. Вы подразумевали физическое устранение короля?

Князь Арройо замялся.

— Я не говорил этого. Я всего лишь высказал предположение, что добровольно Его Величество свои полномочия не сложит, соответственно, если мы хотим отстранить его от власти, потребуется принимать некоторые меры.

— И эти меры должны быть весьма радикальными. Господа, давайте уже определимся, зачем мы здесь собираемся? Мы хотим бесконечно фантазировать или мы хотим что-то сделать наконец?

Все испуганно молчали.

— То есть я правильно понял, что действовать никто не собирается? Тогда прошу меня извинить за беспокойство, давайте забудем об этом и сыграем партию в вист. Орlando, велите принести столик и карты.

Орlando поклонился, но не успел он двинуться к выходу, как снова заговорил князь Арройо:

— Вы не правы, господин герцог, когда думаете, что мы не способны на действие. Но все это слегка неожиданно, и мы растеряны. Кроме того, лично меня смущает присутствие этого молодого человека.

— Ну что ж, раз это доставляет вам такой дискомфорт, я объясню. Этот молодой человек служит управляющим у меня в доме, он всецело мне предан, умен и энергичен. Он будет нам чрезвычайно полезен в части реализации наших замыслов. Я предвижу возражения, поэтому сразу поясню, что доверяю ему полностью — он уже доказал свою верность на деле. Мало того, господа, вы даже не догадываетесь, что многим обязаны ему — он выручил меня из одной затруднительной ситуации, проявив ум и храбрость, но он выручил не только меня, а и всех вас, сидящих в этой комнате. Так что, не стесняйтесь, господа, не стесняйтесь.

Тогда заговорил герцог Билич:

— Если вы не хотите занимать трон, Карианиди, зачем вам все это?

— Я не сказал, что я не хочу занимать трон. Я сказал, что гипотеза об узурпации немного фантастична, и лучше на нее не налегать. Но я всецело признаю необходимость перемен и знаю, что время для этого как нельзя более подходящее, так что я готов действовать, а вы?

Билич откинулся в кресло и расслабился:

— А что я? Я всегда готов — мне без разницы кто сделает меня генералом.

И тут как прорвало — остальные загладели, спеша сразу же оговорить свои пожелания. У Орlando даже голова загудела от названий земель, чинов, должностей и сумм. Только князь Арройо не кричал, он нетерпеливо постукивал тростью по полу и ждал, когда же этот цирк кончится.

— Господа! Господа! Может рановато еще делить шкуру неубитого медведя? Мы ни на йоту не продвинулись к цели, мы еще саму цель не сформулировали, а вы уже добычу делите. И вы не думаете, Ваша Светлость, что все мы очень рискуем, обсуждая это в присутствии данного молодого человека. Может он и оказал вам какую-то услугу, но я чело-

век подозрительный и предпочитаю проверять, чем доверять. Мне не нравится его лицо, и я не склонен откровенничать со слугами, тем более в деликатных делах.

Все глаза устремились на Орландо. Понимая, что герцог уже сказал все, что мог, он сделал шаг вперед, чтобы все собравшиеся могли его хорошо видеть. Он поклонился, но не очень низко — всей душой он желал показать этим людям, что не боится их и не считает их выше себя.

— Милостивые господа, я думаю, что должен кое-что добавить к сказанному моим господином. Меня зовут Орландо, и я всем обязан Его Светлости, поэтому я не задумываясь отдам жизнь за его интересы. Так случилось, что я в курсе ваших великих замыслов, но вы можете быть совершенно спокойны, я не выдам их ни словом, ни вздохом. Я действительно могу быть вам полезен, ибо в любом случае вам потребуются люди для исполнения ваших планов, а я умею действовать быстро и молча.

Фредрикссен скорчил мину, разглядывая парня.

— Мне тоже он не нравится, слишком много думает. Да и вообще, как вы себе это представляете, Карианиди, мы будем слушать вашего лакея? Он будет говорить нам, что делать? Вы с ума сошли!

— О нет, господин маркиз, это вы будете говорить мне, что делать. Вернее, вы скажете мне, чего вы хотите, а я придумаю, как этого добиться.

Орландо поклонился персонально Фредрикссену. Внутри у него бушевала буря, ему хотелось ткнуть подсвечником в памятую физиономию маркиза с неизменным сердечком на щеке. Но вместо этого он преклонил колени и поклялся в верности заговорщикам.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

*Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)*

ВЫСТАВКА КАРТИН «БЛОКАДА»

Выставка картин «Блокада», написанных художником Орловым Валерием Алексеевичем, посвящена 80-летию окончания Блокады Ленинграда. Эта героическая тема раскрыта в листах графики (пастель, акварель), через изображение жизни людей в осажденном городе. Художник не просто фантазировал, он получал необходимый материал у самих жителей блокадного города. На его картинах можно узнать, как выглядели части современного города в то время. Трагедия событий показана в образах женщин потерявших родных. Смерть и жизнь в блокадном Ленинграде были не разлучны, но жизнь все равно победила. Этому посвящен графический лист композитора Шостаковича. Жизнь народа не смогли оборвать фашистские изверги. Блокадный Ленинград понес большие потери, но выстоял и победил. Об этом говорят графические листы этой выставки.

ФОТО: ГРИГОРИЙ ХАРИТОНОВ

